

4н(монг.)
В-74
- 46247 -

**ВОПРОСЫ
ГРАММАТИКИ
МОНГОЛЬСКИХ
ЯЗЫКОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО

ЦЕНТРА

МОНГОЛИИ

УЛААНБААТАР

1998

100

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Сборник научных трудов

ас
Ответственный редактор
доктор филологических наук И.Д. Бураев

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого института общественных
наук АН СССР

НОВОСИБИРСК
« НАУКА »
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

- 46247 -

ББК 81.2(Мо)
В74

Редакционная коллегия
доктора филологических наук
И.Д. Бураев, В.И. Рассадия, Л.Д. Шагдаров

Рецензенты
доктор филологических наук С.Б. Будаев
кандидат филологических наук С.М. Трофимова

Утверждено к печати
Бурятским институтом общественных наук СО АН СССР

В74 Вопросы грамматики монгольских языков. - Новосибирск: Наука.
Сиб. отд-ние, 1991. - 128 с.
ISBN 5-02-029400-4.

Сборник посвящен малоизученным вопросам грамматики монгольских языков, без разработки которых невозможно составление научной грамматики бурятского языка. Обсуждаются спорные вопросы, касающиеся выделения частей речи в монгольских языках и особой группы слов, указывающих на все знаменательные части речи.

Книга предназначена для филологов, специалистов по монгольским языкам.

В 4602020400-001
042(02)-91 682-90 II полугодие

ББК 81.2(Мо)

ISBN 5-02-029400-4

© Издательство "Наука", 1991

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ ГРАММАТИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Перед бурятоведением в предстоящем десятилетии будет стоять очень важная, ответственная задача: создать новое грамматическое описание бурятского языка, "Академическую грамматику", которая подведет итоги развития знаний о бурятском языке за последние полстолетия. Создание фундаментальной "Грамматики", обобщающего свода всех существующих знаний о некотором языке, всегда является крупным событием не только для специалистов-языковедов, но и для народа, носителя этого языка. Подводя итог работам многочисленных специалистов, "Грамматика" является важной вехой в развитии самого языка. Конечно, ее прямое и главное назначение — показать язык, осветить новым теоретическим пониманием все языковые факторы, т.е. представить современное знание о языке. Но она должна также осознать и оценить тенденции развития языка, т.е. показать возникающее в нем, рождающееся и укрепляющееся в общем употреблении, а также и то, что уходит, вступает в конкуренцию с новыми формами, с новыми способами передачи некоторого содержания и отступает, сужая сферу употребления и, возможно, приобретая статус стилистического средства языка.

В какие-то исторические периоды обновление "Грамматики" требуется чаще, в какие-то реже. Русская академическая грамматика впервые за советское время вышла в 1953 г., вскоре после войны, — и это не случайно. Потребность в ней была столь велика, что через семь лет она была переиздана без изменений. А еще через 10 лет вышла однотомная академическая "Грамматика русского литературного языка" (1970). В ней отразился следующий этап развития науки о русском языке. Новое лингвистическое мировоззрение диктовало новые взгляды на формы русского языка и отношения между ними. Тем самым требовалась и новая структура самой "Грамматики". Это был значительный шаг вперед по сравнению с "Грамматикой русского языка" 1953 г., которая для своего времени тоже была крупным научным достижением. Прошло еще 10 лет, и в 1980 г. выходит двухтомная "Русская грамматика". В ней русский язык опять предстает несколько по-иному. Грамматика-70 подводила итоги теоретическим исканиям 60-х гг., когда лингвистическая мысль в нашей стране была особенно интенсивной; она показала, что традиционный взгляд на уже известные факты — не единственно возможный. А отсюда открывались новые пути движения лингвисти-

ческой мысли — не только вширь, к новым, ранее не замеченным фактам, но и вглубь, к выявлению новых связей между известными фактами, к раскрытию механизмов и закономерностей жизни, функционирования языка.

Грамматика-80 создавалась в другую эпоху, которую называют теперь эпохой застоя в социальной жизни. В языкознании социальные ситуации отражаются не так непосредственно, как скажем, в экономике или литературоведении; но и для лингвистики застой не проходил бесследно. Авторский коллектив Грамматики-80 проделал большую работу, стремясь к максимально полному охвату материала, к исчерпывающей инвентаризации и скрупулезной классификации фактов, — "движение вширь". Ради этого приходилось жертвовать теоретической целостностью концепции, единством частей, логической непротиворечивостью. В итоге можно, по-видимому, сказать, что эти две грамматики в известном смысле дополняют друг друга. Первая открывает возможность оригинального теоретического осмысления фактов, заставляет думать о принципах организации русского языка, о его категориях и механизмах. Вторая — наглядно демонстрирует огромные богатства русского языка и определенным образом стремится их упорядочить, показать читателю систематизированные коллекции фактов, являя собой незаменимое справочное пособие.

Исследователей, посвящающих свои силы раскрытию загадок, которые все еще хранит в себе русский язык, в нашей стране тысячи. Поэтому десять лет — это срок, в течение которого представления о многих сторонах русского языка успевают существенно обновиться. Коллективы исследователей других языков нашей страны, в том числе и языков Сибири, далеко не столь многочисленны. Они насчитывают в лучшем случае несколько десятков специалистов. Поэтому десятилетие — слишком короткий срок, чтобы научная продукция этих маленьких коллективов сделала актуальной задачу переработки сложившихся грамматических представлений. Но полстолетия — это уже достаточный срок. И для многих коллективов, изучающих разные языки нашей страны, этот срок уже наступил или наступает. Многие грамматики были написаны в предвоенные годы, например, алтайская (ойротская) и шорская грамматики Н.П. Дыренковой, эвенкийская (тунгусская) грамматика Г.М. Василевич и др.; многие грамматики, в том числе и тувинская, и бурятская, создавались в послевоенные годы. Их "юбилей" тоже не далеки¹.

Языковеды Бурятии уже ощутили и осознали несоответствие "Грамматики", вышедшей в 1962 г. (а подготовленной, разумеется, раньше), современным теоретическим представлениям и требованиям практики: школьно-вузовского преподавания, повседневной "службы языка", издательского дела, радиовещания и других культурно-языковых потребностей. Если потребность осознана, она должна быть удовлетворена.

Какой же должна быть новая "Бурятская грамматика"? Что именно в ней должно быть новым?

Сам по себе бурятский язык, конечно, изменился за 40 лет, но не настолько, чтобы из-за этого переписывать всю грамматику. Из-

менились не столько факты языка, его формы и закономерности, сколько понимание этих фактов, глубина проникновения в материал. То, что полстолетия тому назад оставалось неясным или даже совсем неосознанным, теперь осмыслено, отражено в описаниях, статьях и книгах. Но эти новые знания рассеяны по разным изданиям и доступны только узкому кругу специалистов. Важнее же другое: каждое специальное исследование в области языка направлено вглубь какого-то избранного автором "предмета"; недаром профессионалы, говоря о своей работе, употребляют глагол "копать": "копать" залог, или наречие, или ударение. Процесс добычи нового научного знания действительно можно сравнить с разработкой шурфа: пусть даже полого - все равно он идет в глубину, в то время как общий уровень знания в более широкой области практически почти не повышается. Этот уровень углубляется лишь постепенно, по мере того, как таких "шурфов" становится много и они располагаются все ближе друг к другу, объединяясь в систему: "фронтальное" углубление исследований в некоторой области закономерно сопровождается появлением теоретических концепций, позволяющих под единым углом зрения рассмотреть относительно независимые, на первый взгляд "пестрые", факты. Тогда открывается возможность увидеть "картину в целом" и отразить ее в грамматическом описании языка.

Вот именно эта задача - осознать то новое, что накоплено бурятоведами за "подотчетный период", и показать язык таким, каким он не мог быть увиден и показан пятьдесят лет назад, но уже может быть показан теперь, в самом конце XX в., - и стоит перед новой "грамматикой бурятского языка", работа над которой должна развернуться в последнем десятилетии нашего века.

В этой статье я попробую высказаться о том, как мне видится эта грамматика: какие в ней должны быть новые разделы, что должно излагаться существенно иначе, чем раньше, какую структуру придать этой работе, как распределить материал. Берясь за эту статью, я исхожу из того, что мои соображения послужат толчком для свободного развития мыслей моих коллег, и в ходе свободных научных дискуссий будут найдены оптимальные решения по всем важным вопросам - пусть не те, которые видятся мне. Очень желательно, чтобы в таких дискуссиях приняли участие не только специалисты-бурятологи, но и тюркологи, и тунгусо-маньчжуроведы. Ведь сходные задачи возникают почти одновременно перед целым рядом научных коллективов нашей страны, и в том числе - автономной Сибири. Уже вышли в свет грамматики башкирского и туркменского языков. В Якутске уже полным ходом идет, приближается к завершению работа над вторым томом "Якутской грамматики", посвященным синтаксису; ее первый том уже несколько лет стоит на наших книжных полках². Приступил к созданию своей грамматики коллектив Горно-Алтайского НИИИЯЛ, как ни малы его силы. К работе над "Синтаксисом" приступает и коллектив Тувинского НИИЯЛИ.

Общеизвестно, что монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские языки, объединенные в понятие алтайской типологической общ-

ности, в своем и фонетическом, и грамматическом строе обнаруживают глубоко идущее сходство. На данном этапе развития наших знаний нет смысла спорить о наличии или отсутствии между ними генетического родства³. Совершенно достаточно типологического сходства их сегодняшних состояний, чтобы понять, как много "трудных вопросов" грамматики (и фонетики, и фонологии, и морфологии) в их описаниях может и должно решаться с единых теоретических позиций. Более того: необходимо учитывать, что ни один национальный исследовательский коллектив, взятый отдельно, не насчитывает в своем составе желательного числа специалистов по разным разделам грамматики. Следовательно, эти коллективы должны будут напрячь все свои силы, использовать все потенции, чтобы поставленная перед ними сложная задача была решена в течение десятилетия. В этих условиях было бы крайне неразумно решать порознь те задачи, которые можно решать вместе, равномерно распределяя теоретическую нагрузку. Объединенные семинары по "Грамматикам", взаимное рецензирование разделов, коллективное обсуждение наиболее сложных и спорных вопросов, совместная подготовка и публикация "сопутствующих исследований", без которых невозможно представить себе написание такого труда, — это, с моей точки зрения, очень важное условие достижения успеха на данном пути.

"Граматику бурятского языка", как и грамматики основных тюркских языков Сибири, я представляю себе как двухтомное издание. Первый том, условно именуемый "Морфология", должен включать, кроме собственно морфологии, несколько относительно самостоятельных разделов вводного и вспомогательного (по отношению к грамматике) назначения. Это, во-первых, введение, во-вторых, очерк фонетики и фонологии, в-третьих, раздел "Морфонология".

Во введении должны содержаться лаконично изложенная, но в то же время богатая информация о бурятском языке, о его положении среди языков мира, в частности — в монгольской семье; информация об исторических корнях бурятского этноса по современным научным данным, о его прошлом и настоящем: о числе говорящих, о масштабе и качестве преподавания, об основных этапах развития письменности и о корпусе языка, т.е. об объеме и качественном составе текстов, представляющих бурятский язык, а также о тех социальных, историко-культурных процессах, которые определяют "лицо" бурятского языка сегодня. Здесь должны быть описаны те перемены, которые произошли в нем в течение последнего полувека, и те тенденции, о которых с должным на то основанием можно судить сегодня⁴. Во введении должно найтись место и для представления современных диалектов бурятского языка, и для ряда других моментов, на которых сейчас останавливаться нет возможности. Объем введения должен быть около 1,5 листа.

Далее необходим раздел, посвященный фонетике и фонологии, а следом за ним раздел "Морфонология". Эти разделы не могут не быть внутренне связаны между собой, но в то же время каждый из них характеризуется своей спецификой, которая должна четко осознаваться и формулироваться.

Фонетическое описание звуков бурятского языка должно опираться на экспериментальные данные и носить артикулярно-акустический характер. Но я хотела бы обратить внимание на то, что в "Грамматике", ориентированной на широкого читателя, особенности звуков должны описываться самым простым, общепонятным языком, ибо транскрипционные знаки, понятные специалистам, для простого читателя, даже филолога, но не фонетиста, остаются загадкой. Надо шире использовать опору на звуки других, относительно известных языков: русского, английского, немецкого, тюркских.

Фонологическое же описание должно исходить из принципа взаимной противопоставленности звукотипов, "различителей звуковых оболочек слов и морфем", и раскрывать именно фонологическую систему языка. Думаю, впрочем, что по сути своей эти разделы достаточно традиционны, и мне, как не фонетисту, нет смысла входить в детали этих описаний.

Что же касается раздела "Морфонология", то несколько слов по этому вопросу сказать, мне кажется, необходимо. Бурятский язык последовательно сохраняет принцип сингармонизма. Поэтому я не представляю себе такой грамматики бурятского языка, которая обошла бы эту его особенность или коснулась ее только мельком, в общей форме. Сингармонизм – это не только, и даже не столько "явление звукового строя", как ни тесно связан он именно со звуками и звукотипами, – скорее это явление грамматическое. Корням бурятского языка, как и тувинского, алтайского, эвенкийского, присуще определенное соотношение вокальных и консонантных компонентов, т.е. определенное "сингармоническое качество". В отношениях между гласными и согласными корня нет "первичности" и "вторичности", они просто "даны вместе", взаимно определяя друг друга. "Закону сингармонизма" подчинены связанные с аффиксальными морфемами последующие "слоги". Но если объект сингармонизма – морфема, то и сам закон должен рассматриваться в своей двуединой сущности, как явление морфонологии, а не просто фонетики или фонологии. Я думаю, что понять сингармонизм с позиций "чистой фонетики" невозможно.

Задача раздела "Морфонология" состоит в том, чтобы наглядно представить все единицы (морфемы) бурятского языка, подверженные сингармоническому варьированию, и показать в действии принципы работы этого лингвистического механизма: как, в каких условиях и почему именно так варьирует та или иная морфема.

Далее должно начинаться изложение самой грамматики, описание грамматического строя современного литературного бурятского языка, его морфологии и синтаксиса. В конечном счете "Грамматика" должна показать эти стороны языка в их внутреннем неразрывном единстве, т.е. именно так, как это и обстоит в действительности. Морфология является такой или иной в соответствии с тем, каков синтаксический строй языка. Эти стороны языка-объекта определяют и "взаимно предсказывают" друг друга. Но в грамматическом описании, поскольку оно линейно, одновременно говорить и о том, и о другом нельзя. Традиция описания предписывает сначала

ла рассмотреть морфологию и лишь затем обращаться к синтаксису. Поэтому важно осознавать природу и естественные границы этих разделов описания.

Грамматика оперирует разными объектами, и разных "единиц" у нее немало, но главные - это слово и предложение. Соответственно этому и проводится обычно разграничение между морфологией и синтаксисом, а тем самым естественно по этому же основанию провести границу между первым и вторым томами проектируемого грамматического описания бурятского языка.

Ни слово, ни предложение в бурятском языке не являются простыми, элементарными единицами. Они имеют внутреннюю организацию, "устроены" определенным образом - как в плане выражения, так и в плане содержания. И слова, и предложения представлены множеством структурно-функциональных типов. Оба плана этих единиц, будучи тесно связаны между собой, подчинены вместе с тем каждый своим специфическим законам, в частности - своим законам варьирования, изменения. Раскрыть закономерности этих видоизменений языковых единиц при их функционировании в речи, показать их типологию - в этом состоит главная, "генеральная" задача "Академической грамматики бурятского языка".

Подчеркну, что речь идет о главных единицах языка, которые реализуются в речи. Различение языка и речи считается одним из важнейших достижений лингвистики XX в. Провозглашенное Ф. де Соссюром в начале нашего века, это различие отнюдь не быстро и не легко входило в глубины сознания языковедов. Быстрее всего было освоено понятие фонемы. Фонема как звуковая единица языка противопоставляется представлению о физической и физиологической реальности звука речи. Понятие фонемы и сейчас трактуется отнюдь не однозначно, - но оно "привилось", им пользуются все. Естественно вошел в практику лингвистических описаний и термин "морфема", - он существовал уже раньше, и именно он передал свой суффикс -ема другим терминам нового, формирующегося ряда. Новое состояло в том, что морфема противопоставилась алломорфам как своим вариантам и морфам - как своим явлениям в речи. "Эмические" термины стали обозначать сущности. Вошел в практику и термин "лексема" - как имя понятий грамматического и лексикологического. В системе грамматики лексема - это слово, взятое во всем богатстве его грамматических форм, но в отвлечении от богатства его лексических значений, его лексико-семантического варьирования, которое как раз и подразумевается термином "лексема" в лексикологии.

Что же касается "предложения", а тем самым и других синтаксических единиц, то до самого последнего времени они сохраняли, а отчасти и сохраняют двойственность, подразумевая в одних случаях действительно единицу языка, эталон, образец, по которому строятся говорящими речевые "высказывания", или фразы, в других же случаях - сами эти речевые построения. При работе над новой грамматикой необходимо четко сознавать это различие и ориентироваться на единицы языка, которые являются нам, будучи

употреблены в речи, становятся доступными наблюдению и описанию во фразах, произнесенных или написанных. Во избежание смешения этих понятий целесообразно, говоря о синтаксических, конструктивных единицах языка, представлять и называть их моделями: говорить о моделях предложений, моделях тех или иных частей предложения, — например, моделях предикативных узлов, словосочетаний или оборотов данного языка. Термин "модель" подразумевает конструктивную схему, которой поставлена в соответствие определенная функция и синтаксическая семантика. Так, например, модель пары однородных именных членов бурятского языка можно представить как $(T_N^1 + T_N^2)$ хоёр + падеж; например: (Бадма Дугар) хоёр-ые 'Бадму и Дугара'.

Вернусь теперь к морфологии и к ее центральному предмету — слову и лексеме.

Слово характеризуется двумя важнейшими с точки зрения грамматики свойствами. Первое из них состоит в морфологической непростоте его внутреннего строения, т.е. в том, что слово членимо на значимые составные части, именуемые морфемами. Второе состоит в том, что лексема как грамматическая единица языка, оставаясь самой собой, той же самой лексемой (словом), закономерно меняет свою форму. Одновременно что-то обязательно меняется в ее семантике, но это семантическое различие мы не признаем достаточным основанием, чтобы говорить о "другом" слове; новое образование мы называем лишь формой данного слова. Соответственно этому, слово как единица грамматики представляет собой совокупность его грамматических форм — множество, которое осознается как единство, как одно слово.

Очень существенно, что это множество является упорядоченным. Составляющие его единицы, т.е. словоформы, связаны определенными отношениями, которые называются парадигматическими. Иначе говоря, грамматическую структуру лексемы составляет парадигма его словоизменения, а парадигмы принадлежат не отдельным словам, а определенным частям речи. Устройство парадигм, свойственных той или иной части речи (а иногда и определенным разрядам слов внутри частей речи), определяется составом и строением грамматических категорий этой части речи (или разряда).

Таким образом, лексемы той или иной части речи имеют свой объем, который определяется количеством словоформ, предусмотренных парадигмой. Лексемы разных частей речи очень разновелики. Так, лексемы, принадлежащие неизменяемым частям речи, — например, наречие — состоят только из одной словоформы. Объем субстантивной лексемы определяется произведением чисел, соответствующих количеству грамматических значений в составе каждой из категорий словоизменения существительного; в бурятском языке 7 падежей, 2 числа, 7 грамматических значений в структуре категории принадлежности: одно значение "безличное", одно "субъектное" или "возвратное" и 5 личных значений (1-е и 2-е л. ед. ч., 1-е и 2-е л. мн. ч., 3-е л. без различия чисел). Произведение

это составляет $7 \times 2 \times 7 = 98$ форм. Объем глагольного слова несравненно больше — он, по нашим грубым подсчетам, превышает 500 форм. Но дело не только в количестве форм у глагольного слова. Важнее то, что сама структура глагольной парадигмы гораздо сложнее, чем субстантивной. Для того чтобы реконструировать эту парадигму и "сосчитать" задаваемые ею места, необходимо провести специальное, хотя и относительно небольшое исследование.

Своеобразие грамматической организации разных типов лексем является одним из важнейших оснований грамматической классификации словаря, его разбиения на классы, и в первую очередь выделения разных частей речи. Когда существительное как часть речи уже выделено и мы знаем, какие слова являются (должны называться) существительными, не так трудно сосчитать, сколько у них может быть форм, но сейчас я обращаю внимание на то, что исторически и логически само выделение существительного как части речи опиралось на особенность системы его грамматических форм, и прежде всего на способность существительных изменяться по падежам. А эта способность принадлежит существительным в силу того, что в предложениях они выполняют прежде всего роли актантов при предикатах, т.е. являются именами предметных участников ситуации. Поскольку сами эти роли могут быть разными, они взаимно противопоставляются в системе языка. Именно эти ролевые различия (оппозиции) и маркируются падежными показателями. В бурятском языке, как и в русском и тюркских, показатели падежей морфологичны. В языках, где нет морфологических показателей падежей, маркерами актантных ролей становятся специальные служебные слова (например, в английском и французском — предлоги). Японский язык демонстрирует особый тип показателей падежей (или маркеров актантных ролей), которые примерно в равной мере морфологичны и синтаксичны.

Ставя перед собой задачу описания морфологической системы языка, в частности системы морфологических категорий, составляющих фундамент, или своего рода "каркас", грамматического строя каждого языка, необходимо отдавать себе отчет в том, что основной функцией естественных человеческих языков всегда остается живое общение людей по поводу текущих событий; люди участвуют в них, и потому субъективно заинтересованы. А отсюда следует, что в естественных языках нет и не может быть никаких абсолютов, никаких "не нарушаемых никогда ограничений". Живые языки всегда гораздо богаче и гораздо сложнее любых, самых богатых и полных, самых глубоких своих описаний. Поэтому не должно вызывать недоумения то, что среди существительных находятся и такие, которые, допустим, не образуют форм множественного числа. Они просто составляют особый разряд внутри существительных как части речи. И одна из важных задач морфологического описания — выявление разрядов с разными особенностями парадигм в рамках всех категорий слов.

Парадигма глагола много сложнее парадигмы существительного. Она характеризуется внутренними зависимостями на уровне самих

категорий словоизменения, чего в сфере имени существительного нет. Эта внутренняя сложность проявляется, в частности, в том, что объектом грамматического варьирования являются не только глагольные слова, лексемы, но также и отдельные формы. Будучи, с одной стороны, результатом грамматического изменения в аспекте некоторой категории, т.е. формой, тот же самый языковой феномен, как, например, ерэмсээр ($T_v = \text{мсаар}$), является, с другой стороны, объектом дальнейшего варьирования в аспекте определенных грамматических категорий. Иными словами, определенным формам глагола присуще специфическое дальнейшее формообразование. Например, ерэ=мсээр=ни, ерэ=мсээр=тнай и др.

Первой категорией глагола, делящей все множество глагольных форм на две существенно разные подсистемы, является, с моей точки зрения, категория финитности/инфинитности.

Инфинитные формы, т.е. причастия, деепричастия, а также – в различных языках – инфинитивы, герундии, масдары и т.д., традиционно включаются в состав глагольной лексемы, хотя некоторые лингвисты рассматривают их как особые части речи⁵. Надо, однако, заметить, что понятийно-терминологический беспорядок в этой сфере существенно затрудняет сопоставление форм в аспекте их реальных грамматических свойств: один и тот же термин, например, причастие, деепричастие, подразумевает в разных грамматических традициях (в русистике и монголистике, например) существенно разные по своим свойствам формы.

В языках Сибири многие – но не все! – причастия и деепричастия способны изменяться в аспекте грамматического лица⁶, а причастия – также и падежа (в системе предикативного склонения). Очень существенно, что формы, относимые к одному классу, т.е. разные деепричастия, разные причастия, в алтайских языках Сибири варьируют далеко не одинаково. Так, например, бурятские деепричастия на =жа, =аад, =н, =нгуй и некоторые другие дальнейшему изменению не подвергаются; деепричастия на =мсаар, =халаар свободно принимают показатели всех грамматических лиц (посессивного типа): ерэ=мссэр=ни 'как только я пришел', ерэ=мсээр=ээ 'как только пришел (тот, кто является субъектом главного действия)'. Деепричастия на =бал и =һаар имеют неполную парадигму спряжения: к ним присоединяются только лично-притяжательные, но не субъектно-притяжательные аффиксы.

Своеобразие дальнейшего изменения причастий и деепричастий по сравнению с изменениями финитных форм представляется очевидным. Но "финитное спряжение" осмыслено и изучено гораздо полнее, чем "инфинитное". В новой "Грамматике" каждая инфинитная форма должна быть подробно охарактеризована под этим углом зрения.

Авторский коллектив "Грамматики" должен с единой теоретической точки зрения подойти к таким традиционным терминам и понятиям, как "финитная – инфинитная", или "конечная – не конечная" форма". Каждую глагольную форму бурятского языка необходимо оценить с помощью единой системы теоретических критериев, не огра-

ничиваясь традиционной приписанностью ее к тому или иному классу форм.

Задача состоит в том, чтобы показать реальное многообразие форм и функций там, где традиция предлагает нам один обобщающий термин. До настоящего времени не определен окончательно даже списочный состав причастий и деепричастий современного бурятского языка⁷, не подвергнуты критическому анализу и основания отнесения отдельных форм к классу причастий или деепричастий. Известно, что многие деепричастия восходят к косвенно-падежным формам причастий. Но как определить тот момент, когда происходит обособление данной формы, ее выпадение из подсистемы форм более общего типа? Например, надлежит ли форму на =хада, передающую значение временной соотнесенности, считать причастием будущего времени в дательном-местном падеже – или уже деепричастием? Чтобы решать вопрос о том, какие формы этого типа уже перешли в класс деепричастий, какие нет (ср., например, ерэ=хэдэ=мни, ерэ=пэндэ=м, ер=ээ=гүй=дэ=мни, ер=ээ=дүй=дэ=мни)⁸, необходимо тщательно исследовать и описать специфические свойства каждой формы, одновременно формулируя принципиальные требования таких классов форм, как деепричастие (и его разновидности), причастие, имя действия и др.

Специфика парадигм словоизменения – очень важный, но не единственный критерий разбиения всех слов языка на классы и подклассы. Другим основанием такого разбиения было и остается своеобразие лексического значения слов, объединяемых в некоторый класс. Понятно, что речь идет не о конкретном значении, не о том, что отличает, к примеру, значение слова хүбүүн 'парень' от значения басаган 'девушка, девочка' или нохой 'собака' от шоно 'волк'. Речь идет именно об абстрактных, категориальных смыслах, о таких компонентах лексического значения, как предметность, процессуальность, признаковость в ее статическом и динамическом вариантах, признаковость предмета или признаковость действия и т.п. (сравним, например: белый, черный – белеть, чернеть – белить, чернить – белизна, чернота). Категориальные признаки тесно сопряжены с составом грамматических категорий и в равной мере определяют их, определяясь ими. Так, например, существительное баатаршалга 'героизм' обозначает признак, свойство героя, а не героя как лицо, "предмет" (ср. баатар – 'герой, богатырь'). Но в то же время слово баатаршалга, обозначая признак, обладает категориальным значением предметности, поскольку ему, как существительному, присущи грамматические категории падежа, числа, принадлежности⁹. С другой стороны, значение предметности, присущее сочетанию этих грамматических категорий, является производным от представления о настоящих "предметах". Предмет в общежитейском, не философском, не научном смысле понимается обычно как нечто материальное и относительно самостоятельное, так или иначе выделенное (или выделяемое) из среды, в силу чего это нечто мы можем хотя бы мысленно переместить, не разрушая его целостности. В это понятие включаются как активные "предметы", например, по-

ди, животные, стихии — река, ветер, так и пассивные, "инактивные" — растения, "статические" явления природы (утес, луна, озеро, облако) и "артефакты", т.е. изделия человеческих рук (сковорода, кирпич, веревка, седло).

Поскольку в разнообразных ситуациях жизни предметы выступают в определенных типах ролей, которые и говорящий, и адресат речи должны распознавать и различать, не смешивать, постольку в самых разных языках мира формируются различные маркеры этих ролей. В языках с развернутой морфологией это морфологические показатели падежей, флексии или аффиксы. Наличие же парадигмы "склонения существительных по падежам" позволяет распространить понятие "предметности", "определенности" на объекты, отнюдь не являющиеся предметами в исходном смысле слова, например мысль, улыбка, красота, движение и др.

На современном этапе развития наших знаний становится все очевидней, что разнообразие тех общих, широких категориальных значений, от которых зависят "грамматическое поведение" слов, их назначение в речи, их выразительные возможности, шире того диапазона различий, который подразумевается, когда речь идет о категориальных значениях частей речи. Само понятие о частях речи подразумевает лишь полнозначные, полнознаменательные слова, выполняющие номинативную функцию, т.е. выступающие в качестве названий определенных классов предметов или явлений (нередко совмещая номинативную функцию с характеризующей, оценочной и др.). Но наряду со словами-названиями в каждом языке существуют слова, лишенные номинативной функции. Таковы, например, слова-указатели, в европейской лингвистической традиции называемые

местоимениями¹⁰. В европейских языках слова-указатели действительно соотносятся только с именами; местоименные наречия — это лексикализовавшиеся формы тех же заместителей именных позиций; потому — по тому, затем — за тем и т.п. В монгольских языках широко представлены и "заместители глаголов", названные В.М. Надеяевым "местоглаголиями": например, бур. ии(гэ) = 'делать так' (близкое указание), тии(гэ) = 'делать так' (отдаленное указание). В качестве общего для всех слов — указателей и заместителей предлагался и термин "местословия"¹¹.

В грамматиках европейских языков местоимения традиционно включают в состав частей речи; но логика научного рассуждения выталкивает их из этого круга, потому что они и формально, и содержательно соотносятся со словами разных частей речи. Раз так, они принципиально не могут иметь такой парадигмы словоизменения, которая была бы общей для всех местоимений и отличала бы их от полнознаменательных, автосемантических частей речи. Бурятские местоимения, как совершенно правильно заметил В.И. Рассадин¹²,

в миниатюре, но полностью воспроизводят всю систему знаменательных частей речи. И именно поэтому, — здесь я целиком согласна с В.И. Рассадиным, — они должны рассматриваться не как отдельная часть речи, но как особый, иной тип слов. Место-

именя противопоставлены частям речи как словам-названиям и в то же время соотносительны с ними.

Такой же особый класс в лексико-грамматической системе бурятского языка составляют и образные слова. Это очень специфический класс слов, связанный, по-видимому, с особым, "дополнительным" типом представлений о признаках в их множественном единстве и привязанности к предмету. Такие представления о целостных чувственных образах получили широкое развитие в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Из тюркских они широко представлены в якутском, который еще на ранних этапах своего формирования испытал сильнейшее монгольское влияние. В меньшей мере образные слова представлены и в других тюркских языках Сибири - в тувинском, алтайском¹³. Но применительно к тюркским языкам правомерность выделения их в особый класс наряду с частями речи и словами-указателями требует серьезного обсуждения. Для бурятского языка это представляется вполне рациональным. Бурятские образные слова заслуживают специального изучения и грамматического описания. Возможно, что в один с ними класс смогут войти и междометия, - но пока этот вопрос лучше оставить открытым.

Четвертый класс слов, противостоящий всем рассмотренным классам, составляют служебные слова. В своей книге "Русский язык" (1947, 1972), которая предшествовала академическим грамматикам русского языка и содержала лишь грамматическое учение о слове, не касаясь вопроса о предложении, В.В. Виноградов противопоставлял частям речи (включая местоимения) класс слов, названный им "частицами речи". "Частицы речи", в свою очередь, подразделялись им на предлоги, союзы, частицы; к этому списку естественно добавить специально не выделенные за малочисленностью слова-связки. Имея в виду алтайские языки, мы должны говорить не о предлогах, а о послелогах, в тувинском выделять у глаголов проклитики с семантикой лица (мен келген мен - 'я пришел'), в обско-угорских языках выделять превербы. Что же касается частиц, в узком смысле, как одного из разрядов "частиц речи", т.е. служебных слов, - то они распадаются на несколько существенно разных типов или разрядов, и один из них - модальные частицы - вплотную смыкается с разрядом "модальных" или "вводно-модальных" слов, которые не вошли ни в один из намеченных выше разрядов. На современном уровне знаний в области и русского, и ряда других языков, включая бурятский, создались серьезные, с моей точки зрения, предпосылки к тому, чтобы включить модальные слова, как и модальные частицы, в состав служебных слов.

Применительно к алтайским языкам, в частности бурятскому, номенклатура служебных слов, выработанная на материале европейских языков, оказывается недостаточной. С одной стороны, категория союзов в этих языках представлена очень слабо: агглютинативные языки почти не испытывают потребности в союзах, ни для связи слов, ни для связи предикативных единиц, поскольку эти связи

в подавляющем большинстве случаев выражаются морфологически-ми средствами. Союзы в каждом алтайском языке есть, этот разряд не пуст, — но бесспорных союзов совсем немного. С другой стороны, в сибирских языках мы находим такие служебные слова, которые трудно отнести к какой-либо из традиционных рубрик, т.е. к послесловам, частицам, союзам, — если, конечно, не перестраивать понятийного содержания этих терминов. Эту ситуацию можно проиллюстрировать такими бурятскими служебными словами, как һаа, хаде. Они похожи на союзы с семантикой обусловленности; с их помощью выражаются условные, уступительные, причинные отношения. Но от союзов они резко отличаются тем, что принимают на себя личные показатели глагола-сказуемого, т.е. выступают в качестве финального компонента сказуемого зависимой части. Например: Шини ер=ээ=гүй, туһал=аа=гүй һаа=шини, хүбүүн, би яахашье һэн аабиб даа (П. Доржиев) — Если бы ты не пришел, не помог, парень, что бы я делал? (=шини — афф. притяжения 2-го л. ед.ч., выражающий лицо зависимого действия).

Служебное слово аад не принимает ни личных, ни каких-либо иных грамматических показателей, это "неизменяемое слово", что сближает его с привычным представлением о союзах. Постпозитивность отличает его от русских союзов, но, например, в латинском постпозитивные союзы нормативны. Грамматический статус таких слов, как хэрбээ, гэже, гэхэдэ, которые тоже сближаются с союзами по одним признакам и противостоят им по другим, требует серьезного внимания и теоретического осмысления. Весьма вероятно, что само понятие о союзе — или, шире, о синтаксической скрепе — для бурятского языка нужно формулировать иначе, шире, чем оно формулируется для русского языка

14

Из сказанного ясно, что служебные слова составляют одну из серьезных теоретических и практических проблем бурятской грамматики. Было бы очень целесообразно и своевременно именно теперь предложить эту тему в качестве диссертационного исследования кому-нибудь из талантливейшей молодежи. Очень важен с теоретической точки зрения вопрос о грамматических категориях, присущих разным классам и разрядам бурятских слов. В "Грамматике", конечно, должны быть описаны ряды форм, соответствующие той или иной категории, и выделены формальные средства, используемые для выражения грамматических значений, составляющих каждую категорию. Прежде всего это аффиксы с их закономерными фонетическими вариантами, — но если описание закономерностей фонетического варьирования аффиксов будет вынесено в раздел "Морфонология"¹⁵, это позволит разгрузить раздел, посвященный грамматическим категориям, от избыточных деталей, повторений, многочисленных иллюстраций фонетического варьирования, сосредоточив внимание на сущности грамматических категорий как фундамента грамматического строя и конкретнее — на специфике грамматических категорий именно бурятского языка. Эту специфику нужно показать, с одной стороны, на фоне русского, с другой — на фоне

генетически родственного монгольского и типологически близких тюркских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири.

В разделе, посвященном существительному, лингвистическая сущность категории падежа должна быть раскрыта на уровне современной науки¹⁶. Типология падежей обусловлена типами функций, выполняемых каждой из падежных форм. Важно показать, с одной стороны, сами "полярные типы" функций: разные приглагольные, т.е. субъектно-объектные, актантные, связанные с сильным управлением глагола (реже - именных слов), и обстоятельственные (сирконстантные) - в противопоставлении их приименной, притяжательной функции. С другой стороны, важно показать полифункциональность каждого падежа, совмещение нескольких функций, связанных с одной и той же формой. Конкретному описанию каждого косвенного падежа должна предшествовать также своего рода классификация падежей. Поскольку, к сожалению, расположение падежей в традиционном списке носит явную печать случайности, в "Грамматике" они должны быть поставлены в те отношения, в тот порядок, который соответствует их сущности.

Специального внимания заслуживает вопрос о "первом" падеже, представляющем существительное вне контекста. "Первый падеж" в алтаистике связан с целой серией наименований: термин "прямой падеж" противопоставляет его косвенным; этот термин характеризует его, но не может быть признан его собственным названием. На эту роль претендуют термины "именительный", "основной" и "неопределенный". Мне представляется, что термин "именительный" неудобен тем, что слишком сближает этот алтайский падеж с именительным падежом русского языка. В грамматическом описании его следует как раз противопоставлять, привлекая внимание к отличительным особенностям. Термин "основной" неудобен тем, что он ассоциируется с представлением об основе слова, в то время как падежная форма, даже если она характеризуется нулевым показателем падежа, есть словоформа, а не основа, не часть слова. Поэтому самым удачным я считаю термин "неопределенный падеж", следуя в этом предпочтении за В.М. Надеяевым и Е.И. Убрятовой.

Очень важно показать и проиллюстрировать те специфические функции, которые выполняет неопределенный падеж в отличие от русского именительного, - в частности, его использование в функции прямого дополнения при переходных глаголах.

Вопрос этот требует еще серьезного теоретического обсуждения, которое должно предшествовать написанию соответствующих разделов "Грамматики": в самой "Грамматике" спорам уже не должно быть места. В настоящее время еще трудно с полной определенностью утверждать, какая из трех сосуществующих интерпретаций этой формы наиболее адекватна: имеем ли мы здесь дело с формой неопределенного падежа в роли прямого дополнения (что лично мне кажется наиболее адекватным), или перед нами внепадежная форма имени, связь которой с доминирующим глаголом столь

сильна, что уже не является синтаксической связью. Некоторые языковеды продолжают считать, что мы имеем здесь дело с "винительным неформленным", что, на мой взгляд, свидетельствует о смешении синтаксического представления о прямом дополнении с морфологическим представлением о винительном падеже, понимаемом как единственная форма прямого дополнения. Но это представление давно устарело, в современной науке уже вполне осознаны множественность форм прямого дополнения в одном языке и даже наличие между этими формами функционального противопоставления.

Чтобы решать этот комплекс вопросов, нужно сначала принять обоснованное решение относительно квалификации того целого, которое составляет соединение этой формы с доминирующим глаголом (или с существительным): если это словосочетания, то перед нами падежная форма; если же это аналитические слова, то перед нами внепадежная форма, которая может интерпретироваться как основа. Ясно, что этот вопрос нужно решить до того, как будут рассматриваться косвенные падежи.

Первым среди косвенных падежей должен описываться винительный — самый чистый, последовательный падеж объекта, который формирует представление о действии ("воздействии" на что-то, кого-то) в его противопоставленности состоянию. Особое место винительного падежа не требует пространной мотивировки. Однако, описывая этот падеж, важно отметить и то, что даже его формы способны выступать в обстоятельственных функциях, которые не предсказываются семантикой глагола (например, рус. прошел весь путь пешком, спал всю ночь, всю дорогу ел).

За винительным падежом в "Грамматике" должны следовать другие падежи, в семантике которых значительное место занимают субъектно-объектные функции, связанные с сильным управлением глаголов. При этом "прямые" (в залоговом смысле) глаголы управляют косвенными падежами объектов, в то время как косвенно-залоговые, — например, каузативные в страдательных конструкциях, — требуют косвенно-субъектных именных форм.

В системном описании вперед должны выдвигаться те падежи, в системе значений которых весомость субъектно-объектных функций больше. Видимо, после винительного должен описываться дательно-местный падеж. Этому бурятскому падежу соответствуют два разных падежа в тюркских: дательный и местный. В системе значений дательного падежа преобладают субъектно-объектные функции, местный — почти целиком обстоятельственный падеж. Бурятский дательно-местный падеж свободно принимает на себя выражение пространственно-временных отношений (отвечая на вопросы "где?" и "когда?"), но его объектно-субъектная сфера тоже весьма значительна и заслуживает специального внимания. Это и падеж косвенного субъекта в предложениях с семантикой состояния (например: Намда эшхэбтэр байба 'Мне было стыдно'). Это также падеж субъекта в страдательной конструкции со сказуемым в формах побудительного и страдательного залогов: Баабай=д=аа найн гэгшээр хур=үүл=ээ хүм (Б. Ябжанов) 'Отцом своим (я) основательно был на-

казан'; Ехээр гугаган голхорхониинь Дамба-да һанагдаба 'Дамбе вспомнилось, как сильно он рассердился'. В случаях типа Намда ном худалдажа абагты! 'Выберите мне эту книгу!' - это, разумеется, падеж адресата действия (или речи).

Вслед за дательным должны рассматриваться другие падежи, в семантике которых объектно-субъектные функции занимают все меньшее место, а пространственно-временные и другие обстоятельственные значения - все большее: исходный, творительный (орудный, инструментальный?), совместный.

Притяжательный (родительный) падеж заслуживает особых комментариев, поскольку в нем ведущая атрибутивная функция не сочетается ни с объектной, ни с обстоятельственной, однако может сочетаться с субъектной функцией; форма родительного падежа в притяжательном словосочетании представляет собой не просто определение, и, может, не столько определение, сколько широко понимаемый "субъект обладания". Важно поэтому показать диапазон конкретизаций этого грамматического значения, которое в силу отсутствия грамматической категории принадлежности в русском и других европейских языках не получило должной разработки в системе европейской теоретической грамматики.

От родительного падежа естественен переход к этой второй грамматической категории бурятского имени существительного - к категории принадлежности с ее иерархической внутренней организацией: личная принадлежность, представленная пятью грамматическими значениями "лица-посессора" (или обладателя), противопоставит субъектной (или возвратной) принадлежности, т.е. принадлежности тому, кто назван подлежащим данного предложения. Поскольку же всем шести притяжательным формам (пять личных и одна возвратная) противопоставит одна непритяжательная, "нулевая" в этой субпарадигме, постольку общее число значений этой категории составляет семь.

Описывая семантику категории принадлежности (и, разумеется, соотносясь с тем, что уже сказано в описании родительного падежа), нужно отметить способность форм с лично-притяжательными показателями функционировать и без субъектного определителя в форме родительного падежа: басага-мни ~ мнини басаган.

Описанию притяжательного склонения в "Грамматике" необходимо, но оно должно быть лаконичным и формальным: его можно представить серией таблиц, имея при этом в виду, что специальный раздел "Морфология" вводится в "Грамматику" именно для того, чтобы не загружать основные разделы монотонными перечислениями закономерных, легко предсказуемых фонетических вариантов. Оговаривать нужно лишь те случаи, когда наблюдается какое-то отклонение от общих, известных, уже описанных закономерностей.

Описывая грамматическую категорию числа, желательно заострить внимание на ее специфике по сравнению с русским языком. т.е., во-первых, показать большую избирательность множественного числа, чем в русском, а соответственно и более сильную, чем в русском, интенцию форм единственного числа представлять различ-

ные множества. Таким образом, сфера употребления форм множественного числа не только сужается, но как бы распадается на несколько относительно самостоятельных "случаев", которые требуют описания.

Описывая грамматические категории существительного, нужно иметь в виду, что это описание должно быть базовым для описания других частей речи, особенно тех, формы которых способны субстантивироваться или номинализироваться. Сами понятия субстантивации и номинализации в их взаимной связи и взаимной противопоставленности требуют специального рассмотрения. Говорить о них в связи с существительными еще рано. Однако в разделе "Словообразование существительных" этот вопрос в какой-то мере должен затрагиваться. Подробнее о субстантивации и номинализации должно быть сказано при рассмотрении прилагательных и причастий. Так, о прилагательных будет сказано, конечно, что в роли определений они примыкают к существительным слева и являются неизменяемыми словами. Субстантивируясь, т.е. в абсолютном употреблении, прилагательные приобретают способность изменяться по падежам точно так же, как существительные, что не означает, однако, их превращения в существительные. Но нельзя забывать и о предикативной функции прилагательных, которую они выполняют и в простом предложении, и в зависимой части сложного, — а с этим связаны их номинализация и их участие в предикативном склонении.

Грамматические категории глагола сложнее и богаче именных категорий. Поэтому с глаголом связано гораздо больше неясных, дискуссионных вопросов.

Сравнительно проста грамматическая категория лица. Если иметь в виду "абсолютное" грамматическое лицо, исчисляемое относительно данной речевой ситуации: говорящий — собеседник (и включающие их коллективы) — "не участник(и) речи", то она устроена так же, как в русском и в тюркских языках, но в описании бурятского языка нельзя обходить вниманием формализованную грамматическую категорию относительного лица, которое исчисляется не относительно речевой ситуации, а относительно ситуации другого действия, описанного в главной части данного сложного или осложненного предложения. Показателями грамматических значений относительного лица служат аффиксы личной и субъектной принадлежности: первые, в своей совокупности, выражают факт нетождества субъекта зависимого действия субъекту главного; каждый конкретный личный аффикс соотносит это "особое" лицо с ситуацией речи, так что в конечном счете грамматическое значение, выраженное этим способом, является относительно-абсолютным. Аффикс субъектной принадлежности выражает тождество субъектов.

Это значение является чисто относительным

Серьезного внимания заслуживает категория "времени-наклонения". Современная грамматическая теория все более склоняется к признанию этой "двуединой" категории одной лингвистической

сущностью, внутренняя структура которой характеризуется значительной сложностью. Применительно к алтайским языкам эта позиция представляется мне еще более обоснованной и "наглядно подтверждаемой", чем по отношению к европейским языкам, на почве которых она сформулирована¹⁸. В бурятском языке (как и других алтайских) достаточно строго выполняется принцип упорядоченного следования морфем: в направлении "вправо от корня" убывает лексичность и нарастает грамматичность значения, вносимого аффиксом. В составе глагольной лексики нет двух позиций для аффиксов времени и наклонения: эти аффиксы связаны отношениями дополнительной дистрибуции, "или - или", что, как известно, является показателем их принадлежности к одной категории. В эту же категорию включаются и "показатели инфинитивности", т.е. причастий и деепричастий. Та позиция, в которой появляются в словоформах все названные показатели, открывает собою собственно грамматическую часть бурятского глагола, глагольной словоформы. "Нулевое замещение" этой позиции в составе высказывания знаменует одна из разновидностей императива, вне высказывания эта форма соответствует основе глагола.

Как известно, формы индикатива, т.е. реального, действительного, изъявительного наклонения, "специальных показателей не имеют". В то же время было бы неверно сказать, что индикатив выражается "нулевым показателем". Как обычно говорят грамматисты, он выражается "с помощью временных форм". Однако в каждом языке есть немало форм, которые принято относить к числу временных, хотя по сути дела они или вообще не выражают времени, или совмещают некоторое временное значение с достаточно яркими модальными характеристиками действия. Оценка таких форм как временных оказывается, по сути дела, неправомерной. В русском языке это относится к такой, например, форме, как я взял было этот ключ, но, подумав, положил на место. В тюркских языках Сибири очень нагружена модальными значениями каритивная форма на галак, подразумевающая действие, которое еще не совершилось, но вот-вот должно совершиться, ожидается говорящим. Среди бурятских форм ее аналогом является, по-видимому, только каритивная форма аа=дүй 'еще не', в роли зависимого сказуемого с показателем датива - аа=дүй=дэ: Шүүдэрэй хат=аа=дүй=дэ үрдижэ хэжэ абая 'Пока не высохла роса, возьмемся-ка за работу'¹⁹. "Надвременной" является в бурятском языке и форма на даг, которая может относиться к любому из абсолютных времен и указывает только на регулярность, воспроизводимость или постоянство действия.

Поэтому описание форм времени-наклонения бурятского глагола требует большой вдумчивости и солидного эмпирического материала, который позволил бы проверить соображения автора раздела, убедиться самому и убедить других членов авторского коллектива в их резонности. Вообще мне кажется важным в рукописном варианте грамматики иметь превышающий ожидания запас иллюстративного

материала, из которого на стадии редактирования можно будет сделать разумный выбор.

Что касается собственно временных значений в системе индикатива, то бурятский язык дает очень интересный и удобный материал для построения теоретической "модели" временной системы, по крайней мере в ее "абсолютной" части. Нередко говорят о возможности только трех абсолютных времен, исчисляемых относительно момента речи: до - в момент речи - после ²⁰. Другие формы оцениваются либо как аспектуально-временные, либо как модально-временные, либо как еще каким-то образом "совмещенные". Но мне кажется, что возможны и не "совмещенные" временные (абсолютные) значения, если оппозиции между формами связаны с оценкой временного интервала между действием и моментом речи как длительного или недлительного. Сравним, например, две формы будущего времени: ерэ=хэ=б и ерэ=хэ=мни, или формы прошедшего: ерээ и ерээ һэн (на фоне "нейтральной" в этом смысле формы ерэ=бэ).

Очень важным мне представляется вопрос о соотношении финитных и инфинитных форм, или, иначе, о грамматической категории финитности/инфинитности в системе бурятского глагола.

Хотя грамматическая традиция до настоящего времени не рассматривает финитность/инфинитность как грамматическую катего-

²¹рию глагола, я не представляю себе, как можно свести воедино все формы глагольного слова, построить "модель глагола" того или иного языка, обходя вниманием эту категорию. Я полагаю, что именно с нее и следует начинать анализ глагольных форм, глагола как части речи бурятского языка. И центральным теоретическим вопросом в рамках этой проблемы является, безусловно, вопрос о соотношении финитных и "причастных" форм, которые традицией относятся к инфинитным.

Традиционное определение причастий апеллирует к их способности выступать в роли определений при существительных. Соответственно финитными признаются безоговорочно только те глагольные формы, которые этой способностью не обладают: в бурятском это формы на =на и на =ба. Это влечет за собой чрезвычайно сильное ограничение, - не побоюсь сказать, обеднение представления о системе собственно-глагольных, финитных форм. Получается, что финитного глагола в бурятском языке, - равно как и во многих тюркских, - "как бы и почти нет", а все широкое поле представления действий, их локализации во времени предоставлено причастиям. Поскольку же причастия трактуются как "именные формы" глагола, причастные сказуемые оказываются как бы и не вполне полноценными; возникает даже вопрос, нет ли при них позиции "опускаемой связки". При форме на =һан такая позиция есть, так нет ли ее и при других причастиях?

Мне кажется, что уже наступило время разобраться в этом вопросе и расставить глагольные формы по приличествующим им местам. Это непросто, но это необходимо. Пора, по-видимому, отка-

заться от сведения в одну "форму" нескольких форм, имеющих парадигмы при общей лексико-грамматической основе, включающей характерный формообразующий аффикс: =ха, =даг, =аа, =һан, =һхай и др. Парадигма, в составе которой подобные формы принимают показатели абсолютного грамматического лица, является парадигмой финитного спряжения. Формы, принимающие эти показатели, и должны оцениваться как финитные формы глагола, а не как причастия. А если предложение, в составе которого они выступают как сказуемые, попадает в зависимую позицию, подчиняется другому, главному, оно выражает свою зависимость при помощи падежного аффикса, меняя при этом форму личных показателей. Например: Би ерә=хэ=тгүй=б 'Я не приду'; Бишыхан Дарима минни ерә=хэ=тгүй=һөө=һми айна 'Маленькая Дарима боится, что я не приду' (=һөө – аффикс исходного падежа, которым управляет глагол ай= 'бояться'). Мы должны оценить это преобразование соответственно его природе. Термин "причастие" нам в этом несколько не помогает.

Мне кажется, что причастиями следует называть не те формы, которые "способны" быть определениями при существительных (но на самом деле являются сказуемыми, выражают действие, локализованное во времени и отнесенное к определенному действующему лицу), а только те формы, которые действительно являются определениями при существительных. Эти формы можно назвать "неизменяемыми" (поскольку они просто примыкают к определяемому).

Таким образом, я вижу три разные формы, с разными свойствами, с разными парадигмами формоизменения, замаскированные под одну форму термином "причастие": 1) финитные формы глагола, составляющие "корпус индикатива"; 2) инфинитные глагольные формы, выступающие в функции зависимого сказуемого в составе полипредикативных конструкций с управляемой зависимой частью (включая "слабое управление", или "именное примыкание"); 3) причастия, выступающие в роли определений. Финитным формам соответствует парадигма личного спряжения, формам зависимого сказуемого (которые своего терминологического имени не имеют) – сложная парадигма "предикативного склонения", причастиям – нулевая парадигма. Вопрос об их способности принимать аффиксы лица посессивного типа я оставляю пока открытым.

Все эти вопросы я связываю с индикативом. Все остальные наклонения, разумеется, должны быть рассмотрены и описаны на своем месте, но особо задерживаться на них сейчас я не вижу необходимости и не имею возможности.

Большого внимания к себе требует очень сложная и даже внутренне противоречивая категория залога. В отличие от категорий уже обсужденных, залог – не грамматическая, т.е. не "морфологическая", категория глагола, это категория синтаксиса предложения, в выражении которой наряду с глаголами принимают участие и имена в определенных падежных формах; это категория, определяющая отношения действия к субъекту (агенсу, актору) и объекту (пациенсу), а также отношения между ними – через действие, направленное от одного к другому. Семантические роли актора – пациен-

са в их отношении к синтаксическим ролям подлежащего и дополнения получают выражение не только с помощью падежных форм имен существительных, но и с помощью взаимно противопоставленных форм глаголов, которые принято называть залоговыми формами. В алтайских языках формы, традиционно именуемые залоговыми, представлены довольно богато и разнообразно и составляют своего рода систему. Но понятийный смысл термина "залог" в этих грамматических традициях оказывается весьма непрозрачным. Трудно не сосгласиться с тем, что в этом представлении соединены формы и смыслы, которые вовсе не связаны отношениями взаимного исключения, как это постулируется относительно грамматических значений, составляющих одну грамматическую категорию.

Поскольку залоговые формы должны рассматриваться в первом томе, а залоговые конструкции будут представлены во втором, постольку очень важно единство теоретических позиций, из которых будут исходить авторы этих разделов морфологии и синтаксиса; нужно также договориться относительно того, какие стороны этой проблемы будут (должны) освещаться в первом томе и какие – во втором.

Очень важно проследить за возможностями совмещения разных залоговых аффиксов в одной словоформе, за порядком позиций, за функциями совмещенных аффиксальных цепочек и их компонентов. Не менее важно выяснить также и позиции, и семантико-грамматические функции других, "не залоговых" аффиксов, которые в принципе возможны в словоформе бурятского глагола.

Известно, что во всех языках граница между словообразованием и формообразованием довольно относительна, но в алтайских эта относительность ярче, заметнее, чем в русском. Возможно, именно позиция залоговых аффиксов является в этом смысле "пограничной", ибо одной своей стороной аффиксы залогов грамматичны, другой – лексичны. Превращение отдельных залоговых форм в самостоятельные глагольные лексемы правомерно толковать как лексикализацию (словообразование по конверсии), а не как аффиксальное образование новых слов с помощью залоговых аффиксов. Но нельзя исключать и возможности словообразования, индуцированного морфологическим членением по модели лексикализованных ранее образований.

В результате морфологического исследования (и описания) бурятского языка хотелось бы прийти к ограниченному числу моделей слов и словоформ для каждой из частей речи, к списку моделей, построенных по принципу "грамматики порядков". Но этому должна предшествовать большая подготовительная работа.

Лексико-грамматическая категория аспекта тоже, конечно, должна найти описание в "Грамматике". Ее специфика по сравнению с рассмотренными связывается с аналитичностью ее выражения, что выдвигает в число актуальных теоретических задач обсуждение вопроса о разграничении аналитических слов, аналитических форм слова и аналитических конструкций как единиц морфологии и единиц синтаксиса. Кажется относительно очевидным, что формы, включа-

емые в парадигму слово- и формоизменения одной лексемы той или иной части речи, являются именно формами, независимо от того, аналитичны они или синтетичны. Например, форма давнопрошедшего на аа һэн является одной из грамматических форм времени-наклонения. В качестве форм слова естественно рассматривать также сочетания знаменательных слов со служебными, в частности, имен существительных (и их эквивалентов) с послесловами. Но этот подход предполагает, во-первых, парадигму уже построенной, завершённой, во-вторых, служебные слова строго противопоставленными знаменательным, самостоятельным, "не служебным". Если послеслоги действительно противопоставляются самостоятельным словам достаточно последовательно, то в отношении так называемых связочных, вспомогательных и особенно "полувспомогательных" глаголов это пока утверждать никак нельзя.

Поэтому, ставя вопрос о грамматической категории аспекта (или способов действия, или акционсартов), необходимо возможно более четко определить содержание этой категории, выяснить характер оппозиций, связывающих ее значения, вычленив сами эти значения - ибо без этого о грамматической категории говорить, в сущности, нельзя. Конструкции, которые "впишутся" в эту парадигму, можно будет признать аналитическими формами - и на этом фоне оценивать другие аналитические конструкции, остающиеся за рамками аспектуальной парадигмы.

Заслуживает внимания, например, вопрос о том, вписываются ли - и каким образом - в некоторую грамматическую категорию значения такого типа, как "пробный характер действия", "направленность действия в свою или чужую пользу", или эти значения не категориальны, а выражающие их построения надо считать отдельными лексическими конструкциями, эквивалентными аналитическим словам. Если иметь в виду грамматическую категорию способов действия, то ею можно охватить большое разнообразие функциональных форм. Вопрос должен состоять, однако, и в том, до каких пор целесообразно расширять представление о грамматической категории, а тем самым и об одной лексеме... Прежде всего это относится к глагольным словам, поскольку парадигма бурятского глагола и без того практически необъятна.

Известно, что алтайские языки Сибири, будучи весьма последовательными агглютинативными языками, вместе с тем высокоаналитичны. Разного рода аналитические конструкции составляют очень весомую часть общего фонда "форм" этого языка. На материале бурятского языка эти конструкции описаны и изучены глубже, чем на материале других языков Сибири, - им посвящена специальная монография Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова²². Но задача написания новой "Академической грамматики" заставляет стремиться к большей ясности, четкости типологии этих форм - структурной и функциональной. Какие сферы языка обслуживаются синтетическими формами и когда, в связи с чем "приходят на помощь" говорящим формы аналитические?

В "Грамматике" необходимо дать четкий ответ на вопрос о том, что такое "аналитическая форма слова", где проходит граница между аналитической формой, аналитическим словом и словосочетанием полусвободного и совсем свободного типа. Ведь в составе аналитических форм на правах их компонентов участвуют синтетические формы, сплошь и рядом функционирующие и как самостоятельные простые формы некоторого слова. Как измерить ослабление их собственного лексического значения? И в этом ли состоит суть дела?

Конечно, приступая к работе по написанию конкретной грамматики, "Грамматики бурятского языка", нельзя ставить перед собой теоретические задачи, далеко выходящие за рамки именно этого языка, как и любого другого, взятого отдельно. Проблема разграничения аналитических форм в системе морфологии и в системе синтаксиса уже давно осознана как проблема общей теории грамматики. Но выбрать определенные принципы подачи этого материала, относительно единые для разных случаев, для разных разделов описания, а значит, и для разных авторов – это задача, которую надо решать, еще "стоя на берегу". Я полагаю, что вопрос об аналитизме, об аналитических конструкциях должен быть освещен в отдельном разделе, предшествующем описанию частей речи.

Так мне видится основной круг проблем, непосредственно связанный с написанием первого тома "Грамматики". Не касаясь пока специальной проблематики синтаксиса, потому что ее рассмотрение потребовало бы удвоения этой и без того очень большой статьи, я хотела бы в заключение остановиться на некоторых "требованиях", которые можно адресовать "Морфологии" в предвидении того, о чем будет говориться в "Синтаксисе" с отсылкой "назад", к "Морфологии". Частично об этом уже говорилось, но сейчас, подводя итог, я должна подчеркнуть эти места.

Во-первых, рассматривая категорию принадлежности, необходимо иметь в виду ее связь не только с именем существительным, но и с глаголом. Это не случайная связь, не "омонимия аффиксов", не просто "исторический переход" чего-то во что-то. Здесь глубокое внутреннее родство между субъектом обладания вещью (или посессивного отношения к лицу) и субъектом признака, состояния и действия. Ни в коем случае не допустимо видеть в посессивном оформлении не-имен признак, а тем более доказательство их "субстантивации". Посессивные показатели – это полноправное средство грамматического выражения категории лица. Можно добавить: в ее относительном и относительно-абсолютном вариантах, но ведь и абсолютное будущее ближайшее бурятского языка, и спряжение глаголов в алтайском языке, и парадигма спряжения эвенкийского глагола показывают, что эти аффиксы проникают и в систему собственно-финитного спряжения, где они выражают абсолютное лицо деятеля.

Во-вторых, рассматривая категорию падежа в разделе, посвященном существительному, надо иметь в виду весь диапазон действия этой категории бурятского языка. Она распространяется не

только на узуально и окказионально субстантивированные прилагательные и причастия (не говоря о местоимениях и числительных), но и на номинализованные формы предикативных единиц, в составе которых падежные аффиксы принимают сказуемые — "причастия". Это достаточно прямое следствие "алгебраичности", "конструктивности" агглютинативного бурятского языка. И в задачу авторского коллектива обязательно должно войти раскрытие содержательной специфики этой бурятской языковой категории по сравнению с падежами русского языка. Конечно, подробнее эти возможности будут показаны во втором томе, где пойдет речь непосредственно о синтаксических функциях падежных форм, не только отдельных словоформ, но и более сложных синтаксических построений, принимающих падежные формы. Но "Морфология", рассказывая о падежах существительных, должна готовить почву для более широкого разговора о падеже.

В-третьих, задачи синтаксического описания нужно постоянно держать в уме, рассматривая проблемы залога. Это так очевидно, что задерживаться на этом сейчас не хочется.

Наконец, в-четвертых, очень важно распределить между первым и вторым томами "Грамматики" весь материал, связанный с аналитическими формами. Я считаю, что в первом томе должен быть специально выделен раздел, посвященный месту аналитизма в бурятской морфологии и типологии аналитических форм бурятского языка.

Примечания

¹ Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л., 1940; Она же. Грамматика шорского языка. — М., 1941; Она же. Грамматика хакасского языка. — Абакан, 1948; Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. — М.; Л., 1940; Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. — М.; Л., 1959. — Т. 1; 1961. — Т. 2; Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. — М., 1962; Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. — М., 1962; Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. — М., 1961.

² Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология. — М., 1982; Грамматика современного башкирского литературного языка. — М., 1981; Грамматика туркменского языка. — Ашхабад, 1970.

³ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М., 1981. — С. 5-6.

⁴ См., например: Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. — Улан-Удэ, 1974.

⁵ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. - М.; Л., 1959. - Т. 1.

⁶ Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. - Новосибирск, 1977. - С. 3-28.

⁷ См.: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций. - Новосибирск, 1986. - С. 89, 160.

⁸ Ср.: Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. - Глагол. - М., 1964. - С. 241.

⁹ Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1972. - С. 46.

¹⁰ Там же. - С. 301-302. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. - М., 1981. - С. 349.

¹¹ Надеяев В.М. Современный монгольский язык: Морфология. - Новосибирск, 1988.

¹² См. его статью в настоящем сборнике.

¹³ Киле Н.Е. Образные слова в нанайском языке. - Новосибирск, 1972; Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. - М.; Л., 1954; Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. - Кызыл, 1987.

¹⁴ Скрибник Е.К. Синтаксическая семантика конструкций со служебным словом хада в бурятском языке // Синтаксическая и лексическая семантика. - Новосибирск, 1986. - С. 79-90; Она же. - Лексикализованные формы служебного глагола а в современном бурятском языке // Служебные слова. - Новосибирск, 1987. - С. 99-111.

¹⁵ Золхоев В.И. Фонология и морфонология агглютинативных языков. - Новосибирск, 1980.

¹⁶ См. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974; Куррилович Е. Очерки по лингвистике. - М., 1962; Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. - М., 1967; и др.

¹⁷ Скрибник Е.К. О синтаксическом функционировании показателей притяжания в монгольских языках // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. - Новосибирск, 1980. - С. 108-123. Об относительном лице в эвенкийском языке см.: Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке // Вопросы языка и фольклора народов Севера. - Якутск, 1972. - С. 19-23.

¹⁸ Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. - Л., 1977. - С. 42-53.

¹⁹ Структурные типы... - С. 98.

²⁰ Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. - Кишинев, 1975.

²¹ См., например: Грамматика бурятского...; Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. - М., 1963; Грамматика хакасского языка. - М., 1975; Грамматика современного якутского языка...

²² Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972.

Л.Д. ШАГДАРОВ

ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ ГРАММАТИКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Под учебной грамматикой бурятского языка понимаются школьные учебники по бурятскому языку для 1-8-х классов (ныне - для 1-9-х классов), учебники по морфологии и синтаксису для педучилищ и пединститута.

Авторами являются:

1-й класс (букварь) - Д.Д. Ошоров, В.Д. Цыденова (1986 г.);

2-й класс (звуки и буквы, слог, заимствованные слова, алфавит, предложение) - Д.Д. Ошоров, Д.Б. Дашиева (1987 г.).

2-й класс (ныне 3-й класс: предложения; состав слова; правописание гласных и согласных; основные части речи) - Б.Б. Батоев, Ц.Б. Будаев и др. (1987 г.);

3-й класс (ныне 4-й класс: имя существительное, глагол; предложения) - А.А. Аюрзанайн, Д.Р. Бадмаева (1987 г.); утвержден новый учебник, авторы Э.Р. Раднаев, Е.З. Бадмаева;

4-й класс (ныне 5-й класс: лексика, синтаксис, фонетика) - Ц.Ц. Цыдыпов, Ц.Б. Бальжинимаева (1975 г., 3-е изд.); утвержден новый учебник, авторы Ц.Ц. Цыдыпов, Б.Б. Гомбоев;

5-6-е классы (ныне 6-7-е классы: лексика, морфология - все части речи) - Ц.Ц. Цыдыпов, Д.Д. Ошоров (1984 г.); утвержден новый учебник, авторы Ц.Ц. Цыдыпов, Л.Б. Базарова;

7-8-е классы (ныне 8-9-е классы: синтаксис и пунктуация, стилистика) - Д.Д. Доржиев, Д.Д. Дугаржабон, Л.З. Лхасаранова (1985 г.); утвержден новый учебник, авторы Д.Д. Доржиев, Р.Ц. Санжимитыпова;

учебник для педучилищ, I часть (лексика, фонетика, морфология) - Л.Д. Шагдаров, Д.Д. Дугар-Жабон (1978 г.);

учебник для педучилищ, II часть (синтаксис) - Л.Д. Шагдаров (1986 г.); учебник для пединститута (морфология) - Ц.Ц. Цыдыпов (находится в производстве); учебник для пединститута (синтаксис) - Ц.Ц. Цыдыпов (1985 г.).

Краткой истории преподавания бурятского языка в школе посвящена работа Э.Р. Раднаева "Бурятский язык в школе"¹. В ней большое внимание уделяется анализу программ, учебников, а также методике преподавания. Как отмечает автор, в 40-50-х гг. большую роль в развитии преподавания бурятского языка сыграли труды по бурятскому языкознанию Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, Д.А. Алексеева и других исследователей, в которых были разработаны многие вопросы бурятского языка. С 50-х гг. появляются работы Ц.Ц. Цыдыпова, которому принадлежат основные обобщающие труды по методике преподавания бурятской грамматики: это монографии "Общие вопросы преподавания бурятского языка в 5-7 классах" (1958 г.), "Преподавание фонетики и морфологии" (1961 г.), «Изучение темы "Состав слова" на уроках родного языка в 5 классе бурят-монгольской школы» (1956 г.), "Изучение состава слова в 5 классе" (1956 г.), "Методика преподавания бурятского языка" (1967 г., учебное пособие для вузов).

Ввиду того, что Ц.Ц. Цыдыпов является автором основных школьных и вузовских учебников и методических работ, в которых большое место занимает лингвистика, а также того, что он в течение трех десятков лет ведет в Бурятском госпединституте (г. Улан-Удэ) курсы морфологии и синтаксиса, его взгляды по вопросам бурятской грамматики получили широкое распространение в учебной грамматике. Например, все учебники вслед за Ц.Ц. Цыдыповым суффиксы множественного числа и словоформобразующие суффиксы типа -хан (басагахан), -сар (ноёсор) называют окончаниями (залгалта). Учитывая сказанное, в настоящей статье в основном мы рассмотрим взгляды Ц.Ц. Цыдыпова. Следует отметить, что именно он создал на бурятском языке научную грамматику бурятского языка. Задача заключается в том, чтобы разобраться в спорных положениях в этих трудах, устранить разнобой в трактовке отдельных вопросов в учебниках и работах Ц.Ц. Цыдыпова, с одной стороны, и учебниках для 8-9-х классов и педучилищ - с другой, а также в целом усовершенствовать бурятскую учебную грамматику.

В вузовском учебнике морфологии выделены две новые части речи: 1) Түрүү үгэнүүд (букв. "передовые слова") - "предшествующие слова" и 2) Дууряһан үгэнүүд - "подражательные слова"*.

Примерно этот же круг слов выделяется С.Л. Чаревым в одну самостоятельную часть речи - "наречные слова и частицы"².

*В отношении разграничения этих слов по частям речи вузовский учебник расходится со школьным учебником для 5-6-х классов (ныне 6-7-е классы). В школьном учебнике предшествующие слова (шууд, саб, хам, халба, мулта) отнесены к наречиям образа действия, а звукоподражательные слова - к междометиям. В частности, в определении этой части речи сказано: "Междометиями называются слова, обозначающие чувства и звукоподражания". Здесь лучше было бы сказать: "слова, обозначающие чувства и волеизъявления", т.е. убрать из определения звукоподражания, ибо они по ряду формальных параметров примыкают к междометиям, но по существу таковыми не являются.

В "Грамматике калмыцкого языка" (1983) как самостоятельная часть речи даются "Изобразительные слова", они помещены после "Междометий".

В 1961 г. Т.А. Бертагаев в качестве самостоятельных частей речи выделял "причастия и деепричастия" и исключал из системы частей речи "послеслоги"³. Впоследствии он склонен был слова типа мулта, пуга, хаха выделить в самостоятельный класс слов под названием "префиксоиды" (по Л. Бэшэ - превербы).

Нам представляется, что в учебной грамматике в отношении количества и названий частей речи целесообразнее придерживаться академической "Грамматики бурятского языка" (1962 г.). Она, как известно, выделяет 10 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частицы, союзы и междометия.

Так называемые предшествующие слова, как и подражательные, нельзя выделять в самостоятельную часть речи ввиду того, что на самом деле все они не являются в полном смысле словами, ибо не обладают назывной функцией. Так, звукоподражание хан - это подражание звуку, но оно не называет определенное действие или предмет; так же и мулта дает представление о чем-то интенсивном, но конкретно ничего не называет (как, скажем, производное от него слово мулталха 'вырывать'). Они представляют из себя корнеслоги и не функционируют в речи в виде отдельных самостоятельных слов. Следовательно, эти корнеслоги и не могут составлять самостоятельной части речи. Поэтому, как и в научной грамматике*, их лучше рассматривать вместе с междометиями, назвав эту часть речи так: "Междометия, дуурялан үгэнүүд ба уридлапан үгэнүүд" - "Междометия, подражательные слова и предшествующие слова". Причем к этой части речи надо относить лишь одиночные изобразительные и предшествующие слова типа хан, тон, тоб; мулта, шуу, таһа; саб, түб и т.д. Совершенно недопустимо, как это делает вузовский учебник, иллюстрировать их другими частями речи, например, глаголами: ян-тан гэнэ, пүр-пар гэнэ; наречиями типа хан-хан, тон-тон.

Функция подражательных и предшествующих слов состоит в том, чтобы участвовать в образовании глаголов, наречий, а также редуцированных форм качественных прилагательных: тос гэхэ, мулта татаха, саб сагаан и т.д.

Представляется неверным, как это делает вузовский учебник, рассматривать подобные образования как аналитические конструкции. Последние выражают какое-либо грамматическое значение (например, видовое значение: уншажа бай-). А в случае с изобразительными корнеслогами и превербами - при их сочетании с гэхэ и другими глаголами - мы имеем дело с полнценным глаголом, обретающим все словоизменительные и синтаксические свойства этой части речи. Поэтому тас гэ- - это не аналитическая конст-

*Правда, в научной грамматике префиксоиды отнесены к наречиям.

ружкия, а полноценная глагольная основа. Между пор-пор гэгшэнь (во фразе Пор-пор гэгшэнь поршооно байбад) и поршоогоногшэнь с точки зрения функциональной нет разницы. Поэтому и в первом случае подлежащим является причастие, а не какое-либо аморфное слово. Также и в случае шуу татаха, мулта түрэхэ образуются новые глаголы, несколько отличающиеся по значению от соотносительных с ними глаголов шуулаха и мултарха.

Теперь рассмотрим спорные моменты в трактовке категорий и форм отдельных частей речи. В учебнике для 5-6-х классов (1984 г., с. 141) сказано: "Глагол, состоящий из одного слова, называется отдельным (амяараа) глаголом (уншана, ябана, байна и т.д.). Глагол, состоящий из двух-трех слов и обозначающий одно действие, называется совокупным (суг) глаголом (унтажа байна, бэшэдэг болопон байба)". В данном случае, по нашему мнению, бэшэдэг болопон байба - составное глагольное сказуемое, т.е. явление синтаксиса. Но если отвлечься от этого, то здесь прослеживается стремление авторов дать понять учащимся, что глагол бывает и составным. Это правильно, потому что в упражнениях сплошь и рядом встречаются составные образования, которые доставляют учащимся много затруднений. Однако, ставя одиночный и совокупный глаголы в равное положение, авторы должны были это обосновать. В частности, если отдельный глагол имеет основу, то и в совокупном глаголе должна быть выделена своя основа. В этом случае лингвисты старшего поколения склонны были выделять два типа основ:

1) основу, представляющую собой как бы сложный глагол (например, В.М. Надеяев полагал, что один из таких видов производный глагольной основы состоит из изобразительного корня и служебного слова гэхэ: түс гэхэ);

2) основу, представляющую собой глагольную форму (в отличие от первого типа эта основа образуется из двух глаголов, причем, как пишет Г.Д. Санжеев, такой "составной глагол членим на знаменательную и служебную части, или компоненты (кудалдун аб- 'покупать', нисчү ябу- 'улетать', идэджу өг- 'съесть' (по чьей-то просьбе)', очиджу ирэ- 'сходить', унгшиджу байи- 'читать')⁴.

При такой интерпретации в выделенном вузовской морфологией совокупном (суг) глаголе бэшэдэг болопон байба на самом деле имеется составная морфообразующая основа бэшэдэг боло-, а байба является связкой (холболто), как это трактуется в школьном синтаксисе. Таким образом, в бэшэдэг болопон байба лишь бэшэдэг боло- - морфологическая аналитическая конструкция, а сочетание в целом представляет собой составное глагольное сказуемое. О том, что это явление синтаксическое, свидетельствует и наличие именного составного сказуемого такого же типа.

В бурятском языке встречается очень много составных образований с глагольным значением, в которых первым компонентом является имя, звукоподражательное, префиксоидное или другого типа слово, а вторым компонентом - вспомогательный или полужнаменательный глагол. Т.А. Бертагаев и Г.Д. Санжеев называли их

глагольными идиомами. В частности, Т.А. Бертагаев, касаясь образований типа түс гэхэ, хаб гэхэ, палд гэхэ, писал: "... перед нами не слово, а сочетание слов, причем фразеологически сращенное, неразложимое, равное по своему значению слову... Такие неразложимые сочетания в отличие от междометий обладают номинативной функцией, именуя действие... Они не характеризуются особыми, отличными от глаголов грамматическими признаками, чтобы быть выделенными в самостоятельный разряд слов. Так как эти сращенные сочетания обладают всеми признаками глаголов и ничем по существу от них не отличаются... то их следует рассматривать как особую группу глагольных сочетаний и именовать их глагольными сращениями или глагольными идиомами"⁵.

Г.Д. Санжеев относительно образований типа ябад гэ-, хатад гэ-, шууяд гэ- писал: «Эти и подобные им глагольные образования нельзя смешивать с устойчивыми словосочетаниями типа дуу дуула- 'петь', 'распевать песни', которые столь же неправильно называть "составными глаголами"»⁶. Поэтому часть этих образований, которая остается после выделения формообразующих аффиксов, можно было бы именовать в учебной грамматике "фразеологическая глаголой пуури", т.е. основой фразеологизированного глагола. Такая основа состоит из:

- 1) изобразительного глагола и вспомогательного глагола: тос гэхэ, түр-тар гэхэ, түрэн-таран гэхэ, абжага-хабжага гэхэ;
- 2) преверба и вспомогательного глагола: мулта татаха, шуу татаха, соо сохихо, хаха сохихо;
- 3) имени и вспомогательного глагола: намга абаха 'жениться', палхи абаха 'простудиться', мори абаха 'встретить гостя', бээе бариха 'сдерживаться', дэмжэлтэ үзүүлхэ 'поддерживать';
- 4) наречия и вспомогательного глагола: өөдэ абаха 'оказывать внимание', урагша абаха 'принимать во внимание' и т.д.

К фразеологизированным глаголам должны быть отнесены и так называемые "номинативно-вербальные аналитические конструкции" Ц.Ц. Цыдыпова, состоящие из сочетания именного и глагольного слов типа багша болобо 'стал учителем'. Такая составная основа способна принимать все словоизменительные аффиксы глагола: багша болоторнь, багша болоходонь и т.д. Она может сочетаться и со вспомогательными глаголами в составе аналитической конструкции: багша боложо байна, багша болохоёо байна и т.д. Она способна даже к ограниченному словопроизводству: багша бололгон 'становление учителя'. Однако к таким конструкциям Ц.Ц. Цыдыпов относит сочетания типа хүн байгаа, агитаторнууд гээшэл; они не обладают теми глагольными свойствами, которые присущи основам типа багша боло-, и поэтому не могут быть отнесены к фразеологизированным глагольным сочетаниям.

Следует сказать, что фразеологизированные глаголы ничем не отличаются от обычных глаголов и выполняют те же синтаксические функции, что и они: үүдэн түрд гэбэ (сказуемое); үүдэнь няд гэтэр хааба (обстоятельство образа действия); няд гэйэн абяан дуулдашаба (определение); нэгэ юумэнэй хос гэхэнь дуулдаба (под-

лежащее); тэрэнэй хос гэхьень дуулаабди (дополнение).

Между тем в вузовском учебнике рассматриваемыми образованиями в одном случае иллюстрируется подражательное слово как самостоятельная часть речи: ян-тан гэнэ, пүр-пүр гэнэ, в другом случае в число наречий включено слово урша-урша гүүлэнэ (в сочетании нюураа урша-урша гүүлэнэ). Но здесь на самом деле имеется глагольная основа, в которой гэ- выполняет функцию словообразующего (глаголообразующего) аффикса. Так же обстоит дело с другими выделенными там словами типа халхаг-халхаг гэнэ, таран-түрэн гэнэ и т.д. В таран-түрэн гэнээр еребэ нельзя рассматривать таран-түрэн отдельно от гэнээр, ибо в целом они составляют деепричастную форму. Давая понятие о фразеологизированных глаголах, в учебной грамматике следует сказать и о настоящих фразеологических оборотах, эквивалентных глаголам, типа зөөлэн бүхэдэ дииндэхэ 'уснуть' (букв. 'быть сокрушенным мягким силачом'). Эти фразеологизмы в отличие от фразеологизированных глагольных сочетаний характеризуются ограниченной глагольной дистрибуцией.

В школьном учебнике для 5-6-х классов (1984 г.) выделяются четыре вида, образованных аналитическим способом: 1) законченный (уншаад байна), 2) продолженный (уншажа байна), 3) многократный (уншадаг байна), 4) потенциальный (уншахаяа байна). Кроме того, выделяются мелкие виды (жэжэ түлэбүүд), образованные синтетическим способом, посредством аффиксов: 1) -лза (нахилза, хотолзо, тэхэлээ), 2) -гана (нарбагана, ёрбогоно, дүхэгэнэ), 3) -жархи, -аадхи (ябажархи, ябаадхи, хэлэжэрхи, хэлээдхи), 4) -ша (ябаша, бодошо, гүйшэ).

Однако такая точка зрения на виды не получила полного признания. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев справедливо считает, что выделенные Ц.Ц. Цыдыповым видовые значения могут выражаться не только этими, но и другими аналитическими конструкциями. В частности, вопреки утверждению Ц.Ц. Цыдыпова, аналитическая конструкция типа ошопон байна так же может обозначать закончившееся в прошлом действие, как и конструкция с деепричастием -аад, являющаяся, по мнению автора, законченным видом. Разница между ними лишь в том, что конструкция с -аад выражает недавно завершившееся действие, а конструкция с -пан - действие, закончившееся в неопределенном прошлом. Это можно видеть из следующих сопоставлений: Бадма экзаменаа үгөөд байна 'Бадма экзамен сдал (недавно)' и Бадма экзаменаа үгэһэн байна 'Бадма экзамен сдал'. Значение завершенности еще более определено, когда причастие принимает суффикс интенсивности -жархи: Дондог номоо хүндэ үгэжэрхийэн байна 'Дондок отдал свою книгу кому-то'. Здесь ощущается еще оттенок неожиданности, сожаления, свидетельствующий о том, что данная конструкция выражает не одно только видовое значение. Или возьмем рассмотренный здесь автором пример: Баатар Москва ошоод байна и Баатар Москва ошопон байна. Во втором случае говорящий, выяснив этот факт каким-то образом, например, позвонив по телефону в Москву, может употребить это предложение со значением 'Выяснилось, что он доехал до Москвы'.

В "Грамматике калмыцкого языка" сказано: "Кроме того, длительный вид передается путем сочетания служебного глагола со знаменательным глаголом в форме разделительного деепричастия: уунд бээх (пить постоянно), умшаад бээх (читать постоянно, еще продолжает читать), кеһад бээх (делать, продолжать делать, делать да делать), унтад бээх (спать да спать)"⁷.

М.Н. Орловская, ссылаясь на работу Ц.Ц. Цыдыпова "Аналитические конструкции в бурятском языке" (Улан-Удэ, 1972), пишет: "Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные аффиксы, например, -ж (соединительное деепричастие), -аад (разделительное деепричастие) и др. выражают категорию вида. Мы придерживаемся той точки зрения, что видовые значения передаются этими деепричастиями в сочетании со вспомогательными глаголами и глагольными связками"⁸.

З.В. Шевернина как недостаток в работе Ц.Ц. Цыдыпова отмечает, что в ней четко не эксплицировано сущностное различие между видами и видовыми классами, не ясны их функция, назначение в системе монгольского глагола. Утверждения о том, что видовые классы в отличие от вида обозначают "другие, более незначительные и второстепенные моменты протекания действия", играют "второстепенную грамматическую роль", не обладают "достаточной объяснительной силой"⁹.

Г.С. Дугарова, так же как и З.В. Шевернина, положительно оценивая попытку Ц.Ц. Цыдыпова осуществить дифференцированный подход к огромному числу показателей, традиционно относимых к категории вида, отмечает, что положенный в основу рассмотрения фактов признак тотальности образования не является релевантным для производимой им классификации значений (видов и видовых классов). По признаку "тотальности распространения" к видам можно отнести с полным основанием и суффиксы -рхи, -ша, образующиеся от неограниченного в принципе числа глаголов. По Ц.Ц. Цыдыпову, конструкции с фазовыми глаголами типа эхилхэ, дүүргэжэ (отнесенные им к классу так называемых лексических видовых значений) изоморфны многим аналитическим формам, составленным из деепричастия и вспомогательного глагола (уншажа байгаа и др.). Возражение вызывает включение Цыдыповым в число видов так называемого потенциального вида (деепричастие на -хаа/-хаяа + связка бай-). По традиции значения потенциальности, намерения совершить действие принято относить к модальным и описывать в рамках теории модальности¹⁰.

Из приведенных высказываний монголоведов, специально занимавшихся проблемами вида в монгольских языках, становится ясным, что включить в учебную грамматику концепцию видов Ц.Ц. Цыдыпова без корректировки не представляется возможным. Следует признать, что одно и то же видовое значение может выражаться разными аналитическими конструкциями и синтетическими формами, поэтому не следует жестко привязывать видовые значения к четырем аналитическим конструкциям. Нет достаточных оснований диф-

ференцировать виды и видовые классы. Многие монголоеды считают, что этими конструкциями выражаются временные значения. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев полагает, что сочетания соединительного и разделительного деепричастий, а также причастий на -һан и -һай со вспомогательным глаголом бай- представляют собой аналитические

формы настоящего и прошедшего времени¹¹. Согласно точке зрения Н.С. Яхонтовой, аналитическая конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени на -һан основного глагола и связи бай-, является перфектом. Настоящее время перфекта обозначает действие в прошлом, последствия которого сохраняются в настоя-

щем¹². Все это свидетельствует о необходимости признания того, что аналитическими конструкциями зачастую выражаются сопряженные категории вида, времени и отчасти наклонения¹³. Поскольку категории наклонения, времени и вида очень тесно связаны между собой, некоторые языковеды предлагали даже объединить их в одну общую сверхкатеорию.

Аналитическая видовая конструкция наиболее часто встречается в окончательных глагольных формах. Но она употребляется и в других глагольных формах, когда они выступают в роли разных членов предложения: зогсон байжа харана (обстоятельство), зогсон байһыень һанана (дополнение), зогсон байһаниинь һанагдана (подлежащее), зогсон байһан баатар (определение). Во всех случаях данная видовая конструкция сохраняет значение длительности и прошедшего времени и вместе с тем имеет оттенок высокого стиля.

В школьном учебнике (5-6-е классы, 1986 г.) основы глагола подразделяются на: 1) непроизводные (анхан) - яба, ошо, таби и 2) производные (гараһан) - шердэ, негэде, хүхэрэ, ябалса, ошолсо (с. 144). Утверждается (с. 163), что посредством суффиксов -ла, -гана, -жархи (-аадхи), -ша образуется новая (шэнэ) основа глагола. Однако о различии между этими тремя видами основ четко не сказано. Между тем они имеют между собой весьма существенные отличия. В частности, если непроизводные (анхан) и производные (гараһан) основы являются полноценными глагольными основами, способными образовывать новые именные и залоговые основы (например, яба - ябадал, ябуула, шердэ - шердэлгэн, шердүүлэ, ябалса - ябалсалга, ябалсуула), то новые (шэнэ) основы, образуемые только от глаголов, являются в этом отношении несколько "ущербными". Так, от основ типа ябасагаа, табижархи, унаша, ябахата и других невозможно образовывать новые залоговые и именные основы. Поэтому такие новые основы называют еще видовыми основами. Однако, поскольку они бывают не только синтетическими, но и аналитическими, следовало бы различать в учебной грамматике: 1) простую видовую основу (состоит из одного слова) - эдижэрхи, унташа, зантагаша и 2) составную видовую основу (состоит из знаменательного и вспомогательного компонентов) - уншажа бай-, хэлээд орхи-, хаха татажа бай-, тас-түс гэжэ бай- и т.д.

Такая составная основа часто принимает форму сопряженных категорий (вида, модальности, времени), но, поскольку доминирующим в ней все же является выражение видовых значений, она и называется составной видовой основой.

Кроме того, как указывалось выше, монголоведами выделяются фразеологизированные основы (хан гэхэ, мулта татаха, багша болохо, һамга абаха и т.д.), которые можно считать составными производными основами.

Таким образом, глагольные основы подразделяются на:

- 1) производные (анхан) — яба, ошо;
- 2) производные (гараһан) простые (негэде, уцайра, харалса) и составные (һалхи аба-, багша боло-, пүс-түс гэ-);
- 3) видовые (шэнэ) простые (ябаша, ябаадхи, гүйшэ и др.) и составные (хаража бай-, багша боложо бай-, татад гэ-).

Школьный учебник (5-6-е классы, 1986 г.) утверждает, что глагол имеет четыре формы (түхэлнүүд): повелительную (хандаһан), сообщающую (мэдүүлһэн), причастную и деепричастную.

Представляется неправомерным изгонять из учебной грамматики понятие "наклонение" и ставить в один ряд с причастиями и деепричастиями повелительно-желательные и изъявительные формы. Следует, как и в научной грамматике, различать окончательные и неокончателные глаголы. Как известно, окончательные глаголы могут быть только конечными сказуемыми. К таким относятся глаголы изъявительного и повелительного наклонений. Неокончателные глаголы могут употребляться и в конце предложения, в качестве сказуемого, но в отличие от окончательных глаголов употребляются и в качестве других членов предложения. Категория наклонения является весьма абстрактной, представляется желательным первое представление о ней давать в школе. Эта категория свойственна повелительно-желательным и изъявительным формам, и их соответственно надо бы именовать традиционными терминами "хандаһан наклонени" и "саглууһан наклонени". Термин "саглууһан" (от слова саг 'время', 'временной'), вероятно, точнее выражает содержание этой категории, чем "мэдүүлһэн" (от глагола мэдүүлхэ 'сообщать, извещать, заявлять').

В учебной грамматике, в том числе вузовской, четко не раскрыто понятие грамматической категории. Отношение оппозиции, однородность грамматических значений, составляющих грамматическую категорию, не показаны на ярких примерах. Причастие и деепричастие неверно называются иногда грамматическими категориями глагола. Причем одни категории, например категории вида, освещаются подробно (в вузовском учебнике изложение приобретает характер детального исследования), другие же категории совсем не раскрываются.

Поскольку глагол является основополагающей частью речи в бурятском языке, следует кратко и ясно сказать о его категориях: о том, что глагол имеет категории вида, залога, времени и лица, что одни, в частности категории вида и залога, присущи всем глаголам, в том числе причастиям и деепричастиям, а другие имеют-

ся лишь у некоторых форм. Так, категорией времени обладают изъявительное наклонение, причастия и некоторые деепричастия. В вузовском учебнике утверждается, что глагол имеет категории лица и числа. Но ведь категория лица наличествует лишь в повелительно-желательном наклонении. В других глаголах лицо отмечается посредством лично-предикативных частиц. Глаголу не свойственна и категория числа. Выражение числа лично-предикативными частицами не является исключительной принадлежностью одного глагола, а свойственно любой части речи, выступающей в предложении предикативно, т.е., как указывает Г.Д. Санжеев, оно оказывается явлением сугубо синтаксического характера.

Как отмечает Ц.Ц. Цыдыпов в "Аналитических конструкциях...", "правильная лингвистическая и методическая разработка" материала позволила ему исключить из учебника тему "Переходные и непереходные глаголы"; желательное наклонение с единственным аффиксом -най присоединить к теме "Форма обращения". Далее он сообщает, что «ликвидирована довольно объемная тема "Залог", так как залоговые понятия учащиеся получают при изучении глагольных словообразовательных суффиксов»¹⁴.

И в школьном учебнике в разделе "Словообразование глагола" суффиксы глагола даются как залоговые; отмечается, что все словообразовательные суффиксы глагола наряду с образованием новых глаголов показывают, как действие относится к субъекту (тэрэ үйлингөө хайшан гээд үйлэдэгшэдэ хабдааһыень харуулдаг). Словообразовательные суффиксы подразделяются на: 1) действительные суффиксы (нам-на, ном-но, хэм-нэ, амта-ла, үзүүр-лэ, хайша-ла, шэншэ-лэ), 2) возвратные (хүхэ-рэ, бага-да, бая-жа, абяр-ха, алдар-ша), 3) страдательные (дүүд-да, ол-до, диил-дэ; бари-гда, оно-гдо, үргэ-гдэ), 4) побудительные (шат-аа, гар-га, бай-лга), 5) совместные (гара-лса, оро-лсо, ерэ-лдэ), 6) взаимные суффиксы (бари-лда, хөөрэ-лдэ). При этом термин "залог" совершенно не упоминается. В результате такой "лингвометодической" обработки невозможно получить ясного представления ни о словообразовании глагола, ни о залогах.

Весьма своеобразно трактуется спряжение. Как сказано в "Методике преподавания бурятского языка" Ц.Ц. Цыдыпова, "глагол бурятского языка принимает более тридцати окончаний (залгалта). Изменение глагола посредством присоединения в нему этих окончаний называется спряжением (найралдал). Все эти окончания в школьном учебнике распределены по четырем группам (повелительные, сообщающие, причастные и деепричастные формы)"¹⁵. При этом делается ссылка на "Граматику бурят-монгольского языка" Г.Д. Санжеева (1941 г.).

Но, как известно, в последующих работах Г.Д. Санжеев отошел от такого понимания спряжения, хотя сама по себе способность глагола изменяться по всем глагольным формам и категориям — весьма важный показатель. Он подверг критике М. Кастрена и А.Д. Руднева, считавших, что в бурятском языке помимо глаголов

спряжение свойственно также именам. Как выяснилось, М. Кастрен и А.Д. Руднев приняли за спряжение способность имен оформляться предикативными частицами и благодаря этому выступать в сказуемой функции. Поскольку лично-предикативные частицы в монгольских языках не составляют монополярную принадлежность одних глаголов, эти частицы, по Г.Д. Санжееву, не являются формообразующими морфемами глагола и не могут рассматриваться при изложении системы монгольского глагола. Они относятся к категории частиц синтаксического порядка, как и другие частицы. Исходя из этого, исследователь приходит к выводу, что глаголы в мон-

гольских языках не имеют личного спряжения¹⁶. По выражению Г.Д. Санжеева, указанные «лично-предикативные частицы отличаются от личных окончаний индоевропейских глаголов, как парик от естественных волос на голове человека: как только в названных диалектах изъявительная или причастная форма глагола (как и всякого имени, выступающего в функции сказуемого) выключается из сказуемого положения, так сразу же "снимается" как бы временно присоединенная к ней лично-предикативная частица, без которой основное значение ее не отмирает (не то будет, если мы станем "снимать" личные окончания у таких, например, форм русского глагола, как сиджу, сидишь, сидит и т.п.: останутся не живые слова, имеющие реальное или грамматически полноценное бытие, а только то, что А.М. Пешковский называл лишь "почти словами", имеющими абстрактные, самые общие значения)»¹⁷.

Таким образом, вопрос о спряжении понимается бурятоведом по-разному. Одни считают, что изменение глагола по всем глагольным формам является спряжением (эта точка зрения проводится в учебной грамматике), другие же полагают, что спряжение, как таковое, свойственно лишь глаголам изъявительного наклонения, третьи склонны думать, что спряжения в чистом виде вообще нет в бурятском языке.

Если считать, что лично-предикативные частицы при их присоединении к собственно глаголам выполняют лишь функции лица и числа (а не предикативную функцию, как в случае с именами, частицами и наречиями) и потому являются морфологическими категориями, то можно было бы признать наличие спряжения в бурятском языке. Однако в школьной грамматике оно должно пониматься в соответствии с общезыковедческой традицией как изменение глагола по лицам, числам, временам, наклонениям и по родам. Если мы будем трактовать спряжение на уроках русского языка именно в таком аспекте, а на уроках бурятского языка будем говорить, что спряжение – это изменение глагола по всем тридцати с лишним глагольным формам, то этим только запутаем учащихся.

В школьном учебнике для 5–6-х классов (1984 г.) к наречиям отнесены:

- 1) слова баһа, үшөө, обозначающие повторяемость;
- 2) слова нэгэндэ, хоёрто, гурбанда и т.д., обозначающие перечисление и не выступающие в роли членов предложения;

3) слова магад, нээрээ и другие, не выступающие в роли членов предложения;

4) слова ёhotoй, ушартай и т.д., завершающие предложение (с. 173).

Принадлежность этих слов к наречиям сомнительна. Слова типа ёhotoй, ушартай, аргатай, зэргэтэй и т.д. совершенно не похожи на наречия. Представляется более убедительным рассматривать их как модальные слова, выполняющие в составных сказуемых служебную функцию.

В вузовском учебнике к этому же разряду отнесены адъективированные существительные, выступающие в функции сказуемых: гайхалтай (например, эдиxэ гээшэнь гайхалтай или гайхалтай хүн), гайтай, баяртай, ашатай, жаргалтай, оролдосотой, шууяатай, эрхэтэй и др.

В разделе "Имя существительное" вузовского учебника в лексических разрядах к существительным отнесены слова типа сагаанинь, утань. Однако в монголоведении принято считать, что в этом случае нет еще окончательного перехода прилагательных в разряд существительных, что здесь субстантивация неполная, т.е. такое слово продолжает употребляться и как прилагательное (ср. Цыремпишэй хайн бууралынь 'добрый чалый Цыремпила' - прилагательное в роли существительного; буурал морин 'чалый конь' - прилагательное в собственном значении).

При описании падежей недостаточно охарактеризован именительный падеж, в результате чего в отдельных случаях наблюдаются противоречия: говорится, что именительный падеж отвечает на вопрос хэн? юун? (кто? что?), но далее следует противоречие: вряд ли можно считать, что модон в сочетании модон стол 'деревянный стол' стоит в именительном падеже, поскольку здесь уместен вопрос ямар? (какой?).

В научной грамматике бурятского языка утверждается, что в сочетаниях үнэгэн малгай 'листья шапка', арба модон газар 'расстояние в десять верст', хонин ажал 'овцеводческое хозяйство', в послесложных конструкциях типа модон дээрэ 'на дереве' первые компоненты употреблены в форме первой, или полной, основы, с которой полностью совпадает именительный падеж, хотя на самом деле именительный падеж и основа представляют собой категории, разные по содержанию. Считается, что в парных словах первый компонент выступает в форме второй, или усеченной, основы. Но насколько правомерно считать, что основа слова может употребляться наравне с формами слов? Может быть, здесь мы имеем дело с неопределенным падежом, который отличается от именительного как падежа подлежащего и сказуемого?

Кратко рассмотрим некоторые вопросы синтаксиса. В учебнике по синтаксису для 7-8-х классов (1985 г., авторы Д.Д. Доржиев и др.), в учебнике для педучилищ (1986 г., автор Л.Д. Шагдаров) проводится точка зрения, согласно которой словосочетание - это соединение двух и более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них). А в вузовском учебнике (1985 г.) его автор П.Ц. Цыдыпов, отходя от традиции,

в составе подчинительных словосочетаний выделяет грамматикализованные сочетания, один из компонентов которых представляет собой незнаменательное слово. Например: шуу татаха, уншаад байна, багша болобо, улан соо, шэб харанхы, тон-тон гэхэ, ябаха хэбэртэй, модон хэбэртэй, ерээ аабза, хурадаг гээбы, тэмээн лэ, хураха гээшэ, ши болбол и т.д.

В сочетании гэр соо байна, согласно школьному учебнику, гэр соо 'в доме' – в целом зависимый компонент словосочетания, ибо послелог соо не отвечает на вопрос и не может рассматриваться как самостоятельная лексема. А с точки зрения Ц.Ц. Цыдыпова, здесь выделяются два словосочетания: гэр соо и соо байна. Автор явно смешивает морфологическое и синтаксическое явления. Это видно из того, что в вузовском учебнике по морфологии, как и в книге "Аналитические конструкции...", он выделяет пять видов аналитических конструкций (суг үгэнүүд): 1) глагольную (зуража байна), 2) номинативно-вербальную (аргашан болобо), 3) послеложную (далай соо), 4) префиксоидную (шэб харанхы), 5) звуко-подражательную (тон гэнэ).

В отношении зуража байна, уншаад байна автор прав в случае, когда считает их аналитическими конструкциями, т.е. явлением морфологии. В синтаксисе такая конструкция в целом является компонентом словосочетания: мори зуража байна; зура-жа байхыень (юу?) хараабди.

Что касается номинативно-вербальной (аналитической конструкции) типа аргашан болобо, багша болобо, то это фразеологизированная глагольная аналитическая конструкция, а в синтаксическом плане – именное составное сказуемое, в котором именная часть находится в именительном падеже. В предложении Бадма түргээр аргашан болобо сказуемым является не болобо (в противном случае оно приобрело бы значение 'сварился'), а аргашан болобо, отвечающее на вопрос яабаб? С точки зрения словосочетания это один компонент: түргээр (ямараар?) аргашан болобо.

Нельзя признать чисто морфологической категорией и послеложную конструкцию типа далай соо 'в море'. Если падежная форма (например, гэртэ 'в доме') действительно является грамматической категорией, то послеложная конструкция представляет собой лексико-грамматическую категорию. Конструкцию типа далай соо вполне можно квалифицировать как словоформу, т.е. как межуровневую единицу, которая связана как с синтаксисом, так и с лексикой и морфологией. Словоформы не всегда совпадают со словами. Например, в предложении Загаан улан соо амидардаг 'Рыба живет в воде' четыре слова, но три словоформы. Следовательно, послелог в синтаксисе становится элементом формы слова. Таким образом, сочетания слов типа улан соо, с одной стороны, представляют собой синтаксическую единицу низшего уровня (ниже словосочетания), с другой стороны, в их формировании большую роль играет лексика, в частности лексико-семантические группы слов. Значение пространства, как и значение места, цели, причины, является не грамматическим, а семантическим значением. О том,

что в формировании послесложной конструкции большую роль играют лексика и семантика, свидетельствует и тот факт, что отдельные послеложные конструкции становятся все более несвободными, превращаясь во фразеологизованные наречные сочетания: агшан зуура 'вмиг, во мгновение, в момент'.

Поскольку сочетания типа шэб харанхы выражают морфологическое значение степени качества, по-видимому, можно считать их аналитическими конструкциями и в составе словосочетания рассматривать как один компонент: саб сагаан (ямар?) упыень.

В последнем, пятом случае (тон гэхэ) имеем фразеологизованный глагол. Здесь посредством вспомогательного слова гэ- и звукоподражательного корня образуется составная глагольная основа, получающая при этом глагольное словоизменение. Такой глагол в составе словосочетания представляет собой один компонент: тон гэйэн (ямар?) абяан.

Кроме того, помимо подчинительных Ц.Ц. Цыдыпов различает еще сочинительные словосочетания, которые также, вслед за большинством, не признают школьный синтаксис и учебник для педучилищ. Автор критикует А.А. Дарбееву и У.-Ж.Ш. Дондукова, считающих парные слова сложными словами. Ц.Ц. Цыдыпов полагает, что в данном случае отсутствует критерий цельнооформленности. Но ведь под последней не обязательно понимается слияние лексем. Главное здесь -- невозможность вставки между компонентами такого образования других единиц языка. С этой точки зрения парное слово -- вполне сложное слово и поэтому в составе словосочетания должно рассматриваться как один компонент: гэр бүлөөрөө ерэхэ 'прибыть семьей', аяга табагаа угааха 'перемыть посуду'. Калмыцкая грамматика (1983) также признает их сложными словами, причем в калмыцком языке они совершенно правомерно пишутся через дефис.

В калмыцкой грамматике в качестве сложной лексемы выделяются еще составные слова, которые вместе с парными словами обычно рассматриваются как фразеологизмы. Это слова типа хар модн 'дуб', цаган алтан 'платина', шар өвчн 'желтуха', темэн чикн 'щавель' и др. Е.А. Кузьменков считает композитами слова типа модон гэр 'деревянный дом', цасан орой 'снежная вершина', араг толгой 'голова в форме корзины', хэл тормос 'ножной тормоз' и т.д. Калмыцкая грамматика выделяет еще составные слова, первый компонент которых имеет аффиксы совместного или родительного падежей: хөөнэ махн 'баранина', уста үэм 'виноград'; составные слова, образованные при переводе с русского языка путем калькирования: гавн жилэ зура 'пятилетний план', бузр дэн 'грязная война', мод белдлнн 'лесозаготовка', мод сууллнн 'лесопосадка', һазр эдлэчнр 'земледельцы', хам цоклнн 'разгром', цапан алтн 'белое золото' и др. Все эти образования в морфологическом и синтаксическом планах ведут себя как одно целое и должны рассматриваться как отдельный компонент словосочетания: томо (ямар?) модон гэр 'большой деревянный дом', хониной мяхаар (юугээр?) хэйэн шүлэн 'суп из баранины' и т.д.

И бурятская, и калмыцкая грамматики в качестве сложных выделяют сочетания прилагательных, обозначающих оттенки цветов: хара хүжэ 'темно-синий', хүри улаан 'бордовый'; калькированные прилагательные олон шатата 'многоступенчатый', 'многостепенный', олон тоото 'многочисленный', эрдэм-техникын 'научно-технический' и др. Калмыцкая грамматика добавляет к ним атрибутивные сочетания, в которых первый или второй компоненты либо оба компонента являются существительными: хун цапан 'белый, как лебедь', мөсн киитн 'леденисто-холодный', хүнд парта (көвчн) 'тяжелорукый (молодец)', өндр нурһта (хүн) 'высокий (человек)', хавр-зуна 'весенне-летние', усн уга 'безводный', амтн уга 'безвкусный', бат биш 'непрочный' и др. Все эти сложные образования должны считаться самостоятельными компонентами словосочетаний.

Сказанное выше свидетельствует о том, что раздел "Словосочетание" вузовской грамматики требует значительной доработки.

В разделе "Предложение" расхождение наблюдается в отношении различения неполных и односоставных предложений. В научной грамматике бурятского языка в разделе "Неполное предложение" (с. 102) приведен такой отрывок из Х. Намсараева: "Барас нохойнь... согсойн һууна. Тиихэ зуураа аляпанай дүтэлхэдэ, ехэл тутархана. Шүдэээ хаб гүүлэн, тэдэниие бариха һанаатай, хазаад лэ алдана." Из этих трех предложений только в первом имеется подлежащее нохойнь, в других двух оно отсутствует, но подразумевается из первого предложения, поэтому они считаются неполными двусоставными предложениями. В своей рецензии на учебник по синтаксису для педучилищ, в котором приводится этот пример, Ц.Ц. Цыдыпов против этих двух предложений написал: "Нэгэ бүридэлтэ дутуу мэдүүлэл" (т.е. односоставное неполное предложение). Если согласиться с рецензентом и считать, что, например, предложение Тиихэ зуураа аляпанай дүтэлхэдэ, ехэл тутархана - односоставное, то почему оно должно считаться "неполным"? Ведь кроме подлежащего нохой, с которым это предложение - двусоставное, все другие члены здесь налично.

Другое дело, что сомнения вызывают случаи типа Би бэшэг бэшэнэб и бэшэг бэшэнэб (во втором предложении опущено местоименное подлежащее). По Ц.Ц. Цыдыпову, здесь первое предложение - двусоставное, личное, а второе - односоставное, определенно-личное. По нашему мнению, второе предложение можно было бы признать определенно-личным лишь в том случае, если бы в предшествующих предложениях не было местоимения би. Ср. рус: Я уже здесь. Приветствую тебя (здесь неполное двусоставное предложение; а в пушкинском: Приветствую тебя, пустынный уголок! - односоставное, определенно-личное, ибо в предыдущем предложении отсутствует местоимение я).

Следует отметить, что в бурятском языке, особенно в художественных произведениях, очень широко употребляются неполные предложения, чаще с пропуском подлежащего. Можно сказать, что это - норма для художественного стиля. Поэтому для того, чтобы учащиеся приобрели навыки естественного изложения, очень важно

указать на то, в каких конкретно случаях можно опускать подлежащее и другие члены предложения.

Наблюдается расхождение и в понимании приложения. В научной грамматике бурятского языка в качестве приложения признается лишь такое определение-имя, которое находится позади поясняемого слова и благодаря этому оказывается относительно самостоятельным словом, представляющим собой как бы лексический и синтаксический дублет, вариант того имени - члена предложения, которое оно поясняет или уточняет: Машкамни, ямаамни, угы болошоо. Считается, что определение-существительное, занимающее препозитивное положение по отношению к определяемому имени, не является самостоятельным и в бурятском языке отсутствует препозитивное приложение

18

Однако этот довод является весьма уязвимым. Дело в том, что приложение - это разновидность определения и ввиду этого оно не может не быть зависимым от определяемого слова. Разница здесь лишь в том, что постпозитивное приложение является более обособленным, чем препозитивное приложение. Ср.: Бадма хонишон энде һууна и Хонишон Бадма энде ерээд һууна. Здесь Бадма не перестает быть приложением, когда оказывается впереди определяемого имени хонишон. Если есть необходимость подчеркнуть, что этот человек - чабан, то можно произнести слово хонишон с логическим ударением и с паузой между ними, а на письме выделить запятыми: Хонишон, Бадма, энде ерээд һууна и Бадма, хонишон, энде ерээд һууна. Таким образом, трактовка приложения в научной и вузовской грамматике является неприемлемой. Этот вопрос правильно освещен в школьном синтаксисе. Приложение - это то же определение, но выраженное существительным; в отличие от обычного определения приложение обозначает то же понятие, что и определяемое слово.

В своей рецензии на учебник для педучилищ Ц.Ц. Цыдыпов пишет: «Понятие "сагай ушарлагша" ("обстоятельство времени") употребляется относительно членов предложения. Поэтому, наверное, не нужно охватывать причастные и деепричастные обороты. Так может дойти до предложения, которое показывает обстоятельство времени: Хэзээ бороо ороноб, тиихэдэ...»

Но оборот всегда считался синтаксическим целым, одной синтаксической конструкцией, выполняющей роль одного члена предложения. Так что данное замечание Ц.Ц. Цыдыпова противоречит всем учебникам.

В связи с этим следует сказать, что многие авторы учебников и методик частенько грешат тем, что, когда встречаются с оборотами в других разделах учебника, забывают, что эти обороты выступают распространенными обстоятельствами, и начинают разбивать их по членам предложения; а это является неверным с точки зрения действующего синтаксиса. Данное противоречие, возможно, было бы снято, если бы школьный синтаксис перевели на позиции полипредикативного синтаксиса, очень плодотворно разрабатываемо-

го нашими новосибирскими коллегами М.И. Черемисиной и Е.К.Скрибник на материале бурятского и других сибирских языков. К сожалению, И.Ц. Цыдыпов ничего не говорит об этих исследованиях, ограничившись упоминанием о том, что М.И. Черемисина опубликовала лишь одну брошюру в 1979 г.

Исследователям необходимо обменяться мнениями по этому вопросу, имея в виду, что синтаксис сложного предложения в новой научной грамматике предполагается написать с позиций этой новой концепции сложного предложения. Как показано этими исследователями, сложные предложения европейского типа в синтаксисе бурятского языка занимают незначительное место. В нем практически все синтаксические значения, выражаемые бифинитными союзными конструкциями индоевропейских языков, передаются мощной системой инфинитных форм глагола.

Последний раздел в вузовском синтаксисе называется "Высказывание" (Үгүүлэл). В этом разделе рассматриваются относительно законченные в смысловом и грамматическом плане отрывки связных текстов, обычно именуемые сверхфразовыми единствами или текстом. Ввод такого раздела в синтаксис заслуживает всяческой поддержки, ибо здесь ставится цель обучения учащихся правильному построению связной речи и последовательному изложению мыслей на бурятском языке. Вызывает сомнение только термин "үгүүлэл", хотя он хорошо "рифмуется" с "холбуулал" (словосочетание) и "мэдүүлэл" (предложение). Однако в настоящее время под высказыванием понимается любая сообщающая единица, т.е. высказыванием может быть и предложение, и не предложение. Вслед за понятием предложения сейчас помещают понятие текста, под которым понимается организованный на основе языковых связей и отношений отрывок речи, содержательно объединяющий синтаксические единицы в некое целое.

Вузовский учебник ориентирован в основном на старые грамматические теории. Следовало хотя бы кратко рассказать об интенсивных синтаксических исследованиях, ведущихся в нашей стране: например, об актантной теории, о том, что многими авторами пересматривается традиционное понятие о второстепенном члене предложения, вместо него вводится понятие распространяющих членов предложения. Подробнее нужно говорить о теории актуального членения, о коммуникативных парадигмах предложения и т.д., а в морфологии — о принципах теории грамматики порядков, о морфонологии и т.д.

Таковы в основном расхождения между учебными грамматиками, с одной стороны, и учебной и научной грамматикой — с другой. Теперь очень кратко коснемся других проблем школьной грамматики.

Раньше наши учебники составлялись по русским образцам и в них большое внимание уделялось детализованному, подробному изучению и усвоению правил правописания. Русский язык имеет максимально широкие функции, и естественно, что при его преподавании большое внимание обращается также на формальные моменты, в частности на правила орфографии, пунктуации, на разного рода исключения из правил и т.д. Однако при новой языковой ситуации, ког-

да в Бурятии интенсивно распространилось массовое двуязычие и когда со стороны молодого поколения все больше наблюдается недостаточное практическое владение родным языком, признано необходимым обратить основное внимание в школе на развитие связной речи учащихся.

По сравнению со старыми во вновь представленных учебниках наблюдаются положительные сдвиги в разработке заданий и упражнений по развитию устной и письменной речи учащихся, правильно-стилистическому использованию слов и словосочетаний, творческому отношению к категориям языка. Все же в целом авторы учебников продолжают недооценивать тот факт, что во главу угла должно быть положено именно развитие речи, а грамматика, правописание должны играть вспомогательную роль. Между тем в учебниках во многих случаях получается наоборот. Часто даются задания переписывать пространные тексты, подчеркивая и выделяя в них те или иные грамматические значения и орфограммы, а также краткие, долгие, мужские, женские, нейтральные, йотированные гласные. Таким образом, преобладают упражнения на элементарное распознавание грамматических и звуковых явлений.

В учебниках еще мало упражнений, стимулирующих творческое использование в речи языковых категорий и явлений, авторы не проявляют достаточно изобретательности в постановке творческих задач перед учащимися. Например, в программе есть раздел "Обучение правильному использованию местоимений для связи предложений". Но в нем не приведено упражнения, а между тем можно было бы дать разнообразные, интересные задания. При изучении послелогов можно было давать задания на разграничение по смыслу и стилю изложения послеложных сочетаний и синонимичных им надежных форм (типа гэр соо, гэр тээшээ – гэртэ, гэртээ); упражнения на смысловое разграничение послелогов (место, время, цель, сравнение и т.д.); упражнение на разграничение синонимичных послелогов, союзов, как сказано в программе. Можно включать тексты с искусственной концентрацией союзов с тем, чтобы ученики убрали лишние союзы, и т.д.

Программой предусмотрен специальный раздел "Развитие связной речи". К сожалению, в учебниках этот раздел обычно остается неразработанным. Между тем программой предусматривается: дать понятие о тексте и его частях, о способах их соединения посредством лексических и грамматических средств, определение темы текста, образец составления простого плана, переводы с русского языка, образец написания кратких рефератов, отзывов о прочитанном, заметок в стенгазету и т.д. Таким образом, стоит задача резко сократить в учебниках упражнения на правописание и элементарное распознавание языковых явлений, увеличить число упражнений с творческой направленностью, упражнений, развивающих наблюдательность, речь, ум ребенка, выявляющих и наглядно показывающих богатые выразительные возможности родной речи.

Следует преодолеть и такой довольно распространенный недостаток, как несоответствие в учебниках между теоретическим ма-

териалом и фактическим материалом в упражнениях. При прохождении, например, такой темы, как "Определение", в теоретической части авторы оперируют одиночными словами, а в упражнениях встречаются почти одни только развернутые определения. Пример: Зунай дунда һарын халуун шанга наранһаа тала дайдын хамаг бүхы амитан ядарна. Здесь по два развернутых определения: зунай дунда һарын и халуун шанга; тала дайдын и хамаг бүхы. Но по поводу таких определений никаких пояснений не делается. Не случайно даже в методических разработках на этот счет допускаются ошибки. Например, в "Методике обучения бурятскому языку" (1980, с. 223) Ц.Ц. Цыдыпова разбирается такое предложение: Доржо газаашаа гаража ябахатаа, бултанһаа урид гараһан Лева Толстойтой уулзаба. Здесь, по его мнению, Доржо - подлежащее, уулзаба - сказуемое, Лева Толстойтой - дополнение, бултанһаа - дополнение, урид гараһан - определение, газаашаа гаража ябахатаа - обстоятельство времени. В данном случае неправильно определено слово бултанһаа. Если бы это слово относилось к сказуемому уулзаба, тогда оно было бы дополнением. А здесь оно со словом урид относится к причастию гараһан и эти слова вместе, т.е. бултанһаа урид гараһан, являются распространенным определением.

Еще одна проблема, которой необходимо коснуться - это задача внесения некоторых коррективов в действующее правописание. Со стороны авторов учебников, учителей выдвигается требование изменить правописание заимствованных слов, т.е. все заимствованные слова в именительном падеже писать по-русски. Например: Европа (а не Европо, как сейчас), яблоко (не яблока), база, хор, сад, мода, эра (а не бааза, хоор, саад, моодо, ээрэ), баня, правление, пролетарий, варенье, горючее (а не бани, правлени, пролетари, варени, горючи) и т.д. Главное препятствие принятию такой поправки состоит в том, что в этом случае резко нарушался бы фонемно-морфологический принцип, ибо в именительном падеже было бы Европа, а в косвенных - Европодо, Европоор, Европоһоо. В случаях типа революция появилось бы резкое расхождение с живым употреблением: 1917 ондо Агуухэ Октябриин социалис революция болоһон. Поэтому, может быть, надо такую поправку вводить с ограничениями, в целом приблизив правописание большинства слов (в том числе некоторых давно заимствованных типа сахар, лапша, кerosин, кузница, деревня) к русской орфографии.

В связи с некоторым прояснением статуса сложных слов надо внести изменение в их правописание. Так, парные слова, сложные наименования, может быть, следует писать через дефис: аяга-шанага, дүй-дүршэл, үндэр-набтар, наран-сэсэг и др. Сомнения вызывают признаваемые за сложные слова типа модон гэр, һалхи абаха, түсэбһөө гадуур и др. В связи с внедрением полипредикативного синтаксиса придется уточнить пунктуацию сложных предложений. В настоящее время действует правило, согласно которому обороты обособляются только сзади. При этом в школьном учебнике для 7-8-х классов утверждается, что если оборот примыкает к конечному сказуемому, то он не считается оборотом и не обособляется,

что фактически неточно: от изменения местоположения сущность оборота измениться не может. Поскольку у нас и графика в целом, и основные значения букв одинаковы с русским языком, в отношении использования знаков пунктуации (точка, запятая, точка с запятой, тире, двоеточие и т.д.), а также в написании прописных букв мы традиционно придерживаемся правила применять эти знаки максимально близко к правилам русского языка. Например, при выделении прямой речи мы используем знаки препинания совершенно так же, как и в русском языке. Благодаря этому у учащихся создаются единые представления относительно применения пунктуационных знаков. При этом разумеется, конечно, что в случаях, когда этот принцип не соответствует законам бурятского языка, от него делаются отступления.

Пока данная статья готовилась к печати, вышли в свет учебники, которые были утверждены ранее или находились в производстве (см. начало этой статьи). Сейчас изучается предложение о том, чтобы для 5-9-х классов иметь один учебник, так как, с одной стороны, в ныне используемых учебниках много повторений, а с другой стороны – необходимо обращать больше внимания на развитие свяной речи учащихся. В 1989 г. издан учебник для педучилищ, составленный Л.Д. Шагдаровым и Д.-Н.Д. Доржиевым. В нем кратко представлены фонетика, орфоэпия, графика, орфография, лексикология, фразеология, лексикография, морфология, пунктуация и стилистика. Предполагается издать к этому учебнику сборник упражнений.

Примечания

¹ См.: Раднаев Э.Р. Бурятский язык в школе. – Улан-Удэ, 1979.

² См.: Чариков С.Л. Наречные слова и частицы в системе частей речи бурятского языка // Вопр. языкознания. – 1984. – № 3.

³ См.: Бертагаев Т.А. О морфологическом строе бурятского языка. – М., 1961. – С. 29.

⁴ См.: Салжиев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. – М., 1963. – С. 67.

⁵ Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков) // Вопросы составления описательных грамматик. – М., 1961. – С. 95.

⁶ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962. – С. 190.

⁷ Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. – Элиста, 1983. – С. 193.

⁸ Орловская М.Н. Функции соединительного деепричастия в классическом монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. - Элиста, 1980. - С. 4.

⁹ См.: Шевернина З.В. О категории вида в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. - Новосибирск, 1987.

¹⁰ См. в настоящем сборнике: Дугарова Г.С. Проблема вида в бурятском языке.

¹¹ См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 127-134.

¹² Яхонтова Н.С. Перфект в монгольском языке // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. - М., 1984. - С. 92.

¹³ Дораева Р.И. Категория наклонения в калмыцком языке (в синтагматическом аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. - Элиста, 1980.

¹⁴ Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972. - С. 280.

¹⁵ Цыдыпов Ц.Ц. Методика преподавания бурятского языка. - Улан-Удэ, 1980. - С. 148.

¹⁶ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. - М., 1963. - С. 84-85.

¹⁷ Там же. - С. 83-84.

¹⁸ См.: Бертагаев Т.А. Цыдендамбаев Ц.В. Грамматика бурятского языка: Синтаксис. - М., 1962. - С. 71.

Е.А. КУЗЬМЕНКОВ

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ СЛОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Расшифровка темы. Материал и исходные положения

Коротко о терминах, употребленных в заголовке. Основной материал, который мы собираемся здесь использовать, взят из бурятского и халха-монгольского языков. Делается это для большей наглядности, в соответствии с традицией и из соображений удобства печатной техники (чтобы не прибегать к особой транскрипции). Мы не будем заниматься сравнением монгольских языков, но не для того, чтобы избежать сложностей, а потому, что большинство предлагаемых обобщений в равной или почти равной степени можно отнести ко всем языкам монгольской группы. На материале бурятского и халха-монгольского языков велась основная дискуссия по нашей теме¹, поэтому, полемизируя с предшественниками, удобнее

оставаться на их "территории", тем более что большинство из них уже не имеют возможности ни возразить, ни согласиться с нами.

Выражение "класс слов" мы используем в качестве эквивалента термина "часть речи". Это не значит, что последний устарел или неверен. Как всякий термин, "часть речи" – всего лишь ярлык, знак стоящего за ним понятия, а это понятие у большинства исследователей раскрывается именно как класс, множество слов, какие бы ни выбирались способы членения текста на слова и способы классификации. Но существует и иное представление о частях речи – как об универсальных категориях, которые могут быть не идентичны классам слов в конкретных языках и не являются постоянной характеристикой слова (Г. Габелени, Л.В. Шерба). Л.В. Шерба мотивировал такой подход субъективизмом "научной" классификации и призывал "разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой"². Во избежание двусмысленности мы и употребляем термин "классы слов", надеясь разыскать "навязываемые языковой системой" основания классификации.

Любая классификация определяется целями исследования и практики и допускает известный произвол при единственно неоспоримом условии, предъявляемом любой классификации, – быть логически непротиворечивой³. Основная цель, которая, как нам кажется, должна стоять перед исследователем в данном случае, – это создание строго логичной системы классов, которая могла бы эффективно использоваться как часть языковой модели. Отсюда вытекает и еще одна задача: выбрать наиболее подходящую форму фиксации языковой модели для преподавания данного языка на любом уровне.

"Слово" – термин многозначный. В нашем случае под словом следует понимать парадигматическую единицу, лексему, которая связана с синтагматическими единицами – словоформами – так же, как связана фонема с аллофонами, морфема с алломорфами. Вопрос о лексеме заслуживает особого рассмотрения и будет разобран в одном из последующих пунктов.

И наконец, еще об одном термине, входящем в заглавие и характеризующем нашу тему. Что надо понимать под именными классами слов? В европейской традиции "имя" – общее название для существительных, прилагательных, числительных. Примерно так же употреблял этот термин и Алексей Бобровников, объединяя под ним все склоняемые слова⁴. В дальнейшем, когда некоторое распространение получило представление о монгольском прилагательном как о классе неизменяемых слов⁵, термин "имя прилагательное" стал звучать парадоксально или, по крайней мере, нетрадиционно, поскольку термин "имя" всегда связывался с категорией падежа.

Отличается от европейской традиции и взгляд многих монголоведов на наречия, которые не считались в монголистике противопоставленными именам. Ср. высказывания Н.Н. Поппе: "Внутри имени в широком смысле этого слова выделяются..."⁶ и Г.Д. Санжеева: "Наречия... суть такие имена..."⁷ Мы не хотим в пreamбуле вдаваться в такие вопросы, тем более что здесь дело касается уже

не только терминологии, но и самой классификации слов, и условно объединяем под термином "именные классы" все классы знаменательных слов, исключая глагол, оставаясь, таким образом, в русле монголистической традиции.

1. Определение объекта классификации. Лексема

Изложенный в преамбуле взгляд на лексему вполне традиционен, в основных монголоведных работах о частях речи подразумевался именно такой подход к объекту классификации. Например, у Д.А. Алексеева: "...существительные могут выступать в функции любого члена предложения, отчего они, однако не перестают быть существительными..."⁸

Члены одной и той же лексемы имеют разные формы и могут занимать различные синтаксические позиции — так, видимо, следует понимать и примеры Г.Д. Санжеева, для которого "предметное имя" модон 'дерево, деревянный' остается одной и той же единицей в модон хурээ 'деревянная лопата' и в модонной орой 'верхушка дерева'⁹.

Все словоформы, входящие в лексему, имеют фонетически сходный элемент — основу (если отвлечься от супплетивизма). Именно основа и в плане выражения, и в плане содержания (лексическое значение) является определяющим звеном в отождествлении словоформ, но основа не тождественна лексеме, это единицы разных уровней: соединение основ и граммем составляют словоформы, а лексема — это класс словоформ¹⁰.

Лексема имеет "основной" вариант — обычно мы его видим записанным в словаре. Хотя это и условность, но для любой модели лучше выбирать такой "основной" вариант, который позволил бы составить наиболее простые правила перехода к другим словоформам, т.е. правила сочетаемости основ и граммем¹¹.

Чтобы определить всю совокупность словоформ данной лексемы, мы должны, в идеале, выбрать все отрезки текста содержащие, на наш взгляд, идентичные (с точки зрения данной лексемы) словоформы. Как при любой операции со знаками, мы должны при этом руководствоваться и формой, и значением. У всех словоформ лексемы — одно и то же лексическое значение. Различия в фонетическом облике основы должны подчиняться признаку компонентарной дистрибуции (дополнительного распределения), т.е. множества контекстов у основ не должны пересекаться, иначе мы рискуем свести в одну лексему синонимы, например, самолет, аэроплан и т.п.

Такое определение не может вызвать особых возражений хотя бы потому, что оно слишком общо и ни к чему не обязывает. Если мы не выработаем конкретных формальных операций для определения лексемы, такое обстоятельство, как, скажем, различный взгляд на лексическое значение, синонимию, омонимию и пр., может дать совершенно различные результаты при идентификации словоформ и в конечном итоге при классификации слов. Так, примеры со словом модон, приведенные выше, Д.А. Алексеев в отличие от Г.Д. Сан-

жева рассматривает как случаи употребления двух различных лексем: существительного – модоной орой 'верхушка дерева' и прилагательного – модон гэр 'деревянный дом', аргументируя тем, что "...изменяется и само лексическое значение слова..."¹². Поступируя две лексемы вместо одной, Д.А. Алексеев тем самым "сводит к нулю" проблему "предметных имен" Г.Д. Санжеева.

Мы видим, что проблема идентификации словоформ вырастает до одной из самых существенных по своим последствиям для классификации. Поэтому представляется необходимым провести здесь небольшой анализ этой проблемы. Примером может служить вышеупомянутый вопрос о слове модон. Не будем разбирать подробно предшествующие работы на эту тему. Мнения Г.Д. Санжеева, Д.А. Алексеева, Т.А. Бертагаева, Ш. Лувсайваидана, М.Н. Орловской и других достаточно известны¹³. Следует только сказать, что ряд аргументов этих исследователей приводится в терминах частей речи, что нам представляется не вполне корректным – определение объекта классификации происходит фактически после самой классификации. Подобная рекурсия была бы допустимой, если бы речь шла о каком-то маргинальном, малозначительном фрагменте языковой системы. Но мы знаем, что "проблема модон байшин" – это проблема весьма обширного круга явлений не только в монгольских языках¹⁴, и она требует фундаментального подхода.

Все члены лексемы имеют, по определению, одно и то же значение. Следовательно, если мы знаем, как идентифицировать лексическое значение, то этого вполне достаточно, чтобы идентифицировать и словоформы. Но, к сожалению, все здесь не так просто. Об этом можно судить, например, по диаметрально противоположным мнениям Г.Д. Санжеева и Д.А. Алексеева, которые несомненно имели достаточно адекватное представление о лексическом значении слова в бурятском и монгольском языках. Нужно найти какие-то реальные признаки лексического значения, которые могли бы подкреплять или, наоборот, корректировать выводы исследователей, полученные на основе лишь их языковой интуиции.

Употреблению словоформ в различных контекстах и употреблению различных словоформ сопутствует различие в грамматическом значении: модые хорээдэхэ 'распилить дерево', модоор юмэ хэхэ 'сделать что-то из дерева' – здесь формы винительного и орудного падежей занимают различные синтаксические позиции, имеют различное грамматическое значение. Контекст употребления каждой словоформы определяется соответствующим глаголом-сказуемым, это контекст подчинения. Грамматическое значение словоформы обусловлено подчинительной синтаксической связью с доминирующим словом. Эта связь может быть довольно разнообразной, но в любом контексте и в любой словоформе, поскольку речь идет о членах одной и той же лексемы, лексическое значение должно быть одним и тем же, как идентичной остается во всех случаях основа словоформы. Таким образом, лексическое значение – это константа, и если переменное грамматическое значение соответствует пе-

ременному контексту, то постоянное лексическое значение должно иметь свой постоянный контекст. Такой контекстуальной константой является зависимое окружение словоформ.

Так, мы можем снабдить рассматриваемое слово определениями, и эти определения (зависимые слова) удерживаются при данном слове, какую бы форму оно ни имело, и какую бы позицию эта форма ни занимала: энэ (тэрэ, һайн, муу...) модые хурөөдэхэ 'распилить это (то, хорошее, плохое...) дерево', энэ (тэрэ, һайн, муу...) модоор юумэ хэхэ 'делать что-нибудь из этой (той, хорошей, плохой...) древесины'¹⁵.

Зависимое окружение слова (в нашем случае – для именных классов слов – это исключительно определения) чрезвычайно чувствительно к лексическому значению, оно регламентируется даже небольшими филиациями значения, не говоря уже о полисемии или омонимии (например, номер может быть просторным в значении 'комната', но не может быть просторным в значении 'число' и т.д.).

Критерий идентификации словоформ (или критерий идентичности лексического значения) можно сформулировать следующим образом: словоформы, принадлежащие одной и той же лексеме, в любом контексте сохраняют одно и то же зависимое окружение.

Отсюда не следует, конечно, что члены разных лексем должны иметь разное окружение (например, синонимы), но следует, что различное окружение говорит о том, что перед нами различные лексемы.

Рассмотрим с этой точки зрения наши исходные примеры, вводя зависимые слова для словоформ, содержащих основу модо(н). Что означают сочетания энэ модон гэр и энэ модоной орой? Очевидно, что если во втором случае определение энэ можно отнести к слову модной, то в первом ничего подобного не получается: значение сочетания – 'этот деревянный дом', а не 'дом из этой древесины'. Таким образом, слово модон в сочетании модон гэр не имеет тех валентностей, которые находятся у модон из других сочетаний, и оно должно быть признано словоформой, принадлежащей другой лексеме.

По данному критерию Д.А. Алексеев оказывается прав в том, что разделяет эти две лексемы. Вопрос же о статусе модон в сочетании модон гэр (прилагательное ли это?) остается пока открытым. Попутно надо отметить, что примеры Д.А. Алексеева подобраны не лучшим образом: в них не учтена полисемия 'дерево'/'древесина'. Вместо сочетания модоной орой стоило взять, скажем, модоной шанар 'качество древесины'.

Этот же критерий можно применять и для установления границ лексемы в случаях так называемых адъективизации, субстантивации, адвербиализации и других сходных вопросов, которые всегда сопутствовали дискуссиям о частях речи. Например, легко устанавливается идентичность словоформы һайн в сочетаниях һайн мори 'хороший конь' и һайн амарха 'хорошо стдыхать' по идентичной валентности маша (ехэ...) пайн мори 'очень хороший конь', маша (ехэ...) пайн амарха 'очень хорошо отдыхать', и, следовательно, можно не

поднимать вопроса об адвербиализации хайн (что это такое: прилагательное, наречие или нечто иное, — это уже вопрос классификации и терминологии).

Игнорировать факт сохранения или изменения валентности в подобных случаях мы не можем, как не можем не учитывать любое существенное свойство языковых единиц. Но, вероятно, можно по-разному интерпретировать одно и то же явление. Мы видим, что такие выдающиеся знатоки монгольских языков, как Г.Д. Санжеев, Н.Н. Поппе и Ш. Лувсанвандан выделяют слова типа модон как единые лексемы особого класса. Попытаемся раскрыть истоки такой интерпретации.

Для Н.Н. Поппе модон гэр — это особое сочетание, которое можно уподобить английскому ironworks 'железодельный завод'¹⁶. Он называет их "композита", т.е. сложными словами. Таким образом, речь идет о словесном членении текста. Ясно, что вопрос такого рода должен решаться не только прежде классификации, но и до выделения лексем: в результате членения текста на слова мы получаем исходный материал для лексем — словоформы. Мы не касались этого раньше, подразумевая, что общепринятые словесные границы в монгольских языках нас в большинстве случаев устраивают. Для спорных случаев могут быть применены критерии, отражающие два наиболее характерных признака слова как единицы одного из уровней членения текста, — цельность (критерий Дж. Гринберга) и идиоматичность (критерий Лу Чживэя)¹⁷. Эти критерии дают в основном идентичные результаты. Расхождения получаются для границ служебных формантов: по Дж. Гринбергу (критерий вставки) — это слова, по Лу Чживэю (критерий неограниченного варьирования граничащих элементов) — это аффиксы. Для случаев типа модон гэр получается наоборот: по Дж. Гринбергу — это сложные слова (вставка невозможна), по Лу Чживэю — два отдельных слова (варьируемость обоих компонентов не ограничена). В пользу точки зрения Н.Н. Поппе говорит неразделимость данного сочетания, но очевидно и другое: критерий вставки Дж. Гринберга для монгольских языков с их строгим порядком слов и распространенным примыканием — это слабый критерий.

Как бы там ни было, и Г.Д. Санжеев, и Ш. Лувсанвандан, и Н.Н. Поппе дают каждый свою, в чем-то обоснованную классификацию, но классифицируют они не лексемы в указанном выше смысле, а более объемные множества словоформ. В ряде деталей их классификации аналогичны подходу некоторых тюркологов, для которых существуют атрибутивные формы существительных, субстантивные формы прилагательных и т.п.¹⁸

Подводя итоги, можно сказать, что при любом подходе к классификации объект ее должен быть определен вполне конкретно, иначе мы лишаемся возможности отстоять свою точку зрения, какой бы она ни была. Хочется еще раз подчеркнуть, что определение лексемы — тот исходный пункт, от которого зависит конечный результат классификации.

2. Способы и цели классификации

Поскольку речь идет о языковой системе и ее элементах, мы должны отдавать себе отчет в том, что такая система "подчинена аристотелевской логике, т.е. всякий вид в логическом смысле (низший таксон) определяется ближайшим родом (высший таксон) и специфическим различием"¹⁹. Специфические, т.е. родовидовые, различия определяются признаками, которые мы, следуя В.Я. Проппу, будем выбирать согласно следующим соображениям: "1. Выделяемый признак должен отражать существенные стороны явления. Что считать существенным и что нет — определяется целями исследования, но есть и совершенно объективные критерии... 2. Избранный признак должен быть постоянным, а не изменчивым. Изменчивость признака говорит об изменчивости объекта, т.е. в конечном итоге о разных объектах, — то, что мы имели в виду, говоря об определении лексемы. — Е.К.] ...3. Признак, полагаемый в основу, должен быть сформулирован ясно и исключать возможность различного понимания и толкования его"²⁰.

Руководствуясь этими соображениями, обсудим возможные классификационные признаки.

То, что является общим для всех членов одной и той же лексемы, — это лексическое значение. Кажется наиболее естественным в значении же искать и классифицирующие признаки лексем. Словоизменение (состав лексемы) и синтаксис (дистрибуция словоформ) представляются вторичными признаками: "...едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются:

скорее мы потому их склоняем, что они существительные"²¹.

Но какие именно семантические признаки следует считать существенными? Имеется немало вариантов классификации лексики, точнее, семантики словаря, составленных по априорным признакам. Эти признаки обычно выражаются в названиях классов: "вселенная", "человек", "человек во вселенной" и т.д. Последний из известных нам примеров — словарь Р. Халлига и В. Вартбурга²². Тематическая классификация такого рода широко использовалась в китайских словарях, она стала традиционной и была неизменной в течение столетий: один из последних примеров — монгольско-китайский словарь, изданный в Пекине в 1956 г.²³ Подобная классификация за-

думана как универсальная (ср. пятиязычный словарь Цяньлуна²⁴) и имеет определенное утилитарное значение. Но эта же универсальность мешает использовать ее при обращении к языковой системе конкретного языка: для изучения строя языка, для синтеза и анализа текста тематический словарь почти бесполезен.

По совершенно аналогичным причинам эффективному анализу языковых систем препятствует и универсальность классического подхода к частям речи. Классификация, восходящая к теориям античных и средневековых философов, в приложении к языку экзотической структуры значительно усложняет описание данного языка.

Умножается число правил, и усложняются сами правила как аналитической (текст → смысл), так и синтетической (смысл → текст) модели: перекрещивающиеся классы слов вызывают необходимость дублирования правил (пресловутые субстантивации и адективизации в монгольских языках), некоторые фрагменты языковой модели описываются столь разноречиво, что не всегда можно понять, в чем, собственно, дело (взять хотя бы тот же пример с модон гэр) и т.д.

Сомнительно было бы в полной мере доверяться универсализму "семантических частей речи", как и других "понятийных категорий", но нельзя не отметить, что различия классификационных систем касаются главным образом частных, а различия в общих закономерностях оказываются "меньшими, чем можно было бы ожидать"²⁵. Правда, все дело в том, что для эффективности языковой модели нам важны именно частности. Например, для выражения понятия 'деревянный дом' надо соединить "предмет" с "признаком", но как это сделать в конкретном языке, не расшифровывая "понятийные категории"? Что там должно быть? Сложное слово муфан (кит.), сочетание существительного и прилагательного деревянный дом (рус.), сочетание существительного и другого существительного с предлогом дом из дерева (рус.)?

Никто не в состоянии извлечь "частности" такого рода из семантических определений частей речи. Интуитивно ясно, что понимается под "предметностью" существительного, "признаковостью" прилагательного и т.д., но интуиция оказывается недостаточной, чтобы объяснить, почему существительное обозначает "признак" (краснота), "действие" (бег), которые представляет "таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда ?" — Е,К,Ж представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира"²⁶

С практической точки зрения семантические определения классов не удовлетворяют третьему из требований В.Я. Проппа, предъявляемых им к классификационным признакам (см. выше). Вероятно, надо несколько расширить подход к семантическому определению классов слов. По-видимому, следует рассматривать не инвариант класса, чисто семантический элемент, а знаковую категорию, т.е. считать категории типа "существительное", "прилагательное" не семантическими, а двусторонними: считать, что значение "предметность" ("субстантивность" и пр. — название не играет никакой роли, кроме методической) имеет свой план выражения, идентичный для каждого существительного.

В качестве аналогии возьмем категорию одушевленности / неодушевленности: ее можно рассматривать как чисто семантическую. Она гораздо более конкретна, чем, например, "предметность", и легко определяется для всякого конкретного слова. В ряде языков эта категория имеет даже морфологическое выражение, например в русском склонении. В монгольских языках одушевленность/неодушевленность выражена слабее (в дистрибуции и трансформационных признаках, иногда лишь статистически²⁷). Для монгольских

языков более существенным оказывается противопоставление лицо/нелицо. Эти значения наглядно проявляются в дистрибуции соответствующих лексем; например, в определительных конструкциях подлежащее, выражаемое существительным со значением "не-лицо", не оформляется родительным падежом: халх. хонь бэлчиж яваа хэндий 'долина, в которой пасутся овцы', ср.: Дамдины сууж байгаа хэндий 'долина, в которой живет Дамдин'.

Если категория подобного рода играет существенную роль в языковой системе, то она может найти выражение и в особом морфологическом классе местоимений: например, рус. кто/что выражает противопоставление одушевленности/неодушевленности, халх., бур. хэн/юу – противопоставление лицо/нелицо.

Исходя из сказанного, можно предположить следующую иерархию признаков: семантический признак → дистрибутивный признак → морфологический признак. Не исключено, что эти импликации относятся не только к синхронной иерархии, но отражают и историческое развитие, скажем, от аналитизма к агглютинации и флексии.

Следует отметить, что первое из указанных отношений – между семантикой и синтаксисом – выражено не вполне точно: здесь, скорее, двойная импликация: семантический признак ↔ дистрибутивный признак. Дело в том, что существует не только закономерность, согласно которой слово со значением "предметность" привычным образом занимает позицию, к примеру, подлежащего: залуу бэри эрэбэ 'пришла молодуха', но и другая закономерность, по которой лексическое значение слова претерпевает изменения, когда меняется его дистрибуция, например: залуу эрэбэ 'пришел юноша' – происходит то, что обычно называют субстантивацией²⁸.

Таким образом, имеет смысл рассматривать классную характеристику части речи как знаковую единицу вида

семантика класса
дистрибуция класса

, отводя морфологии подчиненную роль показателя "закрепленности" тех или иных семантических и дистрибутивных признаков. В пользу того, что морфологические признаки выполняют лишь вспомогательную роль, приведем такой пример: "Какаду не склоняется, но сочетания мой какаду, какаду моего брата, какаду сидит в клетке достаточно характеризуют какаду как существительное"²⁹.

Дистрибутивные признаки как выразители общей лексической семантики должны исчисляться в полном объеме: признак класса слов – совокупность всех функций лексемы. При этом мы должны детализировать функции, иначе нельзя будет зафиксировать существенные признаки. Сказать, например, "определение" – явно недостаточно. Так мы сообщаем только о подчиненности определяемому, но не менее существенным оказывается и способ подчинения: халх. туулайн чих 'заячьи уши', туулай чих 'уши, как у зайца', халх. разг. нохойны дуу 'лай собаки', нохойн дуу 'звук (голос), похожий на собачий лай'.

Аналогичный пример можно привести, характеризуя подлежащее, которое может быть оформлено суффиксом личного притяжания, но

может быть и не маркированным. В халхасском этот признак выделяется Ш. Лувсанванданом как основной для разделения имен на "харьцааны бус нэр" (притяжание не обязательно) и "харьцааны нэр" (притяжание обязательно) – классы, сопоставимые с существительными и прилагательными соответственно³⁰. Очевидно, что рассматривать употребление слова в функции подлежащего без учета этих подробностей – значит игнорировать один из важных дистрибутивных признаков.

В конечном итоге при достаточно тщательном учете всех контекстов и функций мы можем получить таблицу примерно такого вида:

	Лексема 1	Лексема 2
Функция 1	+	-
Функция 2	+	+
.		
Функция N'	+	-

В перечень функций вносится по возможности все, в том числе и трансформационные признаки типа улаан туг 'красное знамя'/туг улаан 'знамя – красное', и возможность эллипсиса вроде зээрдэ морёо унаха 'оседлать своего рыжего коня'/зээрдээ унаха 'оседлать своего рыжего' и т.д.

Группируя столбцы с идентичными показателями ("плюсами" и "минусами"), мы получаем классы лексем, отличающиеся друг от друга большим или меньшим числом признаков и соответственно большей или меньшей разницей в семантике. Например, среди таких совпадающих по большинству характеристик слов, как хүн 'человек', мори 'конь', шэрээ 'стол', үдэр 'день', мы можем выделить үдэр как единственную среди этих лексем, употребляющуюся в роли немаркированного обстоятельства: үдэр ябахаб 'поеду днем'. По этому признаку үдэр сходится со словами типа хая 'сейчас', заримдаа 'иногда' и т.п. Однако вряд ли кому-то придет в голову строить классификацию таким образом, чтобы выделять класс "наречие", а внутри него подкласс "наречие-существительное" (слова типа үдэр 'день, днем', пүни 'ночь, ночью'). Порядок применения признаков в этом случае, как и в ряде других, очевиден: слова типа үдэр следует считать подклассом существительных, но не потому, что үдэр отличается от шэрээ меньшим числом признаков, чем от хая, а потому, что признаки, объединяющие үдэр и шэрээ, "главнее".

Этот вопрос – определение иерархии признаков – вообще основная проблема классификации. Здесь мы имеем возможность свести к минимуму классификационный произвол, обратившись к следующему критерию: наиболее существенные признаки класса, связанные с его инвариантным значением, – это дистрибутивные признаки основных словоформ (этот критерий приемлем для языков "алтайского типа", в которых основа всегда является самостоятельной словоформой; для других языков такую же роль играют "первичные функ-

ции" Е. Куриловича). С этой точки зрения можно ориентироваться на фундаментальное соответствие: подлежащее – существительное, определение – прилагательное, обстоятельство – наречие. Существительные, прилагательные, наречия – высшие таксоны именных классов, для которых перечисленные позиции основных форм – главные или "первичные".

Определяются эти классы по комплексу признаков. Существительное: кроме указанного признака (неоформленное подлежащее) имеет валентность на определения в виде прилагательных, существительных и других имен в атрибутивных падежах (родительный, совместный), не управляет комплетивными падежами, может быть несобратимым (в отличие от прилагательного) предикативным членом и т.д.

Прилагательное: обратимо в трансформации "определение – предикативный член" (улаан туг – туг улаан), подлежащее и другие комплетивные позиции – только маркированные и пр.

Наречие характеризуется более узкой дистрибуцией: для основной формы нет такого многообразия признаков, как для первых двух таксонов. Кроме того, состав наречной лексики сильно ограничен: например, дээрэ 'вверху' – дээшэ 'вверх' можно рассматривать как словообразование, а дээрэйээ 'сверху' – как аналитическую форму. Эти признаки позволяют ввести в данный класс и слова типа маш. нэн 'очень, самый', дистрибуция которых еще более узкая, чем у наречий пространственно-временных значений.

Таксоны следующих уровней выделяются по признакам, которые могут рассматриваться как второстепенные. Например, среди существительных имеется класс слов с пространственными и временными значениями (типа удер 'день', газар 'место'), которые в обстоятельственной позиции оформляются факультативно (но не все слова с подобным значением; например, үе 'период' обязательно оформляется в соответствующей позиции). Прилагательные делятся на качественные и относительные по употреблению/неупотреблению в сравнительных конструкциях. Большинство качественных управляют комплетивными падежами, но этот признак нерегулярен: одни прилагательные имеют валентность на дательный падеж (гайн 'хороший'), другие – на орудный (баян 'богатый'). Кроме того, отдельные относительные прилагательные также проявляют подобный признак (халх. залхуугаар домогт 'знаменитый своей ленью')³¹.

Среди качественных прилагательных могут быть выделены слова типа гайн – с более широкой дистрибуцией основных форм (см. выше).

Числительные по главным признакам примыкают к прилагательным, но имеют ряд особенностей. У них есть абсолютивные и атрибутивные формы: таба, табан 'пять'. Морфологически (возможно, и исторически) вторичной, производной формой является атрибутивная, что для прилагательного, конечно, необычно. Кроме того, числительные имеют особую систему словообразования: таба(н), табадахи, табадугаар, табанта, табуула, табаад. Все это позволяет говорить о числительных как о особом классе прилагательных или как о таксоне в другой классификации (см. ниже).

Наречия делятся на подклассы по аналогичным признакам. Это в первую очередь координатные (пространственно-временные) и усиленные. И те, и другие далее могут быть разделены на более мелкие группы по сочетаемости с другими словами и по управлению.

Параллельно с дистрибутивной классификацией можно произвести выделение семантических классов местоимений и числительных, для которых определение семантических признаков ("дейксис" и "количество") не представляет затруднений. Семантические классы перекрещиваются с дистрибутивными (т.е. это разные классификации): местоимения относятся к разным дистрибутивным классам, числительные распределены в "более узком кругу" прилагательных и наречий. Оба эти класса – замкнутые, они могут задаваться закрытым списком лексем (в отличие от любого дистрибутивного класса).

Местоимения – это своего рода морфологический индикатор частей речи: местоименные корреляты существуют для всех крупных именных классов (в монгольских языках – и для глаголов) и для многих мелких (ср. местоимения – числительные: халх. хэд(эн), хэдүүл, хэддүгээр и т.п.).

Междометия и звукоподражания, которые часто можно видеть в списках частей речи, не имеют отношения к нашей классификации, потому что не являются словами. Дело в том, что это единицы другого уровня членения текста – уровня предложений. И те, и другие – нерасчленяемые предложения различного содержания. Достаточным свидетельством в пользу этого служит их обязательное оформление цитирующим гэжэ.

Дистрибутивная классификация, построенная на реальных и существенных грамматических признаках, является важной частью языковой модели. Она выражает отношения, которые можно охарактеризовать как отношения между лексикой и грамматикой. Конкретное применение для такой классификации выражается в словарных пометках: указание на класс и подкласс лексемы дает полную "программу" ее употребления в тексте. Именно знание класса слова дает нам информацию о том, что «сочетания типа сайн унш "читай хорошо"... не могут восприниматься как "читай хорошее" в противоположность ном унш "читай книгу"»³².

В классификации, оперирующей столь крупными множествами объектов, неизбежно встречаются и объекты с пограничными признаками (кстати говоря, чем меньше подобных случаев, тем адекватнее классификация). Так же как, например, в зоологической систематике, здесь есть свои "утконосы" и "ехидны". Таковы слова аха 'старший брат, старший', дүү 'младший брат, младший' – существительные с валентностями качественного прилагательного (халх. Бат надаас хоёр ах 'Брат старше меня на два года'), но с ограничениями в типичных для прилагательного трансформациях. Бурятские слова олон 'много, многие', үсөөн 'мало, малочисленный' имеют признаки разных семантических классов (местоимений и числительных,) а среди прилагательных они выделяются вторичными

признаками: особый синтаксис формы олонтой, деривации типа олонто 'многократно', ср. также халх. олуун 'во множестве' и т.д.

Каждый такой случай заслуживает особой маркировки как специфический подкласс и рассмотрения в соответствующем разделе грамматики частей речи.

3. О некоторых сопутствующих проблемах и еще раз о модон гэр

Прежде всего – о наименовании классов. Возникает естественный вопрос: уместно ли называть данный класс лексем монгольского языка классом "существительных" ("прилагательных" и т.п.)? Думаем, что уместно, особенно если считать, что всякое обозначение так же хорошо, как и любое другое. Из этих соображений, плюс к тому – из либерализма, стоит сделать уступку традициям, привычке и т.д. Кроме того, как показывает педагогическая практика, новый метаязык с новой терминологией создает определенные методические трудности, и здесь "вливать новое вино в старые мехи" оказывается более продуктивным, чем пользоваться новоизобретенными ярыками. При этом, разумеется, нельзя поддаваться универсализму, связанному с терминами частей речи.

Заслуживает внимания соотношение классов и словообразования. Общеизвестно, что словообразование частей речи имеет классную специфику, и достаточно привычным и обоснованным выглядит рассмотрение словообразования по разделам и в терминах частей речи.

В один из таких разделов включается и пресловутое модон гэр. По-видимому, целесообразно выделить особую подсистему правил вроде немецкого *Wortbildung durch Zusammensetzung*³³. Монгольские композиты наподобие модон гэр и другие едва ли менее продуктивны и регулярны, чем немецкие сложные слова. Эта продуктивность облегчает поиски закономерностей и позволяет рассматривать такие модели в разделах грамматики.

Закономерности образования сложных слов в монгольских языках изучены далеко не полностью. Они вовсе не исчерпываются значением "материал" у первого компонента, как представлял "дело о модон гэр" Г.Д. Санжеев. Семантика таких сочетаний довольно разнообразна: халх. цасан орой 'снежная вершина', араг толгой 'голова в форме корзины', монгол гэр 'монгольская юрта', хел тормос 'ножной тормоз' и т.д. Во всех этих случаях мы видим

словоизложение, а не словосочетание³⁴, хотя отдаем себе отчет, что изоморфизм с атрибутивными словосочетаниями вроде цагаан гэр 'белая юрта' должен создавать чисто психологическую трудность такого представления. Соположения слов одного класса – так называемые "гендиадис" или "парные слова", которые не имеют атрибутивных синтаксических аналогов, сравнительно легко воспринимаются как композиты.

Разнообразие, однако, не означает неограниченной сочетаемости. Вряд ли сейчас кто-нибудь согласится со словами Н.Н. Поппе: "Любое имя функционирует в монгольском и как русское существительное, и как русское прилагательное"³⁵.

Статус модон в модон гэр может быть представлен тремя способами: 1) компонент сложного слова, 2) одна из словоформ лексемы модо(н), 3) слово особого класса. Первый вариант мы считаем наиболее логичным с точки зрения нашего определения лексем и словоделения. Второй вариант требует другого определения лексем и дает иную классификацию: особый класс (или классы) существительных, употребляющихся атрибутивно. В третьем случае мы получим класс лексем, имеющих единственную словоформу и занимающих единственно возможную синтаксическую позицию. К прилагательным такие слова отнести затруднительно хотя бы потому, что они не могут участвовать в трансформациях "определение ↔ сказуемое".

Любое решение отражает одни аспекты явления и пренебрегает другими, но есть объективный критерий: наиболее эффективной будет та модель, которая даст адекватный результат при наименее сложном характере анализирующих и порождающих операций.

Примечания

¹ Началом дискуссии можно считать статью: Н.Н. Поппе. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. - М., Л., 1940. - С. 147-173.

² Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. - С. 78.

³ См., например: Кондаков Н.И. Логический словарь. - М., 1975. - С. 137-138.

⁴ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 55.

⁵ См., например: Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. - М., 1961. - С. 75.

⁶ Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 168.

⁷ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1941. - С. 41.

⁸ Алексеев Д.А. Именные части речи в монгольских языках // Вопр. языкознания. - 1955. - № 3. - С. 42.

⁹ Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопр. языкознания. - 1952. - № 6. - С. 89.

¹⁰ В.М. Алпатов признает это тождество, поскольку для него лексема не является классом словоформ. См.: Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. - М., 1979. - С. 23.

¹¹ Этот выбор делается далеко не всегда: ср. словарную форму монгольского глагола - причастие на -х.

¹² Алексеев Д.А. Именные части речи... - С. 39.

¹³ Сочинения на эту тему Г.Д. Санжеева, Д.А. Алексеева, М.Н. Орловской, Н.Н. Поппе указаны выше. См. также: Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. - Улаанбаатар, 1968; Бертагаев Т.А. О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. - М., 1968. - С. 240-243.

¹⁴ См., например: Чариков С.Л. Переход от синкретических форм к грамматическим разрядам слов в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). - М., 1986. - Т. II. - С. 124-125.

¹⁵ Изменение валентности в подобных конструкциях отмечено М.Н. Орловской: Имена существительные... - С. 65.

¹⁶ Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 158.

¹⁷ О применении этих критериев см., например: Кузьменков Е.В. Опыт дистрибутивной классификации лексем монгольского языка // Учен. зап. ЛГУ. Востоковедение. - Л., 1980. - № 7. - С. 40-51.

¹⁸ См., например: Баскаков Н.А. Части речи и их функциональные формы в тюркских языках // Вопр. языкознания. - 1985. - № 1. - С. 42-49.

¹⁹ Любищев А.А. О некоторых противоречиях общей таксономии // Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. - М., 1982. - С. 92.

²⁰ Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. - М., 1976. - С. 41-42.

²¹ Шерба Л.В. О частях речи... - С. 79.

²² Схему этого словаря см.: Принципы описания языков мира. - М., 1976. - С. 339.

²³ *Mongγol udqa-jin jüil qubijaysan toli bičig.* - Beijing, 1956.

²⁴ Об этом словаре см., например: Мальцева Е.В. Пятиязычный маньчжуро-тибетско-монголо-уйгурско-китайский словарь // Труды Бурятского комплексного НИИ. Сер. востоковедная. - Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. - С. 261-265.

²⁵ Яхонтов С.Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании // Вопросы теории частей речи. - М., 1968. - С. 77.

²⁶ Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи //

Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - Л., 1974. - С. 23.

27 См.: Кузьменков Е.А. Лексический пассив и категория одушевленности в монгольском языке // Вестн. ЛГУ. - 1980. - № 8. - С. 117-119.

28 Ср. экстремальную точку зрения Г.Ц. Пюрбеева: "Все слова со значением качества, свойства и количественного признака, употребляясь в позиции подлежащего, обязательно подвергаются субстантивации" (Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис простого предложения. - Элиста, 1979. - С. 131).

29 Шерба Л.В. О частях речи... - С. 80.

30 Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн... - С. 22.

31 Ш. Лувсанвандан использует признак комплетивной валентности для выделения "чанарын харьцааны нэрс" - "имен качественных отношений" (см.: Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн... - С. 24).

32 Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 161.

33 См.: Jung W. Grammatik der Deutsche Sprache. - Leipzig, 1966. - S. 394 ff.

34 Указанные примеры рассматриваются как словосочетания в книге: Рагчаа Б. Орчин цагийн монгол хэлний бодит нэрийн холбоо үг - Улаанбаатар, 1975. Там же можно найти богатейший материал, иллюстрирующий всю сложность данной проблемы.

35 Поппе Н.Н. О частях речи... - С. 158.

Ц.Ц. ЦЫДЫПОВ

ЕЩЕ РАЗ ОБ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

В работе "Аналитические конструкции в бурятском языке" (Улан-Удэ, 1972) нами выделены следующие глагольные виды:

1) законченный вид, выраженный аффиксом разделительного деепричастия -аад в составе аналитической конструкции: уншаад байна 'прочитав есть';

2) продолженный вид, выраженный аффиксом соединительного деепричастия -жа: уншажа байна 'читая есть'. Этот вид подразделяется на подвиды:

а) ограниченно-продолженный подвид, выраженный аффиксом слитного деепричастия -н: уншан байна '(недолго) читая есть';

б) давно-продолженный подвид, выраженный аффиксом продолжительного деепричастия -паар: уншапаар байна 'все еще читая есть';

в) длительный подвид, выраженный эмфатическим гласным -ээ,

редупликацией основ соответствующих глагольных основ: уншажээ байна 'читает и читает', унша уншаанаар ерэбэ 'идет и читает-читает';

3) многократный вид, выраженный аффиксом многократного (-даг), однократного и постоянного (гша-, -ааша) причастий: уншадаг байна '(обычно) читает';

4) потенциальный вид, выраженный аффиксом целевого деепричастия -хаа (-хаяа) также в составе аналитической конструкции: уншахаа байна 'вот-вот станет читать'.

В бурятском языке имеются видовые классы (способы действия):

1) интенсивность, мгновенность действия передается посредством аффиксов -рхи (-хи) и -ша: мүргэжэрхибэ 'боднул', бодошобо 'вскочил';

2) ритмичность действия выражается аффиксами -лэа, -гана, -гаша: хотолзо, хотогоно, хотогошо 'изгибайся (ритмично)';

3) учащенность действия с разными дополнительными оттенками обозначается аффиксом -сагаа: ябасагаа 'похаживай';

4) ослабленность действия с оттенком повторяемости выражается аффиксом -бхила: энеэбхилэ 'улыбайся';

5) уменьшительность-ласкательность действия выражается аффиксом -хада: ябахата 'похаживай (мило)';

6) ограниченность действия выражается аффиксом -д в сочетании с грамматикализованным словом гэхэ 'говорить': ябад гэхэ 'малость, чуточку походить'.

Значения, выраженные глаголами типа эхилхэ 'начинать', дүүрэхэ, дуунаха 'кончатся', нами названы лексическими видовыми значениями.

Ц.Б. Цыдендамбаев в монографии "Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении" (М., 1979) критикует эту нашу концепцию глагольного вида и выдвигает свою теорию по данному вопросу. При этом, соглашаясь в общем с выявленными нами видами, он высказывает свое, отличное от нашего, понимание того, какими средствами образуются эти виды в бурятском языке.

1. Законченность действия обозначается не только разделительным деепричастием основного глагола вкупе со вспомогательным глаголом байха 'быть', но и причастиями завершено-прошедшего и прошедшего времени основного глагола, которые могут сочетаться с глаголами нууха 'сидеть', ябаха 'ходить', ошохо 'идти', 'отправляться' и т.п.¹

2. Продолжительность действия обозначается как соединительным, слитным или продолжительным деепричастием основного глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, так и прилагательным на -нги, выражающим состояние, и вспомогательным глаголом: Би тэрэ хэрэг тухай ланаагаа зобонги байнам 'Я все беспокоюсь по поводу того дела'².

3. Многократность действия обозначается не только многократным, "однократным" или постоянным причастием основного глагола

в совместном употреблении со вспомогательным глаголом, но и повторением разделительного или – особенно – слитного деепричастия основного глагола с тем же вспомогательным глаголом: Миши нүхэр ойлгоогүй юмэээ багшаһаа нуран нуран нууна хэн 'Мой товарищ неоднократно задавал вопросы учителю обо всем, что было непонятно ему'³.

4. Потенциальность действия обозначается как целевым деепричастием основного глагола, употребляемым вместе со вспомогательным глаголом, так и причастием будущего времени основного глагола с послесложно-союзным словом гэжэ или прилагательным на -маар, выражающим возможность совершения действия, в соединении со вспомогательным глаголом: Райком партиин секретарь город орохо гэжэ байна 'Секретарь райкома партии собирается приехать в город'; Энэ кинокартинатнай япала хараммаар байна 'Эта ваша кинокартина вполне такая, что можно смотреть'⁴.

Ц.Б. Цыдендамбаев пишет далее: "Мы не стремимся к перечислению возможно большего количества сочетаний, синонимичных так называемым видовым конструкциям глаголов в бурятском языке, предложенным Ц.-Ж. Цыдыповым; тем не менее думается, что приведенных данных достаточно, чтобы видеть не столько аналитическую, сколько синтаксическую спаянность всех этих сказуемостных сочетаний с видовыми значениями законченности, продолжительности, многократности и потенциальности. Короче говоря, эти четыре видовых значения выражаются в бурятском языке не одними лишь сочетаниями, указанными Цыдыповым в своей работе об аналитических конструкциях, а еще рядом других сочетаний, приобретающих в предложении те же значения"⁵.

Таким образом, Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что сочетания типа уншаад байна, уншажа байна, уншадаг байна, уншахаа байна являются сказуемостными сочетаниями, которыми выражаются и видовые значения законченности, продолжительности, многократности и потенциальности, т.е. выражение видовых значений в бурятском языке выводится за пределы морфологии и признается компетенцией синтаксиса.

По нашему мнению, противопоставление "синтаксической спаянности" и "аналитической конструкции" неправомерно, ибо любая аналитическая конструкция может быть и синтаксически спаянной. При этом, по Ц.Б. Цыдендамбаеву, аналитические конструкции могут быть только сказуемыми (сказуемостными сочетаниями). Однако в книге, которую критикует Ц.Б. Цыдендамбаев, описаны и синтаксические функции соответствующих аналитических конструкций, из чего видно, что они могут функционировать в качестве любого члена предложения – подлежащего, определения, дополнения, обстоятельства, а не только сказуемого⁶.

Теперь рассмотрим те аффиксы, которые, по Ц.Б. Цыдендамбаеву, выражают видовые значения. В частности, он полагает, что причастие прошедшего времени (уншапан) имеет такое же значение, как и разделительное деепричастие (уншаад). При этом разделительное деепричастие он считает деепричастием прошедшего вре-

мени (с. 119), но ведь известно, что еще в 1835 г. Александр Бобровников назвал его деепричастием прошедшего времени⁷, а в 1849 г. его сын Алексей Бобровников понял, что деепричастие на -аад не имеет временного значения, и назвал его разделительным деепричастием⁸, что является правильным.

Необходимо отметить, что монголистами в интерпретации грамматического значения разделительного деепричастия проделан довольно сложный путь:

а) при первом знакомстве с языковым материалом исследователи нашли, что разделительное деепричастие обозначает прошедшее время (Я. Шмидт⁹, Александр Бобровников¹⁰, А. Попов¹¹);

б) в дальнейшем монголоведы обнаруживают видовое значение разделительного деепричастия, но приписывают это значение вспомогательному глаголу (Алексей Бобровников¹², А. Орлов¹³, В.Л. Котвич¹⁴);

в) предпринимается попытка дать компромиссное решение: формантом видового значения считают аффикс разделительного деепричастия и основу вспомогательного глагола (Д.Д. Амсоголов¹⁵);

г) наконец приходят к выводу, что разделительное деепричастие выражает законченность действия (Т.А. Бертагаев¹⁶, Ц.Ц. Цыдыпов¹⁷, З.В. Шевернина¹⁸). Однако этот последний, на наш взгляд наиболее правильный, вывод не получил признания. Трактовка значения разделительного деепричастия остается спорной;

д) в 1962 г. в академической "Грамматике бурятского языка" Г.Д. Санжеев опять находит у этого деепричастия временное значение¹⁹;

е) в 1972 г. в своей монографии Ц.Ц. Цыдыпов около 20 страниц посвятил законченному виду, выраженному разделительным деепричастием²⁰;

ж) в 1979 г. Ц.Б. Цыдендамбаев находит, что разделительное деепричастие обозначает прошедшее время, и пишет: "Поэтому и понятно, что последнее может быть заменено причастием завершено-прошедшего времени на -нхай или причастием прошедшего времени на -пан, так как они синонимичны во временном плане"²¹.

Все это свидетельствует о том, что есть необходимость на конкретных примерах тщательно сопоставить эти формы. Для этого нужно сопоставить аффикс разделительного деепричастия -аад с аффиксом, грамматическим значением которого было бы прошедшее время. Таков аффикс причастия прошедшего времени, которое, кстати, употребляется в таких же аналитических конструкциях, как и разделительное деепричастие.

Эти две формы (разделительное деепричастие и причастие прошедшего времени) сопоставим в одинаковых предложениях:

Дугар энэ ном уншаад байна - букв.: 'Дугар эту книгу прочитав есть';

Дугар энэ ном уншапан байна – букв.: Дугар эту книгу читавший есть'.

Различие грамматических значений слов уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший' вполне отчетливо осознается носителями языка. Но вместе с тем очень трудно описать его, передать на лингвистическом метаязыке. Дело вот в чем. Грамматическим значением слова уншаад 'прочитав' является законченность действия. Иначе говоря, действие, которое обозначает это слово, уже совершилось, следовательно, воспринимается в прошедшем временном плане. Грамматическим значением слова уншапан 'читавший' является прошедшее время. За этими основными компонентами (уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший') в приведенных предложениях следует вспомогательный глагол байна 'есть', который передает бытование, наличие субъекта в момент речи. По отношению к этому "моменту речи" оба действия (уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший') уже совершены. Поэтому разница между законченностью действия (т.е. законченным действием) и прошедшим временем (т.е. прошедшим действием) нивелируется. Этот факт, по-видимому, приводит многих исследователей к мысли о временном значении разделительного деепричастия.

Теперь продолжим наше сопоставление на примере глагола движения ошохо 'уходить':

Баатар ошонон байна – букв.: 'Батор ушедши есть'; Баатар ошоод байна – букв.: 'Батор дошедши есть'.

Смысл первого предложения состоит в том, что Батор ушел, направился куда-то в прошлом (ошонон 'ушедши'). Это прошедшее действие, выраженное основным компонентом – причастием прошедшего времени ошонон 'ушедши', констатируется вспомогательным глаголом 'есть' в момент разговора.

Смысл второго предложения отличается тем, что Батор дошел, т.е. закончил свое действие. Само действие и его законченность выражены разделительным деепричастием (ошоод 'дошедши'), и они констатированы вспомогательным глаголом байна 'есть'.

Как видно из приведенных примеров, грамматическое различие разделительного деепричастия и причастия прошедшего времени не только ощущается в языковом сознании говорящих, но и в известной мере может быть определено на метаязыке.

Теперь в приведенных предложениях уточним место прибытия:

Баатар Москва ошонон байна; Баатар Москва ошоод байна.

По смыслу первого предложения мы понимаем, что Батор выехал в Москву, но не знаем, где он находится: возможно, он на вокзале, или в пути, или даже в Москве. По смыслу второго предложения, Батор самым натуральным образом находится в Москве, так как действие закончилось, оно должно закончиться только в Москве. Эту разницу между причастием прошедшего времени и разделительным деепричастием почему-то не мог уловить Ц.Б. Цыдендамбаев, который хорошо знал бурятский язык.

Из сказанного следует, что в бурятском языке имеется законченный вид, грамматическим формантом которого является аффикс

разделительного деепричастия. Но никак не могут быть формантами этого вида временные аффиксы причастия прошедшего времени (-һан) и аналогичного с ним причастия завершено-прошедшего времени (-һай).

По мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, функцию соединительного деепричастия (-жа) может выполнить аффикс прилагательного -нги (зобонги 'беспокойный'). В отглагольных прилагательных, как известно, ощущается действие и в какой-то мере присутствуют признаки глагола (ср.: вареный – переваренный, крашеный – выкрашенный и т.д.). То же самое в бурятском языке: зобонги ('беспокойный') байна, үжэнги ('гнилой') байна, үбшэн ('больной') байна.

В настоящем времени действие воспринимается как продолжающееся: ябана 'ходит'. В русском языке нет специального аффикса постоянного или многократного действия: такие действия передаются формой настоящего времени: Волга впадает в Каспийское море. И лингвисты не могут понять, в чем тут дело, поэтому называют то расширенным настоящим, то вневременным настоящим. Между тем этот вопрос может быть решен просто: многократный и постоянный виды в русском языке передаются аффиксом настоящего времени (-ет, -ит, -ют, -ят).

Если бы в бурятском языке не было аффикса многократного причастия -даг, то мы постоянное или многократное действие тоже передавали бы аффиксом настоящего времени и при этом вряд ли чувствовали бы неудобство: Волга Каспийн далайда шудхадаг / Волга Каспийн далайда шудхана 'Волга впадает в Каспийское море'. В этих двух вариантах содержания предложения большой разницы нет. Другое дело – грамматическое оформление предложения. Этот факт свидетельствует о том, что настоящее время легко передает смысл постоянного и продолженного действия.

Мы остановились так подробно на настоящем времени, чтобы показать его специфику. Без такого понимания порой трудно разобраться в тех или иных языковых явлениях.

Теперь вернемся к слову зобонги, поставим его в прошедшем и будущем временах: зобонги байгаа, зобонги байха. Значительно убавилось ощущение продолжительности действия. Эти примеры поставим в форме соединительного деепричастия: зобожо байгаа, зобожо байха. Продолжительность действия ничуть не изменилась, она лишь воспринимается в разных временных планах.

Таким образом, считать, что аффикс прилагательного -нги имеет то же значение, что и аффикс соединительного деепричастия (-жа), конечно, серьезное заблуждение. Обозначение продолжительности действия через прилагательное – явление только кажущееся. Тем не менее следует обратить внимание на то, что разнородные языковые явления в принципе могут выполнять идентичные функции. Например, формы наклонения, частицы, вводные слова выражают отношение высказывания к действительности. Поэтому их объединяют в одну группу, назвав это явление модальностью. Таким же способом образованы термины "аспектуальность", "персональность", "нумеральность" и т.д. Их принято называть не грамматическими кате-

горящими (ведь сами они состоят из разных грамматических категорий), а понятийными или функционально-семантическими категориями.

Ц.Б. Цыдендамбаев также пишет: "Повторное употребление слитного или разделительного деепричастия основного глагола закономерно обеспечивает выражение многократности действия, поэтому смысл такого повтора оказывается идентичным причастию с соответствующим содержанием"²². Сказанное здесь Ц.Б. Цыдендамбаевым только подтверждает наличие многократного вида в бурятском языке. Действительно, можно сказать һуран һуран һууна, и это выражает многократное действие. Но относительно разделительного деепричастия автор не приводит примера, потому что в повторной форме оно не употребляется. О повторном употреблении деепричастных форм можно прочитать в работе "Аналитические конструкции в бурятском языке"²³.

Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что город орохо гэжэ показывает потенциальность действия. В связи с этим возникает необходимость уяснить разницу между потенциальностью действия и будущим временем.

Суть значения будущего времени – выражение действия, которое совершится после момента речи.

Что касается потенциальности действия, то это семантика довольно своеобразная. Поскольку действие потенциальное, оно должно совершиться после речи о нем, и этим оно похоже на будущее время. Однако потенциальность действия и будущее время отличаются по смыслу и по форме. Разберем примеры.

Баяр Москва ошохоо (ошохоёо) байна 'Баир вот-вот поедет в Москву': данную грамматическую форму переводим описательно, так как в русском языке нет потенциального вида.

Баяр Москва ошохо байна 'Баир в Москву поедет'. Если сравнить будущее время (ошохо) с потенциальным действием (ошохоёо), то в словоформе ошохо довольно индифферентно сообщается о предстоянии действия, а в словоформе ошохоёо передаются еще два момента: скорое наступление действия и обязательное наступление действия. Заключенные в аффиксе -хаа (-хая), они, видимо, являются основными признаками потенциального действия в бурятском языке. В аффиксе будущего времени -ха таких признаков нет. Формально-грамматическое различие этих двух аффиксов (-ха и -хаа/-хая) заключается в том, что первый образует причастие будущего времени, а второй – целевое деепричастие.

Слова с аффиксом -маар, которые Ц.Б. Цыдендамбаев считает прилагательными, на самом деле – причастия, выражающие не потенциальность действия, а его целесообразность. Об этом причастии довольно подробно сказано в анализируемой Ц.Б. Цыдендамбаевым книге²⁴. Поэтому, думается, нет необходимости здесь останавливаться на нем.

Итак, Ц.Б. Цыдендамбаев пишет, что "все эти сочетания, выделенные Ц.-Ж. Цыдыповым как видовые конструкции, без особой на-

тяжки могут быть заменены другими аналогичными сочетаниями с теми же видовыми значениями"²⁵. Однако, как мы видели выше, сам Ц.Б. Цыдендамбаев заменял с "натяжкой", притом с такой большой "натяжкой", что все "замены" оказались ошибочными. Лишь одно пуран пуран пууна имеет значение многократности. Притом эти повторы не заменяют аффикс -даг и другие аффиксы, а всего лишь отдаленно, периферийно дополняют их. Таким образом, доводы Ц.Б. Цыдендамбаева, на которые должно было опираться отрицание четырехвидовой системы, изложенной в "Аналитических конструкциях", не выдерживают критики.

Ц.Б. Цыдендамбаев пишет далее: "Таким образом, к числу глагольных видов не относятся видовые значения, заложенные в лексическом содержании первичных глаголов или выраженные синтаксическими сочетаниями"²⁶. Написано так, будто в "Аналитических конструкциях в бурятском языке" не различаются вид и лексическое видовое значение; однако достаточно посмотреть на приведенную там схему (с. 65), чтобы увидеть, как они разведены. Эту схему мы вынуждены воспроизвести в настоящей статье. Что до "выраженности синтаксическими сочетаниями", то здесь имеется в виду "синтаксическая спаянность", о которой выше уже сказано.

Во второй части раздела "Категория вида" Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: "Насколько можно судить по имеющимся данным, в бурятском языке могут быть выделены шесть глагольных видов: 1. Внезапный вид (-ша), 2. Мгновенный вид (-рхи), 3. Многократный вид (-л), 4. Учащательный вид (-сагаа), 5. Уменьшительно-ласкательный вид (-хада), 6. Ограничительный вид (-д гэ)".

История постановки вопроса такова. В 1951 г. Б.Х. Тодаева в своей работе "Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология" отмечала: "Синтетический способ образования глагольных видов заключается в том, что к глагольной основе присоединяются соответствующие аффиксы с теми или иными видовыми оттенками значения" (с. 120). Этой же концепции стали придерживаться Г.Д. Санжеев (1962) и Д.А. Алексеев (1969). В 1972 г. в бурятском языке мы собрали около десятка аффиксов со значением способов действия и посвятили им раздел "Видовые классы (способы действия)" в монографии "Аналитические конструкции..." (с. 116-173).

В 1979 г. в работе "Грамматические категории..." Ц.Б. Цыдендамбаев шесть аффиксов показывает видовыми. На предварительном обсуждении этой работы на наше замечание, что идея принадлежит Б.Х. Тодаевой, а об этом не сказано, Ц.Б. Цыдендамбаев возразил, что у него совсем другая идея. Теперь работа издана, изложена концепция Б.Х. Тодаевой, но без ссылки на нее.

Из перечисленных лишь аффиксы -рхи (-хи) и -ша не имеют ограничений в сочетаемости. Но так как значение их - мгновенность и внезапность действия, то частотность их употребления не так велика.

Все остальные аффиксы, представленные Ц.Б. Цыдендамбаевым в качестве видовых, имеют узкое, малоупотребительное значение и

присоединяются к ограниченному количеству глаголов. Отсюда следует, что все они не могут быть видовыми. Такого рода аффиксы принято считать видовыми классами (способами действия).

Относительно вида, видовых классов (способов действия), видового значения Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: "Такая ступенчатость в видовых образованиях, по-видимому, характерна для ряда индоевропейских языков"²⁷. И дальше: "Подобные классификации, по всей вероятности, необходимы для языков с видовыми градациями, завершающимися наиболее обобщенной видовой корреляцией, охватывающей весь глагольный состав лексики, но едва ли они применимы для таких языков, как бурятский"²⁸.

Создается впечатление, что аспектуальные значения в своем развитии "поднимаются по ступенькам": видовое значение, способы действия и виды. Вероятно, когда-то в языке не передавался характер действия. Но, появившись, аспектуальное значение вряд ли "поднималось по ступенькам". Те или иные значения в том или ином языке распространились на разные объемы глагольной лексики. Аффиксы -сагаа, -д гэ, -ша и некоторые другие в бурятском языке употребляются с ограниченным количеством глаголов — в силу их значения они не так часто встречаются в литературе и в разговоре. Тем не менее Ц.Б. Цыдендамбаев считает их видовыми, а не способами действия. Аффиксы -аад, -жа, -даг, -хаа употребляются со всеми глаголами, являются чрезвычайно частотными. Именно они могут быть видовыми.

Аспектуальных значений в известных нам языках довольно много. Эти значения в разных языках имеют разный грамматический статус: на уровне оформления видового значения, на уровне способов действия и т.д.

Теория глагольного вида создавалась на материале славянских языков, в которых преобладают совершенный и несовершенный виды. Поскольку категория вида не разрабатывалась на данных языков иной системы, создавалось впечатление, что аспектуальная категория должна существовать в языке только в форме совершенного/несовершенного видов или, по крайней мере, с двусторонним противопоставлением. С этой позиции рассматривался глагольный вид любого другого языка. Но в связи с исследованием языков иных морфологических типов (финно-угорских, тюркских и пр.) становится более или менее очевидным, что все разнообразие видовых значений в различных языках невозможно втиснуть в прокрустово ложе совершенного и несовершенного вида. Появляется необходимость смотреть на глагольные виды несколько шире и допустить возможность существования разных форм выражения их в разноструктурных языках.

В связи с этим возникают вопросы: какие нюансы может иметь характер протекания действия и — соответственно этому — какие значения могут быть зафиксированы в языкознании как видовые? Наиболее полный учет видовых значений дал бы возможность классифицировать их, и необходимость в общей классификации видовых значений существует. Однако классификация видовых значений представ-

ляет большую трудность, так как "эта категория имеет несколько оснований, далеко не одинаковых по своей природе и сущности"²⁹.

Не претендуя на полноту охвата и удовлетворительность теоретического обоснования, попытаемся предложить предварительную схему классификации видовых значений.

А. Характеристика действия как целостного процесса

1. Однократный (точечный, моментальный, мгновенный, ультра-мгновенный)^{*} вид, который представляет действие в какой-то определенной момент его совершения: түрэшэбэ 'прыгнул'.

2. Многократный (повторяющийся, прерывистый, итеративный, распорядительный, дистрибутивный, фреквентативный) вид, представляющий действие как повторяющееся: уншадаг 'читает многократно'.

3. Постоянный (устойчивый, пермансив) вид, который представляет действие как постоянно совершающееся: Сэлэнгэ Байгалда шудхадаг 'Селенга впадает в Байкал'.

4. Ограниченный вид, представляющий действие как совершающееся в определенных пределах: Ябад гэ 'Походи немного'.

5. Потенциальный (предстоящий, целевой) вид, который представляет действие как готовое вот-вот совершиться, притом оно обязательно должно совершиться: Уншахаа байна 'Вот-вот зачитает'.

Б. Характеристика действия по этапам его протекания

1. Начинательный (вступительный, инхоативный, ингрессивный, инцептивный, зачинательный) вид, который обозначает начало действия, например: запеть^{**}.

2. Продолженный (продолжающийся, линейный, длительный, дуративный, курсивный, прогрессивный, континуатив, протяженный) вид, обозначающий действие в его течении, протекании: Уншажа байна 'Читает'.

3. Законченный вид, который обозначает конец, прекращение действия, независимо от результата и достижения цели: Уншаад байна 'Закончил читать'.

^{*}В качестве основного названия взят более или менее нейтральный вариант, а в скобках даны варианты с конкретизирующим оттенком или синонимы и кальки основного названия.

^{**}В бурятском языке значение начинательности передается лексически: дуулажа эхилбэ 'начал петь'. В подобных случаях примеры из бурятского языка не приводятся.

В. Характеристика действия по его результату

1. Совершенный (результативный, эффективный, перфективный, аористический, определенный, недлительный, терминативный, предельный) вид, который представляет действие в его пределе, результате, например: прочитал.

2. Несовершенный (нерезультативный, имперфективный, незаконченный, непредельный) вид, представляющий действие в его течении как не имеющее предела: читал.

Г. Характеристика действия по его темпу

1. Интенсивный (усилительный, конатив) вид, который обозначает энергичность протекания действия: ябажархи 'иди энергично'.

2. Ослабленный вид, обозначающий действие в неполном, ослабленном протекании: энеэбхилхэ 'чуть-чуть смеяться'.

3. Учащательный вид, представляющий действие в его ослабленно-прерывистом протекании: ябасагааха 'похаживать'.

4. Ритмичный вид, который представляет действие в его мерно-ритмичном протекании: хотолзохо 'изгибаться'.

Д. Эмоциональная характеристика действия

1. Уменьшительный вид, обозначающий малую степень проявления, незначительность действия (в латинском и французском языках).

2. Увеличительный вид (?).

3. Пренебрежительный вид (?).

Таким образом, на основе имеющихся у нас сведений можно констатировать наличие пяти групп видовых значений.

Все перечисленные выше видовые значения могут быть выражены различными способами, встретиться на разных уровнях актуальности, и в каком-нибудь конкретном языке они могут быть противопоставлены друг другу в самых разнообразных вариантах.

1. Видовые значения могут быть выражены и морфологическим, и лексическим способами. Морфологический способ выражения видовых значений может быть и синтетическим (уншажархиха 'прочитать'), и аналитическим (уншаад байна 'прочитав есть').

В роли грамматических формантов морфологического способа выступают и специальные видовые аффиксы (хэбтэшэ 'ложись быстро'), и аффиксы словообразующего характера (хотолзохо 'нагибаться многократно'), и формообразующие аффиксы, причастные или деепричастные (уншадаг байна 'читает многократно', уншаанаар байна 'все еще продолжает читать').

Актуальное значение, выраженное морфологическим способом, может представлять виды, подвиды и видовые классы (способ-

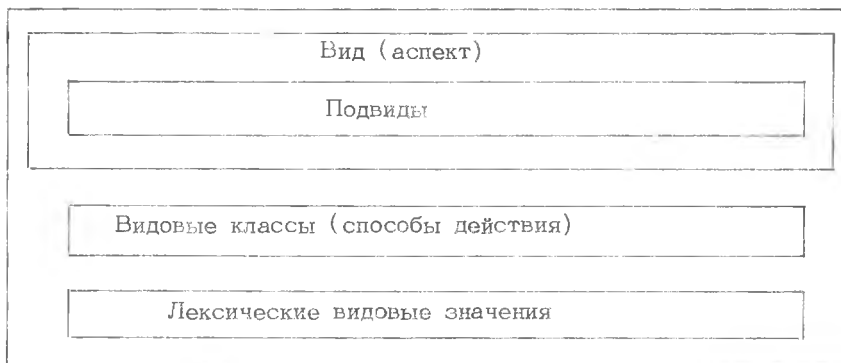
бы действия^{*}). Аспектуальное значение, выраженное лексическим способом, образует лексическое видовое значение.

2. Вид, подвид, видовой класс (способ действия) и лексическое видовое значение входят в аспектуальность, под которой понимается функционально-семантическая категория, выражающая характер протекания действия морфологическим и лексическими способами.

Центральное место в аспектуальности занимает вид (аспект), в состав которого входят и подвиды. Видовые классы (способы действия) как языковое явление сходны с видом, но играют по сравнению с ним второстепенную грамматическую роль. На периферии аспектуальности находятся лексические видовые значения^{**}, выражающие грамматическое понятие лексическим способом.

Сказанное можно представить в виде схемы.

Аспектуальность

^{*} Термин "способы действия" употребляется в двояком значении: а) в широком смысле он обозначает то, что любое видовое значение выражает способ действия, б) в узком — когда речь идет о второстепенном видовом значении, не имеющем тотального распространения. Во втором значении признается уместным термин "видовые классы" (см.: Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. — М., 1960).

^{**} В языкознании принят термин "видовое значение", который употребляется в двух аспектах: в широком смысле — видовое значение вообще, т.е. оно может быть содержанием глагольного вида, видового класса и т.д.; в узком смысле — видовое значение, которое не имеет морфологического показателя и передается лексическим способом. В этом узком смысле мы употребляем термин "лексическое видовое значение" в отличие от видового значения в широком смысле.

Любое видовое значение может выступать в одном языке на уровне вида, в другом – на уровне подвида, в третьем – на уровне видового класса (способа действия) или лексического видового значения.

Казалось бы, противопоставление видов в любом конкретном языке должно проводиться в пределах одной группы видовых значений: или по этапам действия, или по результату действия и т.д. Однако в самой жизни язык не всегда следует этой логике. Например, в русском языке противопоставление совершенного и несовершенного видов идет в пределах одной группы – по результату действия. Способы действия относятся к разным группам. А в бурятском языке противопоставление проводят между видовыми значениями разных групп (первых двух групп). Что касается видовых классов (способов действия), то между ними нет строгого противопоставления и поэтому их можно найти в любой группе.

В современном языкознании глагольный вид определяется как грамматическая категория, выражающая характер протекания действия³⁰. Такое определение, безусловно, правильно, но, как нам кажется, недостаточно. Его недостатком является то, что оно не отграничивает вид от видовых классов (способов действия) и лексических видовых значений. Как видовые классы (способы действия), так и лексические видовые значения выражают характер протекания действия, но разными способами. Стало быть, приведенное выше определение нуждается в уточнении, по крайней мере для бурятского языка. Для этой цели нужно выяснить, каковы основные особенности категории вида в этом языке.

Глагольный вид в бурятском языке характеризуется следующими признаками:

- 1) выражает характер протекания действия;
- 2) образуется аналитическим способом;
- 3) имеет морфологические показатели (аффиксы причастных и деепричастных форм), регулярно создающие видовые значения в системе аналитических конструкций;
- 4) обладает тотальным распространением в языке, т.е. охватывает все глаголы, во всяком случае абсолютное их большинство (нам не удалось обнаружить глагол, который бы не принимал видовые формы);
- 5) содержит возможность противопоставления (иначе говоря, имеющиеся в бурятском языке глагольные виды взаимно противопоставлены друг другу);
- 6) образуется вне зависимости от временных форм, т.е. все виды употребляются в любом временном плане.

Для того чтобы на основе приведенных признаков дать определение глагольному виду, необходимо из всех признаков выделить самые существенные, т.е. такие, которые, с одной стороны, раскрывали бы сущность глагольного вида, а с другой – давали бы возможность отграничить его от других, соприкасающихся языковых явлений, таких как видовые классы (способы действия) и лексические видовые значения.

Признаком, раскрывающим сущность категории вида, безусловно, является обозначение им характера протекания действия. Но указать лишь на это было бы слишком общо, так как видовые классы (способы действия) и лексическое видовое значение, как сказано, тоже выражают характер протекания действия. Чтобы отграничить вид от видовых классов (способов действия), необходимо подчеркнуть в определении тот факт, что глагольные виды имеют тотальное распространение в языке, чего не имеют видовые классы (способы действия).

Чтобы разграничить вид и лексические видовые значения, необходимо указать в определении на морфологический (или грамматический) способ образования видов, так как лексические видовые значения образуются только путем сочетания слов. На основе сказанного можно предложить следующее определение глагольного вида в бурятском языке: глагольным видом называется грамматическая категория, выражающая характер протекания действия и образуемая морфологическим способом от большинства глаголов.

Исходя из такого понимания категории глагольного вида, в бурятском языке обнаруживаем законченный, продолженный, многократный и потенциальный виды. Кроме того, в нем встречаются разнообразные видовые классы и лексические видовые значения.

Правда, появилось новое определение вида: "Категория вида обозначает отношение действия к внутреннему пределу. Внутренний предел действия следует понимать как его естественный исход, достижение предполагаемой цели или определенного результата, достижение известной границы"³¹.

Такое определение, наверное, применимо к конкретному языку, где характеристика действия дается только по его результату. В языках, в которых имеются многократный, постоянный, потенциальный, продолженный и другие виды, внутренний предел незначим.

Примечания

¹ Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 118-119.

² Там же. - С. 119.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. - С. 119-120.

⁶ Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972. - С. 84-86, 99-101, 125-128, 132-134.

⁷ Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - СПб, 1833. - С. 75.

- 8 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 139-145.
- 9 Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. - Спб., 1832. - С. 67.
- 10 Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - С. 75, 82.
- 11 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. - Казань, 1847. - С. 140-141.
- 12 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - С. 139, 319-320.
- 13 Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. - Казань, 1878. - С. 168.
- 14 Котвич Л.В. Лекции по грамматике монгольского языка. - Спб., 1902. - С. 124-125.
- 15 Амоголонов Д.Д. Деепричастие в бурят-монгольском языке. - Улан-Удэ, 1958. - С. 51-52.
- 16 Бертагаев Т.А. О сложных и некоторых других глагольных образованиях в бурят-монгольском языке // Зап. Бурят-Монгольск. НИИК. - Улан-Удэ, 1950. - С. 116.
- 17 Цыдыпов Ц.Ц. Табедахи класста үггин бүридэл үзэлгэ. - Улан-Удэ, 1955. - 10 н.
- 18 Шевернина З.В. Времена в современном монгольском литературном языке. - М., 1958. - С. 11-12.
- 19 Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 284-285.
- 20 Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции... - С. 67-86.
- 21 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 119.
- 22 Там же.
- 23 Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции... - С. 115-119.
- 24 Там же. - С. 46-48, 200-203.
- 25 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 118.
- 26 Там же. - С. 120.
- 27 Там же. - С. 117.
- 28 Там же.
- 29 Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. - М., 1960. - С. 21.

³⁰ Современный русский язык: Морфология. - М., 1952. - С. 253; Вопросы глагольного вида. - М., 1962. - С. 9; Бондарко А.В., Буланин Л.Д. Русский глагол. - Л., 1967. - С.11.

³¹ Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. - М., 1981. - Ч. II: Словообразование. Морфология. - С. 168.

Г.С. ДУГАРОВА

ПРОБЛЕМА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди задач изучения бурятского глагола важное место занимает исследование грамматических средств, служащих для выражения характеристик глагольного действия (и шире - ситуации). Для целого ряда форм, как аналитических, так и синтетических, вопрос об их статусе, т.е. отнесении к виду, способу действия (акционсарту) или времени остается открытым. Речь идет по крайней мере о следующих формах:

1) "простые" времена, образующиеся путем присоединения к основам глаголов аффиксов -на (унша-на 'читает'), -ба (унша-ба 'читал', 'прочитал'), так называемого причастия прошедшего времени -аа (унш-аа 'читал', 'прочитал'), причастия будущего времени -ха (унша-ха 'будет читать', 'прочтет');

2) аналитические формы, которые я называю здесь прогрессивом, составленные из соединительного деепричастия -жа и служебного глагола бай- 'быть' (унша-жа бай-г-аа 'читал', унша-жа бай-ба 'читал', унша-жа бай-ха 'будет читать' и т.д.);

3) два ряда перфектных форм, один из которых составлен аналитическими формами - сочетаниями разделительного деепричастия -аад и служебного глагола бай- (унш-аад бай-г-аа 'прочитавши был', унш-аад бай-на 'прочел' и т.д.), а другой ряд - сочетаниями причастия -һан и глагола бай- (унша-һан бай-на 'оказывается, прочел', унша-һан бай-ба 'оказывается, прочитавши был' и т.д.). Коротко поясню смысл употребленной здесь терминологии. Основанием для того, чтобы считать формы -аад бай- и -һан бай- перфектами, служит факт характерной для них таксисной семантики предшествования, не только чисто хронологической, но включающей указание на релевантность последствий. Например, глагол в форме перфекта -аад бай- в предложении типа Баатар Москва ошоод байна 'Батор уехал в Москву' обозначает актуальность для настоящего последствия (результата, или состояния) действия или ситуации ошо-(хо)¹ 'отправляться', 'уезжать', 'уходить', имевших место незадолго до момента речи. В отличие от этой перфектной формы перфект -һан бай- в примере типа Баатар Москва ошоһон байна 'Батор, оказывается, уехал в Москву' обозначает актуальность для на-

стоящего результата действия ошо-(хо), имевшего место задолго до обнаружения результата; во всяком случае, говорящий или пишущий не видел, как происходило действие, и наблюдает только его результат, причем практически это может значить, что говорящий/пишущий узнает о происшедшем в прошлом событии или осознает его лишь через некоторое время. Таким образом, семантика этой формы часто хорошо описывается с помощью слова оказывается. Первую форму можно назвать перфектом очевидности, а вторую — перфектом неочевидности или заглазости;

4) формы, состоящие из сочетаний деепричастий и фазовых глаголов эхил-(хэ), захал-(ха) 'начинать', 'начинаться', дууһа-(ха) 'кончать', 'кончатся' и т.п., и форма, составленная продолжительным деепричастием -һаар и глаголом бай-, обозначающая фазу продолжения действия (унша-жа эхил-бэ 'начал(и) читать', унша-һаар бай-ба 'продолжал читать' и т.д.);

5) формы так называемого многократного причастия --даг со связками бай-(ха) и боло-(хо) (унша-даг бай-ба 'читал', 'имел обыкновение читать', унша-даг боло-бо 'стал регулярно читать') и синонимичные им формы со значением многократности или узуральности, постоянности действия — постоянное причастие -ааша (унша-ааша 'имеющий обыкновение читать') и однократное причастие -гша (унша-гша 'имеющий обыкновение читать');

6) форма объектного результатива, если воспользоваться термином А.А. Холодовича², для обозначения так называемых страдательных причастий -аатай и -дгатай с соответствующими сингармоническими вариантами (например, бэлд-ээтэй 'приготовленный' от бэлдэ-(хэ) 'готовить'), значение которого можно описать так: состояние объекта, которое предполагает предшествующее изменение;

7) ряд синтетических форм, из которых большей продуктивностью отличаются -ша- (яба-ша-ба 'вдруг (взял и) ушел' от глагола яба-(ха) '(у)ходить', 'уезжать', 'ездить'), -жархи- (унша-жархи ба 'прочел' от унша-(ха) 'читать').

Фрагмент бурятской грамматики, которому принадлежит указанные выше формы, ждет адекватного описания. Прежде чем показать, что существует подход, в рамках которого эта задача выполнима, мне бы хотелось коротко остановиться на истории изучения бурятского вида, сосредоточив внимание на тех принципах выделения и рассмотрения вида в бурятском языке, от которых, по моему мнению, целесообразно отказаться при новом обращении к данному вопросу.

Глагольному виду в бурятском языке посвящен ряд работ, причем специально — монография Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова "Аналитические конструкции в бурятском языке"³. Так или иначе освещается этот вопрос в описаниях значений определенной массы аффиксов и аналитических форм в научной грамматике бурятского языка⁴, статье Д.А. Алексеева "Категория вида в бурятском языке"⁵, в соответствующем разделе исследования Ц.Б. Цыдендамбаева по грамматическим категориям бурятского языка⁶. Большинство из названных работ подчинены таксономическим задачам — инвентаризации и систе-

матизации морфологических явлений, что вкупе с неразвитостью современных названным работам представлений о виде не могло не сказаться на характере интерпретации конкретного языкового материала.

Условно можно выделить три этапа в изучении бурятского "вида". Первый этап был связан с поисками внешних аналогий между фактами бурятского языка и славянскими видами. Г.Д. Санжеев⁷, а вслед за ним П.И. Малакшинов⁸ и Д.Д. Амоголонов⁹ постулировали наличие в бурятском языке совершенного и несовершенного видов. Однако данная точка зрения не получила дальнейшего развития (а Г.Д. Санжеев позднее отказался от такого взгляда) и не была принята поздними исследователями ввиду того, что была слабо аргументирована и состояла, по существу, в подборе собственно смысловых эквивалентов и сравнении не систем, а лишь вырванных из них изолированных единиц.

Второй этап характеризуется принятием широкого, недифференцированного взгляда, согласно которому вид не является исключительной принадлежностью славянских языков, и если понимать вид очень широко - так, как предлагал понимать А.М. Пешковский в своем известном труде "Русский синтаксис в научном освещении"¹⁰, то, действительно, подобно такой трактовке в бурятском языке можно выделить огромный массив синтетических и аналитических средств выражения значений, относящихся к зоне смыслов "протекания и распределения глагольного действия во времени"¹¹, которую сейчас принято называть аспектуальностью.

Так, в бурятском языке Г.Д. Санжеевым были выделены общий вид (основы глаголов), интенсивный вид (-ша-), учащательный (-сагаа-: яба-сагаа-(ха) 'похаживать' от яба-(ха) 'ходить'), ослабленный -д гэ- (яба-д гэ-(хэ) 'слегка пойти', 'как бы шагнуть и остановиться'), окончательный (-жархи-: яба-жархи-(ха) 'уйти'), несовершенный (-жа бай-)¹²; Д.А. Алексеевым - виды, образованные морфологически: прерывисто-кратный (-лза-, -галза-, -гана-, -сагаа-, -шал-, -аал-, например: ани-лза-(ха) 'мигать (о глазах)', ани-гана-(ха) 'часто мигать', 'моргать' от ани-(ха) 'закрывать', хара-шал-(ха) 'посматривать' от хара-(ха) 'смотреть', андалд-аал-(ха) 'обмениваться' от андалда-(ха) 'меняться'), вид неполного действия (-да, хотя на самом деле -хада-: хура ороходо-(хо) 'накрапывать (о дожде)'), завершённый, или окончательный вид (-ша- и -жархи-), аналитические виды: неокончательный (-гад гэ-), начинательный (соединительное деепричастие -жа плюс спрягаемая форма глаголов оро-(хо) 'входить', ерэ-(хэ) 'приходить', эхил-(хэ) 'начинать(ся)', захал-(ха) 'начинать(ся)', гара-(ха) 'выходить', например: эди-жэ оро-(хо) 'начать есть' от эди-(хэ) 'есть', бусал-жа ерэ-(хэ) 'закипеть' от бусал-(ха) 'кипеть', бэ-шэ-жэ эхил-(хэ) 'начинать писать' от бэшэ-(хэ) 'писать', хура оро-жо захал-(ха) 'начинаться (о дожде)' от хура оро-(хо) 'дождить', наншалда-жа гара-(ха) 'начинать драться' от наншалда-(ха) 'драться'), длительный вид (редупликация основ или деепричаст-

ных форм одного глагола: яба ябаһаар 'идя-идя', соединительное деепричастие -жа плюс глагол хэбтэ-(хэ) 'лежать': ойдо агна-жа хэбтэ-(хэ) 'охотиться в лесу' - и, наконец, формы -жа бай- и -һаар бай-¹³.

К данному кругу работ, для которого характерен чрезвычайно широкий подход к пониманию вида, примыкает исследование Ц.Б. Цыдендамбаева¹⁴, выделяющего шесть видов: внезапный (-ша-), мгновенный (-рхи-), многократный (-л-: алха-ла-(ха) 'пошагивать' от алха-(ха) 'шагать'), учащательный (-сагаа-), уменьшительно-ласкательный вид (-хада-), ограничительный (-д гэ-(хэ)). Что касается других форм, "подозрительный" в видовом отношении и на основании этого выделяемых Г.Д. Санжеевым и Д.А. Алексеевым, то в перечне видов, устанавливаемых Ц.Б. Цыдендамбаевым, им не находится места, а мотивы, которыми руководствовался исследователь при невключении в число видовых ряда показателей, до него признававшихся таковыми, явным образом не формулируются. Обращает на себя внимание необоснованная ориентация на морфологичность "видов", хотя, как кажется, не существует причин, по которым принципиально нельзя признать статуса видовых за аналитическими формами.

Как можно видеть из вышеизложенного, различия между приведенными списками "видов", устанавливаемых в бурятском языке, касаются в основном конкретных представлений о числе явлений, признаваемых видами, а также трактовки семантики соответствующих форм, что проявляется, в частности, в неодинаковом терминовании одних и тех же явлений.

Наконец, третий этап в изучении категории вида в бурятском языке связан с работой Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова¹⁵ - опытом описания всей совокупности явлений, признаваемых традицией видовыми, с точки зрения определившихся в недрах славистики представлений о функционально-семантическом поле аспектуальности¹⁶. За последние 20-30 лет ранее лишь интуитивно осознаваемая неоднородность видовых (аспектуальных) значений была эксплицирована в фундаментальном разграничении понятий вида и способа действия (в иной терминологии - акционсартов или видовых классов, по Б.А. Серебренникову¹⁷). Если трактовка плана содержания способов действия осталась одной и той же (т.е. вид по-прежнему определялся в терминах способов действия и наоборот), то разграничение понятий вида и способа действия проводилось и проводится с точки зрения плана выражения названных категорий. Данное положение хорошо иллюстрирует известное определение, данное Ю.С. Масловым: "...в противоположность видам способы действия не представляют грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами"¹⁸. Мы видим, что решение вопроса о разграничении видовых значений и значений способов действия из

плоскости поисков понятийных, содержательных критериев данного размежевания переводилось в плоскость поисков формальных критериев, что на практике привело к формулированию критерия регулярности, "тотальности" образования, которой виды как будто бы отличаются от способов действия. Я имею в виду концепцию Б.А. Серебренникова, изложенную в монографии "Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп"¹⁹ и на которую опирается Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов при рассмотрении бурятского материала. Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов на основании критерия "тотальности распространения" выделяет четыре вида (хотя на самом деле число видов оказывается большим, так как например, "продолжительный вид" включает в себя еще четыре подвида, а "многократный вид" - три): это законченный вид (-аад бай-)²⁰, продолжительный вид (-жа бай-) с подвидами (-н бай-, -наар бай-, -жээ бай-), многократный вид (-даг, -гша, -ааша), потенциальный вид (-хаа//-хаяа бай-), которые, по Ц.-Ж.Ц. Цыдыпову, отличаются от видовых классов большей регулярностью образования. Видовые классы суть следующие: интенсивность (-рхи//-хи-, -ша-), ритмичность (-лза-, -гана-), учащенность (-сагаа-), ослабленность действия (-бхилэ-), уменьшительность-ласкательность (-хада), ограниченность действия (-д гэ-). Непонятно, почему конструкциям с фазовыми глаголами было отказано в статусе видовых классов, мотивы такого решения остались необъясненными, и названные конструкции попали в другой класс - класс лексических значений.

Оценивая в целом концепцию глагольного вида, разработанную Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым на материале бурятского языка, как шаг вперед в изучении бурятского вида и первую в монголоведении попытку осуществить дифференцированный подход к огромному числу показателей, традиционно относимых к категории вида, я вместе с тем хочу отметить, что положенный в основу рассмотрения фактов признак тотальности образования не является релевантным для производимой Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым классификации видов, видовых классов и видовых лексических значений. В самом деле, где проходит реально граница между тотальностью и нетотальностью образования форм? Разграничение видов и видовых классов в плане выражения не дает на практике убедительных результатов, так как по признаку тотальности распространения к видам можно отнести с полным основанием и суффиксы -рхи- и -ша-, образующиеся от неограниченного в принципе числа глагольных основ. Различия же между сочетаниями типа уншажа байгаа, с одной стороны, и уншажа эхилээ - с другой, не всегда являются очевидными. Конструкции с фазовыми глаголами типа уншажа эхилээ, уншажа дүүргээ изоморфны многим аналитическим формам, составленным из деепричастия и служебного глагола. Здесь один из компонентов (деепричастие) заменяется неограниченным числом таких же словоформ, а второй варьируется в пределах ограниченного множества, как в тех случаях, когда мы имеем дело с сочетанием лексического и грамматического элемен-

тов²¹. Таким образом, случаи с аффиксами -рхи- и -ша-, а также

фазовыми конструкциями с большой степенью наглядности демонстрируют ненадежность применения критерия "тотальности образования" для эффективного разграничения видов, понимаемых как "чисто грамматические явления", и видовых классов (способов действия) как не вполне грамматических явлений.

Возражение может вызвать включение Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым в число так называемого потенциального вида, образующегося путем сочетания целевого деепричастия -хаа//-хаяя и связки бай- 'быть'. В рамках теории, не уточняющей семантических границ зоны аспектуальных значений, трудно бывает установить, какие конкретные значения характеризуют "протекание и распределение глагольного действия во времени" (или "характер протекания действия") и можно ли считать, например, значение потенциальности, намерения совершить действие аспектуальным значением.

На примере истории вопроса о виде в бурятском языке можно видеть неподотворность применения тех представлений, которые выработаны в общей аспектологии. Взгляд на вид как любую характеристику глагольного действия, находящую регулярное выражение в языке, базируется на разграничении вида и способа действия лишь в плане выражения, содержательное же отличие двух категорий не уточняется, не конкретизируется тот признак, который служил бы основой их семантического размежевания. Представляется, что исследования, в которых вид трактуется в терминах способов действия, неизбежно малоэффективны и сводятся по существу лишь к регистрации и каталогизации разнородных явлений и к многочисленным контрпримерам наподобие той, что содержится в статье Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова "Еще раз об аспектуальности" в настоящем сборнике.

Альтернативу обрисованному подходу я нахожу в применении к описанию соответствующего бурятского материала концепции глагольного вида, сформулированной датским ученым К. Бахе на базе понятийного анализа оппозиции "совершенный: несовершенный вид"²². Обоснованный К. Бахе подход к решению вопроса о правомерности выделения категории вида в языках, отличающихся от русского своей генетической принадлежностью и структурной организацией, основывается на следующих посылах: поскольку факт существования категории вида наиболее бесспорен в глаголе славянских языков, например русском, то проблема выделения такой категории в неславянских языках, таких как, например, английский или бурятский, может быть решена на основании фактов действительно видового языка. Проблема лишь в том, чтобы адекватно сформулировать правила выбора вида в русском языке и тем самым вскрыть природу вида, т.е. дать непротиворечивую интерпретацию инвариантных значений в русском языке и характера их оппозиции. Решение такой задачи, по К. Бахе, есть условие перехода от данных русского вида (системы вида в русском языке) к системе вида в метаязыке (или метаязыку вида). В свою очередь, создание такого метаязыка представляет собой предпосылку для объ-

экзигивного обоснования природы и характера систем в конкретных языках, "подозрительных" в видовом отношении. Иначе говоря, возникает возможность называть видами в неславянских языках те системы, которые сопоставимы с системой вида в метаязыке, являющейся точным подобием и одновременно абстракцией русской видовой системы.

Для русского языка в результате процедуры субституции (замены) данного в предложении глагола его видовым коррелятом К. Бахе получил классификацию, состоящую из четырех типов предложений (конструкций) в соответствии с теми изменениями, которые претерпевала семантика предложения при замене форм вида: I тип - конструкции, в которых глагольная словоформа не имеет видового коррелята (в терминологии К. Бахе - "непротивопоставленные конструкции"). Сюда вошли предложения, в которых фигурируют одновидовые или двухвидовые глаголы (абсолютные имперфективы типа борются, находиться, существовать, абсолютные перфективы типа опомниться, рухнуть, заплакать, двухвидовые типа казнить, обещать, ранить); II тип - конструкции, в которых замена вида невозможна, так как ведет к неграмматичности предложения, иными словами, контекст не позволяет замену формального вида ("незаменяемые конструкции"), например: Иван долго сам прочитывал / *прочитал все сообщения; Каждый день буду покупать / *куплю хлеб в этом магазине; III тип - конструкции, в которых замена вида возможна, но в результате замены предложение помимо другого видового значения принимает другое темпоральное и / или акциональное значение ("различительные конструкции"): Марина убирает / уберет комнату; Они уговаривали / Они уговорили ее; наконец, IV тип - конструкции, в которых замена вида возможна без ощутимого изменения в темпоральности и акциональности, т.е. оба вида называют одну и ту же ситуацию, но с разным взглядом говорящего / пишущего - либо с "внешним ситуационным фокусом", представлением ситуации как единого целого, и "внутренним ситуационным фокусом", представлением ситуации в терминах ее течения (без начала и конца). В "неразличительных" конструкциях оба вида связаны с выражением положительного взгляда на ситуацию (Мы отмечали / отметили праздник; Я буду ждать / подожду тебя здесь), либо называют одну и ту же ситуацию, но только один из видов (совершенный) имеет положительное видовое значение, а другой (несовершенный) интерпретирует ситуацию без положительного фокуса, т.е. обозначает ситуацию "в общем смысле", вообще, неопределенно в отношении конкретных условий ее осуществления (Я уже прочитал / читал эту книгу; Я приду, - сказал / говорил он).

По К. Бахе, именно в последнем, четвертом типе предложений оппозиция совершенный / несовершенный вид представлена "в чистом виде". Он предлагает определять видовость, перфективность и имперфективность исходя из природы выбора вида в предложениях, или конструкциях, маркированных как неразличительные. Виды в них, по мнению К. Бахе, противопоставляются друг другу на равной основе, характеризуясь относительно самих себя, а не относительно

темпоральности и акциональности конструкции. Тем самым ему удается объяснить различные значения, которые имеют виды в конструкциях, маркированных как различительные, незаменимые и непротивопоставленные, в терминах сопутствующих межкатегориальных функций чистых значений перфективности и имперфективности. Легко видеть, что предлагаемый анализ исходит из признания двух уровней существования видовых значений – уровня системы (обнаружимый в неразличительных конструкциях) и функционального уровня, на котором чисто видовые значения (перфективность и имперфективность) и невидовость вступают во взаимодействие со значениями времени и способа действия (акционсарт), т.е. в отношении, характеризующиеся в терминах совместимости и несовместимости избираемых значений.

Исследование семантики категории вида в русском языке, проведенное при помощи процедуры замены, позволило К. Бахе выделить в метаязыке три понятийно разные категории – вид, понимаемый как взгляд говорящего / пишущего на ситуацию (ситуационный фокус), способ действия, или акционсарт, понимаемый как тип ситуации, и время, понимаемое как тип темпоральной локализации обозначенных глаголом ситуаций.

Категория вида в метаязыке представляет собой логически эквивалентную оппозицию перфективности – представления ситуации как единого целого, с внешним ситуационным фокусом, и имперфективности – парциального представления ситуации, представления ее части без начала и конца, т.е. с внутренним ситуационным фокусом. Категория вида в конкретных реализациях может быть привативной и тогда представлять собой оппозицию видовости как представления ситуации с одним из двух положительных ситуационных фокусов (либо как взгляда на ситуацию, охватывающего ее целиком, либо представления говорящим / пишущим ситуации как наблюдаемой изнутри) и невидовости, характеризующейся представлением ситуации без положительного фокуса. Например, в русском языке такой тип противоположения представлен неразличительными конструкциями типа Я уже прочитал / читал эту книгу, в которых перфектив называет ситуацию как единой целое, а имперфектив называет лишь самый тип ситуации и ее темпоральные характеристики (в данном случае соотнесенность с моментом в прошлом).

Главные значения вида – имперфективность и перфективность, а также невидовость (нейтральное в видовом отношении значение) на функциональном уровне своего существования вступают во взаимодействие со значениями времени и способа действия. Связь категории вида со временем можно описать следующим образом: темпоральная природа одновременных ситуаций, т.е. ситуаций, происходящих в момент речи, необходимо предполагает имперфективный ситуационный фокус, а репрезентация ситуации с перфективным фокусом возможна только при взгляде на нее как темпорально отдаленную от момента речи, т.е. тогда, когда она принадлежит либо плану прошлого, либо плану будущего. Примеры такого взаимодействия в русском языке: совершенный вид (перфектив) никогда не называют

ситуацию, имеющую место в настоящем или в момент речи, настоящее время логически требует выражения имперфективной формой (Марина уберет / убирает комнату).

Связь значений вида со значениями способа действия можно описать следующим образом. В зависимости от значения способа действия, или типа ситуации, семантики того глагола, от которого он образуется, имперфектив в норме может принимать значения попытки достижения или постепенного приближения к некоторой критической точке или цели, находящейся вне референции предложения, а соответствующий ему перфектив – достижения этой точки или цели: Она писала / написала письмо; имперфектив называет неограниченное количество раз повторяющееся действие, а перфектив – единичное, однократное действие: Он стучал / стукнул; Он моргал / моргнул; имперфектив называет действие в самом процессе его выполнения, а перфектив – "готовый факт", скачок: Когда я выходил / вышел из дому...

Семантическая неоднородность категории вида может быть описана в метаязыке лишь в рамках строго функционального подхода: категория вида есть функциональная система, в которой главные значения перфективности и имперфективности логически соотносятся с более широким кругом значений, передаваемым видами вкупе с временами и значениями способа действия. Однако в определенных условиях (см. примеры неразличительных конструкций) выбор вида определяется исключительно выбором ситуационного фокуса.

В рамках излагаемой концепции выдвигается требование, согласно которому обсуждение вопроса, различает ли виды некоторый язык (в нашем случае бурятский), зависит от убедительных свидетельств систематического соответствия между значениями и функциями метакатегории вида и значениями и функциями конкретной оппозиции форм в данном языке (логически их может быть только две). Предлагается набор процедур – замена данного в примере глагола его соотносительным коррелятом и процедуры интерпрета-

23
ции результатов замены, который должен выявить наличие понятийных и функциональных соответствий между моделью вида и конкретной системой для признания за последней статуса видовой. В общем виде метод решения обозначенной задачи заключается в следующем: берется корпус примеров, содержащих как формально маркированные в видовом отношении глаголы, так и глаголы в формах, оппозитивных первым (для бурятского языка, как агглютинативного, естественным будет считать, что оппозицию формам, скажем, прогрессива или перфекта составляют формы непрогрессива или неперфекта, характеризующиеся отсутствием форманта "прогрессивности" –жа бай– или "перфектности" –аад бай– и –һан бай–). Далее производится замена данных в примерах глаголов их оппозиитами, в результате чего мы должны получить классификацию предложений наподобие той, которую получил К. Бахе на материале русского языка. В случае, если наш анализ обнаружит сопоставимость принципов, или правил, мотивировавших распределение бурятских

предложений по четырем типам, с тем, что мотивировали распределение русских глагольных предложений, мы вправе будем признать за анализируемыми противопоставлениями (например, "прогрессив: непрогрессив" или "перфект: неперфект") статус видовых оппозиций, конституирующих категорию вида в бурятском языке.

В самом предварительном виде можно предположить, что из оппозиций глагольных форм, подозрительных в видовом отношении, действительно видовой, т.е. релевантной в контексте изложенных выше представлений, является лишь оппозиция "прогрессив: непрогрессив". Если это предположение подтвердится (очевидно, что исследование этого вопроса должно представлять собой систему доказательств и являться темой отдельной работы), то для бурятского языка вопрос о виде будет формулироваться следующим образом: категория вида в бурятском языке есть оппозиция имперфективности как маркированного члена оппозиции и невидовости как немаркированного члена семантического противопоставления.

Примечания

¹ В скобках дается в соответствии с существующей в монголоведении традицией словарная форма глагола -ха, форма причастия будущего времени.

² См.: Холодович А.А. Перфект-результатив // Проблемы грамматической теории. - Л., 1979. - С. 138-160; Дугарова Г.С., Яхонтова Н.С. Результатив в монгольском языке // Типология результативных конструкций. - Л., 1983. - С. 94.

³ Шыдынов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972.

⁴ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962.

⁵ Алексеев Д.А. Категория вида в бурятском языке // К изучению бурятского языка. - Улан-Удэ, 1969. - С. 61-63.

⁶ Шыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 116-126.

⁷ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1941. - С. 53.

⁸ Малакшинов П.И. Категория вида в русском языке и ее соответствие в бурят-монгольском языке // Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе. - М.; Л., 1948.

⁹ Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. - Улан-Удэ, 1958. - С. 203.

10 Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. - С. 104.

11 Формулировка, принятая большинством аспектологов в качестве определения аспектуальности, принадлежит А.М. Пешковскому. См.: Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. - Л., 1984. - С. 5.

12 Раздел "Глагол" был написан Г.Д. Санжеевым. См.: Грамматика бурятского языка. - С. 187-194.

13 Алексеев Д.А. Категория вида... - С. 61-63.

14 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 116-126.

15 Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции... - С. 50-212.

16 См.: Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий: Глагольный вид и "аспектуальность" в русском языке // Вопр. языкознания. - 1967. - № 2. - С. 18-31; Он же. Грамматическая категория и контекст. - Л., 1971. - С. 49-55; Он же. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983. - С. 77-96; Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. - Л., 1987. - С. 40-209.

17 Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. - М., 1960. - С. 24.

18 Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. - М., 1962. - С. 10.

19 Серебренников Б.А. Категории времени и вида... - С. 24-27.

20 Интересно отметить, что перфектная форма -аад бай- была выделена как вид только Ц.-Ж.Ц. Цыдыповым. Например, у Ц.Б. Цыдендамбаева эта форма фигурирует как прошедшее время. См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 132.

21 См.: Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. - Л., 1984. - С. 124-125.

22 *Bache S. Aspect Theory and its Application to Present-Day English.* - Odense University Press, 1985.

23 Изложение процедур выявления видового характера той или иной оппозиции глагольных форм см.: Дугарова Г.С. Статус оппозиции "прогрессив : непрогрессив" в современном монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1988. - С. 10-14.

МЕСТОИМЕННИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Хотя вопрос о местоимениях в монгольских языках на первый взгляд кажется решенным и ни у кого из современных монголоведов, в том числе и бурятоведов, не вызывает сомнения ни их статус, ни их состав, при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так просто. В чем сложность и нерешенность, на наш взгляд, этой проблемы? Обратимся к фактам, но прежде всего разберем, как трактуется местоимение в бурятоведении, например в так называемой академической "Грамматике бурятского языка" 1962 г.¹ (автор раздела Ц.Б. Цыдендамбаев).

Интересно данное там общее определение, что же такое местоимение в бурятском языке. Оно таково: "Местоимения представляют собой именные слова, при помощи которых говорящий либо различным образом указывает, либо спрашивает о лицах и предметах, об их признаках и количестве. Следовательно, они могут быть названы указательными и вопросительными именными словами"². Далее там же: "По значению местоимения в бурятском языке делятся на личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные"³.

В то же время Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что, "помимо доминирующего указательного значения, местоимения содержат также предметное, качественное и количественное значения. При этом местоимения с предметным значением соотносительны с именными существительными. Таковы все личные местоимения, указательные местоимения множественного числа, вопросительные местоимения хэн 'кто?', юун 'что?', неопределенные местоимения хэн нэгэн 'кто-либо', 'кто-нибудь', 'кто-то' и юу хээн 'кое-что', обобщительные местоимения со значением множества, выделительные местоимения множественного числа. Все они изменяются по падежам, в форме именительного падежа служат подлежащими, в родительном падеже — преимущественно определениями, а в прочих — дополнениями.

...Местоимения с качественным значением соотносительны с именами прилагательными. К ним можно отнести указательные местоимения эне 'этот', тэрэ 'тот', имэ 'этакий', 'такой', гимэ 'такой', возвратно-указательное местоимение, вопросительные местоимения ямар 'какой?', хэр 'какой?', 'каков?', али 'какой?', 'который (из них)?', неопределенные местоимения ямар нэгэн 'какой-то', 'какой-нибудь', али нэгэн 'который-нибудь', 'какой-нибудь (из них)' и алибаа 'какой-нибудь', 'какой-либо', 'какой угодно', обобщительные местоимения со значением единичности, выделительные местоимения единственного числа. Эти местоимения при обычном своем употреблении в составе определительных словосочетаний не принимают падежных окончаний, но многие из них, субстантивиру-

ясь и приобретая относительную самостоятельность, могут склоняться. Они, как правило, в предложении функционируют в качестве определений, реже – обстоятельств, но, приняв частицы притяжания или падежные окончания, могут быть любимыми членами предложения.

...Местоимения с количественным значением в известной мере соотносительны с именами числительными. Указательные местоимения эды 'столько' и тэды 'столько', вопросительные хэды 'сколько?' и неопределенное местоимение хэдэн, хэды 'несколько', как и числительные, в предложении обычно бывают определениями, реже – обстоятельствами.

...Соотносительность местоимений с другими именными частями речи не означает их тождественности этим частям речи: местоимения как бы расположены параллельно прочим именным категориям слов, синонимичны им, но они не вливаются в эти категории и довольно часто дают специфические, присущие лишь им отклонения от морфологических и синтаксических черт, которыми наделены соответствующие имена. К тому же своеобразная указательная семантика местоимений превалирует над их предметным, качественным и количественным значениями и четко обособляет местоимения от всех остальных имен⁴.

Как можно видеть, схема эта довольно сложна и непоследовательна, поскольку, во-первых, неясно, на основании каких критериев относить местоимения из одной и той же рубрики то к предметным, то к качественным и т.п., во-вторых, как получается, что исходя из одного и того же основания, в данном случае – значения, местоимения делятся то на личные, указательные, вопросительные и т.п., то на предметные, качественные, количественные. Кроме того, эта схема неадекватно отражает реально существующую в бурятском языке, как и во всех остальных монгольских языках, систему местоимений как особую группу заместительных слов с дейктической функцией, параллельную системе назывных частей речи и полностью отражающую, как бы дублирующую ее. Причем замещают эти указательные слова абсолютно все знаменательные части речи: существительные, прилагательные, числительные, наречия и глаголы, а не только имена, как сказано в "Грамматике...". Ср., например, субстантивные местоимения: бур., х.-монг. хэн, калм. кен, старомонг. ken 'кто', указывающие на человека и человекоподобные мыслящие существа; бур. юун, х.-монг. юу, калм. юн, старомонг. уагун 'что', указывающие на животных, растения, неодушевленные предметы; бур., х.-монг. эне, калм. эн, старомонг. ene 'это', 'этот', 'эта', бур. тэре, х.-монг. тэр, калм. тер, старомонг. tere 'то', 'тот', 'та'; адъективные местоимения: бур., х.-монг. ямар, калм. ямр, ямаран, старомонг. yambar 'какой'; бур. имэ, х.-монг. ийм, калм. им, старомонг. eyimü 'такой'; нумеральные местоимения: бур. хэды, х.-монг. хэд, хэдэн, хэдий, калм. кедү, старомонг. kedüi 'сколько'; бур. эды, х.-монг. эдий, калм. эдү, старомонг. edüi 'столько'; адвербиальные местоимения: бур., х.-монг. хаана, калм. хама, старомонг. qamiγ-a 'где'; бур. хэр, х.-монг. хир, старомонг. kiri 'как', бур.

хайшан гээд, хайшан гэжэ 'как, каким образом'; бур. эндэ, х.-монг., калм. энд, старомонг. ende 'здесь'; вербальные местоимения: бур. яаха, х.-монг., калм. яах, старомонг. yaṗakiṗu 'как делать', 'что делать'; бур. ийхэ, х.-монг. ингэх, калм. ийгх, старомонг. ingekü, eyikü 'этак делать, этак поступать'; бур. тиихэ, х.-монг. тэгэх, калм. тийгх, старомонг. cingekü, tevikü 'так делать', 'так поступать'.

При этом все местоимения в зависимости от соотношенности с соответствующей лексико-грамматической категорией ведут себя в речи по-разному. Если это местоимения, указывающие на именные части речи, то они могут склоняться и принимать показатели личной принадлежности; если они замещают и указывают на глагол, то и ведут себя как глаголы, получая всю имеющуюся глагольную словоизменительную парадигму.

Трактовка местоимений как именных слов является, по правде сказать, давней традицией в монголоведении: например, она представлена в "Грамматике монгольского языка" Александра Бобровникова⁵, "Грамматике монгольско-калмыцкого языка" Алексея Бобровникова⁶, "Грамматике монголо-бурятского разговорного языка" А. Орлова⁷.

Как имена рассматривал местоимения также Н. Поппе: "Местоимения являются в некоторых отношениях такими же именами, как всякие иные..."⁸

Б.Х. Тодаева в своих работах⁹ хотя прямо и не говорит о соотношении местоимений с именными частями речи и дает лишь ряды местоимений по их значению, но рассматривает их сразу же после существительных и прилагательных и ведет речь только о склонении местоимений.

Несколько иначе, более своеобразно, трактовал местоимения Г.Д. Санжеев. Это мы видим уже в его "Грамматике бурят-монгольского языка"¹⁰, в которой он подразделяет бурятские местоимения на: 1) личные - би 'я', ши 'ты', та 'вы', бидэ 'мы', эдэ 'они (эти)', гэдэ 'они (те)'; 2) указательные - эне 'этот', тэрэ 'тот', иймэ 'такой (как этот)', тиимэ 'такой (как тот)', мүнөөхи 'этот самый', үнөөхи 'тот самый', ондоо 'иной', адали 'похожий', туд 'данный', өөрэ 'другой', алиба 'всякий', зарим 'некоторый'; 3) вопросительные - хэн 'кто', хэд 'кто (о многих)', юун 'что', юунууд 'что (о многих)', хэр 'как', ямар 'какой', али 'который', хэды 'сколько', хаана 'где', куда' хэээ 'когда'; 4) наречные - ишэ 'сюда', тиишэ 'туда', хуу 'все', эндэ 'здесь', тэндэ 'там', хамаг 'все'; 5) глагольные - ийхэ 'сделать этак', тиихэ 'сделать так', яаха 'как быть?', 'что делать?'. При этом он поясняет: «Особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относятся еще три глагола... Вот почему в монгольском языке для всей этой группы слов, по необходимости полностью трактуемых нами как местоимения, употребляется термин "tölügen-ü üge - замещающие слова" (а не "имя")... Местоимения могут быть распределены по другим частям речи: личные - отнесены к предметным име-

нам, указательные – к качественным именам, наречные – к наречиям, глагольные – к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные (хэн), качественные (ямар), наречия (хаана) и т.п.

В соответствии с изложенным полное склонение имеют личные, указательные и часть вопросительных местоимений; неполное, частичное склонение имеют наречные и часть вопросительных местоимений, – иными словами, первые склоняются по всем падежам, тогда как вторые – лишь по некоторым. Что же касается глагольных "местоимений", то они спрягаются по всем глагольным формам, но от них практически не образуются отглагольные имена. Таким образом, оказывается, что местоимения относимы не только к категориям имени: они одинаково относятся и к именам, и к глаголам»¹¹.

Таким образом, Г.Д. Санжеев в данной своей работе давал в общем реальную по содержанию и функции оценку бурятских местоимений, допуская разряды наречных и глагольных местоимений. В то же время его классификация местоимений лишена всякой логической основы и непоследовательна. Выделив наречные и глагольные местоимения, он сделал большой шаг вперед, но запугал все, поставив эти местоимения в своей классификации на одну доску с личными, указательными и вопросительными, поскольку как в наречных, так и в глагольных местоимениях тоже есть вопросительные и указательные.

Не внес ясности Г.Д. Санжеев в классификацию местоимений и в своих последующих трудах, описывающих грамматическую систему монгольских языков. Так, в работе "Современный монгольский язык"¹² он дает в принципе аналогичную схему монгольских местоимений: 1) личные; 2) указательные; 3) возвратные; 4) вопросительные; 5) глагольные. При этом в глагольные он включает и вопросительное яа – 'как делать', 'как быть', т.е. и здесь отсутствует единое логическое основание для деления на разряды. Причем в этой классификации уже отсутствуют наречные местоимения, хотя введены возвратные. Если в "Грамматике бурятского языка" он выделял местоимения в самостоятельную часть речи, то в данной работе он относит их к именным частям речи. Об этом он говорит буквально следующее: "Изменяемые части речи делятся, в свою очередь, на склоняемые (разрядка автора. – В.Р.), или именные (имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные), и спрягаемые (глаголы)"¹³. Это уже шаг назад.

В другой своей работе, "Старописьменный монгольский язык"¹⁴, он заявляет: "В старописьменном монгольском языке все именные части речи – имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные – в основном обладают теми же лексико-семасиологическими и грамматическими свойствами, что и в современном монгольском языке"¹⁵. Поэтому и здесь

он рассматривает местоимения в составе именных частей речи и дает классификацию разрядов, тоже включающую личные, указательные, вопросительные, возвратные и глагольные местоимения.

В какой-то мере сходную с санжеевской классификацию местоимений выдвигает и З.К. Касьяненко, которая в своей работе¹⁶ приводит следующие их разряды: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) неопределенные; 5) глаголы-заместители. Несколько иные, но близкие друг к другу классификации местоимений как самостоятельной части речи находим в грамматиках современных

монгольского¹⁷ и калмыцкого¹⁸ языков. Здесь, учитывая чисто содержательную сторону, выделяются в общем одинаковые разряды местоимений: в монгольской грамматике – личные, указательные, вопросительные, неопределенные, выделительные, возвратные; в калмыцкой – те же разряды, только выделительные названы определительными. При этом монгольские грамматисты внутри разрядов указательных, вопросительных и неопределенных местоимений приводят соответствующие не только именные, но и наречные и глагольные местоимения. Кроме того, в специальном параграфе "Связь местоимений с другими частями речи"¹⁹ они отмечают соотносительность местоимений со всеми знаменательными частями речи и предлагают различать местоимения-существительные (жинхэнэ нэрийн төлөөний үг), местоимения-прилагательные (тэмдгийн нэрийн төлөөний үг), местоимения-числительные (тооны нэрийн төлөөний үг), местоимения-наречия (дайврын төлөөний үг), местоимения-глаголы (үйлийн төлөөний үг).

В калмыцкой грамматике в разряде указательных местоимений по семантико-грамматическим признакам выделены рубрики местоимений предметно-указательных (эн 'этот, эта, это', тер 'тот, та, то'), качественно-указательных (инм 'этакий, этакая, этокое', тиим 'такой, такая, такое'), количественно-указательных (эду 'вот столько, столько', теду 'вон столько, столько'), пространственно-указательных (энд 'здесь', тенд 'там'), глагольно-указательных (иигх 'делать эдак', тиигх 'делать вон так, как тот, таким образом'). Примерно те же рубрики калмыковеды выделяют и в вопросительных местоимениях: предметно-вопросительные (кен? 'кто?', юн? 'что?'), качественно-вопросительные (ямаран? 'какой?'), пространственно-вопросительные (аль, альд? 'где?', хама? 'где?'), вопросительно-временные (кезе? 'когда?'), количественно-вопросительные (кеду? 'сколько?'), глагольно-вопросительные (ях? 'что делать?', как быть?'), причинно-вопросительные (япад? 'почему?', юнгад? 'почему?').

Данный подход, учитывающий наличие местоимений, указывающих не только на имена, но и на наречия и глаголы, а также рассмотрение местоимений вне категории имен, как самостоятельной части речи, следует считать более логичными и прогрессивными. Хотя и калмыковеды не избежали в какой-то мере воззрения на местоимения как на именную часть речи, о чем свидетельствует их утверждение: "Местоимение – это часть речи, которая, не на-

зывая предметы, их признаки и количество, указывает на них. По своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и в предложении выполняют те же синтаксические функции, что и перечисленные части речи"²⁰.

Таким образом, приведенный выше краткий обзор и анализ существующих в монголоведении точек зрения, подходов и трактовок местоимений монгольских языков показывают, что здесь действительно далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Такой разнобой во взглядах на местоимение вызван противоречием между привычной грамматической схемой, навязанной традициями индоевропейского языкознания, и тем, что реально имеют в своем строе монгольские языки. Глубоко прав В.М. Надеяев, считая, что все эти классификации монгольских местоимений алогичны, основаны на одновременном делении сразу по нескольким логи-

ческим основаниям²¹. Давно уже звучит в монголоведении призыв исходить из реального положения дел, из особенностей строя монгольских языков в построении грамматических теорий. Так, например, Г.Д. Санжеев еще в 1953 г. писал по этому поводу: "Ныне мы считаем, что попытка монголистов рассматривать указанные части речи только как имена существительные (или предметные) и прилагательные (или качественные) потому не может увенчаться успехом, что невозможно в угоду традиционному числу частей речи, установленному в соответствии с особенностями индоевропейских языков, установить части речи в языках иных структур непременно в том же самом количестве"²².

Иная трактовка системы местоимений монгольских языков, учитывающая особенности их строя, была предложена В.М. Надеяевым, который отразил ее в своей программе систематического курса теории современного монгольского языка, разработанной им в 1954 г. Данный курс читался им в 50-е гг. на монгольском отделении восточного факультета Ленинградского госуниверситета. По разным причинам программа эта опубликована только в 1987 г.²³

В.М. Надеяев считал местоимения особой частью речи, являющейся указательным обобщением всей системы конкретных знаменательных частей речи. По отношению содержания к действительности (основание деления – модальность) он подразделял монгольские местоимения на вопросительные, положительные, неопределенные. Внутри каждой основной группы он выделял 5 разрядов по обобщенным категориально-грамматическим типам (основание деления – содержание): существительные, прилагательные, глагольные, наречные, числительные²⁴.

Внутри каждого разряда по конкретному содержанию существительные местоимения делятся им на личные и возвратные, прилагательные местоимения – на указательные, определительные, притяжательные и т.д.

Аналогичный в принципе подход к пониманию системы местоимений был высказан позднее в общем языкознании Ю.С. Масловым,

который назвал местоимения заместительными словами, образующими "особую систему, параллельную системе назывных частей речи и по-своему дублирующую ее"²⁵. Исследование большого фактического материала из различных языков позволило ему прийти к следующему очень важному и для монголоведения выводу: «...факты свидетельствуют, во-первых, о том, что, выделяя слова-заместители, нельзя ограничиться рамками традиционных местоимений, а во-вторых, о том, что весь этот разряд, взятый в целом, не есть "часть речи" в ряду других частей речи, а есть некий класс, выделенный по другому принципу, и потому, естественно, перекрещивающийся с делением по частям речи. Иными словами, это некая вторая, параллельная система частей речи (разрядка автора. — В.Р.), в миниатюре и с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему. Особенности создаются за счет специфического абстрактного характера лексического значения всех этих слов в системе языка, при обязательности для них частной предметной отнесенности в речи, за счет их заместительной функции, наконец, за счет еще одной их функции — дейктической (указательной в широком смысле слова), не менее важной (и, по-видимому, исторически более древней), чем заместительная функция... Миниатюрность же "второй системы" возникает в силу ограниченности количественного состава заместительных слов: в отличие от слов-названий слова-заместители представлены замкнутыми списками... С разбиением заместительных слов на части речи — местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоименные наречия и (в некоторых языках) местоглаголия или, шире, местопредикативы — перекрещивается еще одно их разбиение — на собственно-указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные... Более узкие группы составляют личные и возвратные местоимения — только существительные и соответствующие им притяжательные — только прилагательные... Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных частей речи, однако не полностью, а с теми или иными видоизменениями»²⁶.

Попытки по-новому представить местоимения в грамматической системе языка, учитывая их соотношенность с частями речи знаменательных слов, наблюдаются в последние годы и в русистике. Так, в недавнем издании академической грамматики русского литературного языка²⁷ местоимения не выделяются ни в самостоятельную часть речи, ни в иной класс слов, а рассматриваются разбросанно в составе соответствующих частей речи, которые они замещают: местоимения-существительные даны среди существительных особым разделом, среди них выделены личные, возвратные, вопросительные, неопределенные и отрицательные; в составе прилагательных рассмотрены местоименные прилагательные с их особым типом склонения; среди числительных выделены местоименные числительные; среди

наречий – местоименные наречия. Глагольных местоимений в русском языке нет.

Таким образом, видно, что лингвистика ищет новые подходы к трактовке местоимений. Представляется, что назрела пора и в монголоведении, в том числе и в бурятоведении, при работе над новой "Грамматикой бурятского языка" пересмотреть устаревшие взгляды на местоимения не только как на особую часть речи в ряду других знаменательных частей речи, но и как на именные слова. Нужен новый подход, основывающийся на реалистической теоретической базе. Мы считаем, что такой базой должна послужить наиболее логичная и последовательная трактовка местоимений, выдвинутая В.М. Надеяевым и Ю.С. Масловым. Опираясь на эту теорию, попытаемся ниже дать свою классификацию слов и частей речи монгольских языков и определить в их системе положение местоимений. Все слова предлагаем сгруппировать в 5 классах.

- I. Знаменательные слова.
- II. Служебные слова.
- III. Модальные слова.
- IV. Междометные слова.
- V. Изобразительные слова.

В свою очередь, знаменательные слова подразделяем на назывные слова и указательные слова (т.е. местоимения в прежней терминологии). Среди назывных слов выделяем имена, глаголы и наречия, среди указательных слов соответственно указательные имена, глаголы и наречия. Служебные слова делим на послеслоги, служебные имена, союзы и связки, модальные – на модальные слова и частицы. Есть более дробное деление и у междометий, и у изобразительных слов.

Приводим ниже схему предлагаемой нами классификации.

I. Знаменательные слова

1. Назывные слова

1) Имена

- а) Предметные имена (существительные)
- б) Качественные имена (прилагательные)
- в) Количественные имена (числительные)

2) Глаголы

3) Наречия

2. Указательные слова

1) Указательные имена

- а) Указательные существительные
- б) Указательные прилагательные
- в) Указательные числительные

2) Указательные глаголы

3) Указательные наречия

II. Служебные слова

1. Послеслоги

2. Служебные имена

3. Союзы

4. Связки

III. Модальные слова

1. Модальные слова
2. Частицы

IV. Междометные слова

1. Эмоциональные междометия
2. Волевые междометия

V. Изобразительные слова

1. Образные слова слухового восприятия
2. Образные слова зрительного восприятия
3. Образные слова восприятия действия

Если применять латинизированную терминологию, то вместо выражения "указательные слова" можно взять "дейктические слова". Внутри них соответственно будут выделены дейктические субстантивы, дейктические адъективы, дейктические нумерали, дейктические вербы, дейктические адвербы.

Кроме того, нуждается в пересмотре и сам термин "местоимения", как не отражающий сущности этого разряда слов в монгольских языках. Кстати, в самих монгольских языках представлены следующие названия: в бурятском - "түлөөнэй нэрэ", в калмыцком - "орч нерн", в монгольском - "төлөөний үг", в старописьменном монгольском - "tölügen-ü üge". В бурятском и калмыцком терминах заключено традиционное в русском и европейском языкознании понимание местоимений как заместителей именных частей речи. Монгольский термин гораздо точнее отражает природу этого типа слов в монгольских языках и его способность замещать любую знаменательную часть речи. Этот термин буквально означает "замещающее слово", "местословие", на что неоднократно указывал в разное время Г.Д. Санжеев²⁸. В.М. Наделяев поддержал термин "местословие", но впоследствии предложил более широкий термин "общесловие"²⁹. Иных вариантов выдвинуто пока не было, да и эти не прижились. Поэтому в монголоведении продолжает бытовать привычный термин "местоимение", хотя и не совсем точно отражающий суть явления. Так что одной из ближайших задач монголоведов является наряду с выработкой единого взгляда на местоимения и на их место в системе частей речи подбор точного и приемлемого термина, адекватно отражающего суть явления, вместо устаревшего уже "местоимение".

Примечания

¹ Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 137-153.

² Там же. - С. 137.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 151-153.

⁵ Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - Спб., 1835.

⁶ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1846.

⁷ Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. - Казань, 1878.

⁸ Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1938. - С. 106, § 98.

⁹ Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. - М., 1951; Она же. Монгорский язык. - М., 1973; Она же. Язык монголов Внутренней Монголии: Очерк диалектов. - М., 1985; Она же. Дагурский язык. - М., 1986.

¹⁰ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1941.

¹¹ Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - С. 50-51.

¹² Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. - М., 1959. - С. 52-53.

¹³ Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. - С. 45.

¹⁴ Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - М., 1964. - С. 72-74.

¹⁵ Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - С. 58.

¹⁶ Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. - Л., 1968. - С. 56-57.

¹⁷ Орчин цагийн монгол хэл зүй. - Улаанбаатар, 1966. - X. 199-212.

¹⁸ Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология. - Элиста, 1983. - С. 161-175.

¹⁹ Орчин цагийн монгол хэл зүй... - X. 211.

²⁰ Грамматика калмыцкого языка... - С. 161.

²¹ Наделяев В.М. Современный монгольский язык // Языки Сибири и Монголии. - Новосибирск, 1987. - С. 40-41.

²² Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - Том 1. - С. 124.

²³ Наделяев В.М. Современный монгольский язык. - С. 3-74

²⁴ Подробнее эту схему см.: Наделяев В.М. Современный монгольский язык. - С. 42.

²⁵ Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М., 1975. — С. 217.

²⁶ Там же. — С. 218.

²⁷ Русская грамматика. — Том 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. — М., 1980.

²⁸ См.: Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. — С. 50; Он же. Современный монгольский язык. — С. 53; Он же. Старописьменный монгольский язык. — С. 72, примеч. 42.

²⁹ См.: Надеяев В.М. Современный монгольский язык. — С. 40, примеч. 4.

В.И. ЗОЛХОВ

МОРФОЛОГИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В задачу морфологии входит исследование фонемной структуры корневых и аффиксальных морфем и чередования фонем в пределах алломорфов морфемы. Единицей морфологии является морфонема: это совокупность чередующихся фонем, служащих для связывания алломорфов одной и той же морфемы, т.е. морфонема обеспечивает единство (тождество) морфемы.

Словоформы в агглютинативных, в том числе в монгольских языках, состоят из корневой морфемы и цепочки аффиксальных морфем, следующих за корневой.

Основная масса корневых морфем состоит из одного или двух слогов, очень редко встречаются многосложные корни. Фонемная структура корней такова:

1) в начале и конце корней не допускается стечение согласных (полногласие);

2) внутри корней допускается стечение двух (не более) согласных;

3) имеются некоторые позиционные ограничения при употреблении согласных в начале и конце корней;

4) не допускается стечение гласных фонем;

5) корневые морфемы, без присоединения к ним аффиксальных морфем, уже содержат лексическое значение имени, глагола, звукоподражания и образности. Соответственно имеются четыре типа корней, которые различаются по лексико-грамматическому значению, набору аффиксов, которые могут непосредственно к ним присоединяться, и по некоторым структурным особенностям.

Основным вариантом корней, когда они функционируют в качестве самостоятельных словоформ, без аффиксов (с нулевым аффиксом), для именных корней является форма единственного числа именитель-

ного падежа, для глагольных – форма обращения ко второму лицу единственного числа. Корни звукоподражательных и образных слов не употребляются без аффиксов.

Принято считать, что в агглютинативных языках корни не изменяются. Между тем в монгольских языках, в частности в бурятском, допускаются следующие изменения состава фонем конечных слогов корневых морфем:

1) допускаются чередования некоторых согласных фонем конечных слогов, связанные с нормами сочетаемости согласных на стыках морфем (например, чередования глухих и звонких согласных);

2) допускается чередование конечной согласной н с нулем звука на конце именных корней. Мы предлагаем следующую гипотезу для объяснения этого явления. В прошлом конечная н была показателем имени; когда же появились именные корни, оканчивающиеся на другие фонемы, то конечная н перед некоторыми аффиксами стала чередоваться с нулем звука. Преобладающее большинство именных корней в современных монгольских языках оканчивается на так называемую "неустойчивую н", которая употребляется перед одними аффиксами и выпадает перед другими. Например, в бурятском языке н употребляется в начальной форме, перед аффиксами родительного, дательного и исходного падежей и выпадает перед аффиксами винительного, орудного и совместного падежей, а в монгольском языке конечная н выпадает в начальной форме (т.е. в именительном падеже), но появляется перед аффиксами родительного, дательного и исходного падежей;

3) допускается чередование кратких гласных конечных слогов корня с нулем звука, т.е. краткие гласные конечных слогов выпадают при аффиксации (при условии, если окружающие их согласные могут употребляться рядом друг с другом).

Таким образом, алломорфы корневых морфем могут отличаться друг от друга только составом чередующихся компонентов конечных слогов (чередований согласных друг с другом, чередований конечной н с нулем звука и чередованием кратких гласных с нулем звука).

На конце корневых морфем образуются следующие гласные морфемы:

в бурятском – 4: а//нуль, о//нуль, э//нуль, и//нуль;

в монгольском – 5: а//нуль, о//нуль, э//нуль, э//нуль, и//нуль;

в калмыцком – 3: ы//нуль, э//нуль, и//нуль.

На конце корневых морфем образуются следующие согласные морфемы:

в бурятском – 6: п//б, к//г, т//д, ш//ж, э//с, н//нуль;

в монгольском – 6: ф//в, к//г, т//д, ж//ч, э//ц, н//нуль;

в калмыцком – 6: ф//в, к//ч, т//д, ж//г, э//ц, н//нуль.

На конце аффиксальных морфем рассматриваемых языков образуются эти же морфемы; кроме того, в пределах аффиксальных морфем образуются морфемы, не встречающиеся в корнях.

Именно чередования гласных и согласных фонем в пределах аффиксов определяют количество и состав их вариантов (алломорфов).

Наибольшее значение при оформлении вариантов аффиксов имеют чередования гласных по сингармоническим моделям.

В монгольском языке имеются 5 групп чередующихся по сингармоническим моделям гласных:

- 1) а, о, э, ө, и;
- 2) аа, оо, ээ, өө;
- 3) аэ, оэ, ээ;
- 4) уу, үү;
- 5) ыы, ии.

В калмыцком языке имеются 4 группы:

- 1) ы, ээ, и;
- 2) аа, ээ;
- 3) уу, үү;
- 4) ыы, ии.

Анализ этих групп показывает, что чередоваться друг с другом могут не все гласные, а лишь подобные по несингармоническим признакам (долготе, артикуляционному укладу и ширине раствора) и неподобные по сингармоническим признакам.

Альтернанты чередующихся гласных служат в этих языках для оформления алломорфов аффиксальных морфем, употребляемых в пределах слов различных сингармонических моделей и после палатализованных и непалатализованных согласных. Рассмотрим функционирование гласных в пределах алломорфов бурятских аффиксов. В этом языке все аффиксы имеют столько вариантов (т.е. алломорфов) по составу гласных фонем, сколько необходимо для функционирования этой морфемы в условиях всех сингармонических моделей, имеющих в этом языке. В монгольских языках постфиксы могут иметь еще алломорфы, употребляемые после палатализованных согласных.

Серии гласных, чередующихся в соответствии с законом гармонии гласных и с нормами сочетаемости с предшествующими согласными, образуют гласные морфемы.

Всего в бурятском языке имеется 5 гласных морфем (т.е. 5 групп чередующихся гласных):

- морфонема 1 (а, о, э, и);
морфонема 2 (аа, оо, ээ, өө);
морфонема 3 (аэ, оэ, ээ);
морфонема 4 (уу, үү);
морфонема 5 (ыы, ии).

Рассмотрим морфему 1 (а, о, э, и):

алломорфон а употребляется после твердых согласных в словах первой сингармонической модели: гара-ба ('вышел');

алломорфон о употребляется после твердых согласных в словах второй сингармонической модели: оро-бо ('вошел');

алломорфон э употребляется после твердых согласных в словах третьей и четвертой сингармонических моделей: эрэ-бэ ('просил'), хүрэ-бэ / хүрэбэ 'дошел'/;

алломорфон и употребляется после мягких согласных в словах всех четырех сингармонических моделей: м'аха-лик (м'яха-лиг 'мя-

систый'), модо-л'ик (модолиг 'лесистый'), ехэ-л'ик (ехэлиг - 'высокомерный'); это комбинаторный алломорфон.

Как видим, гласные а, о, э в непервых слогах выпоняют единую функцию - оформляют трехвариантный постфикс прошедшего времени глагола.

Морфема 2 (аа, оо, ээ, өө):

алломорфон аа употребляется в словах первой сингармонической модели: гар-аа ('вышел'), бар'аа (барья 'задержал');

алломорфон оо употребляется в словах второй сингармонической модели: ор-оо ('вошел'), хор'-оо (хорёо 'запретил');

алломорфон ээ употребляется в словах третьей сингармонической модели: эр-ээ ('попросил'), пэл'ээ (пэлээ 'поворошил'), а также в словах четвертой модели после мягких согласных: түүл'-ээ (түлээ - 'затопил');

алломорфон өө употребляется в словах четвертой сингармонической модели после твердых согласных: хүр-өө (хүрөө 'дошел').

Здесь гласные аа, оо, өө оформляют четырехвариантный аффикс причастия прошедшего времени.

Морфонема 3 (аэ, оэ, эй):

алломорфон аэ употребляется после твердых согласных в словах первой сингармонической модели: ард-аэ (арадай 'народа');

алломорфон оэ употребляется после твердых согласных в словах второй сингармонической модели: орн-оэ (орной 'страны');

алломорфон эй употребляется после твердых согласных в словах третьей и четвертой сингармонических моделях: дэгэлэй (дэгэлэй 'шубы'), үхэр-эй (үхэрэй 'быка').

Морфонема не имеет алломорфона, употребляемого после мягких согласных. Здесь морфонема 3 оформляет аффикс родительного падежа.

Морфонема 4 (уу, уу):

алломорфон уу употребляется в словах первой и второй сингармонических моделей: хар-уул-ха ('показать'), бар'-уул-ха (барюулха 'велеть держать'), ор-уул-ха ('впустить'), хор'-уул-ха (хорюулха 'велеть запретить');

алломорфон уу употребляется в словах третьей и четвертой сингармонических моделей: пэл'-уул-хэ (пэлюулхэ 'заставить ворошить'), үлг-уул-хэ (үлгүүлхэ 'заставить повесить'), хул'-уул-хэ (хүюулхэ 'заставить связать').

Здесь морфонема 4 служит средством оформления аффикса побудительного залога.

Морфонема 5 (ыы, ии):

алломорфон ыы употребляется после твердых согласных в словах с гласными всех сингармонических моделей: гар-ыыт (гарыт 'выйдите'), ор-ыыт (орыт 'войдите'), хэл-ыыт (хэлыт 'скажите'), үрг-ыыт (үргыт 'поднимите');

алломорфон ии употребляется после мягких согласных во всех четырех сингармонических моделях: бар'-иит (бариит 'держите'), бол'иит (болцит 'перестаньте'), пэл'-иит (пэлиит 'ворошите'), түүл'иит (түлиит 'топите'). Гласные ыы, ии являются комбинаторными алломорфонами.

Здесь морфонема 5 оформляет аффикс обращения ко второму лицу множественного числа.

Количество и состав вариантов аффиксов в рассматриваемых языках определяются не только по составу чередующихся гласных (т.е. гласных морфонем), но и по составу чередующихся согласных в начале аффиксов (т.е. согласных морфонем).

В начале бурятских аффиксов в результате чередований согласных образуются следующие согласные морфонеми (т.е. группы чередующихся согласных): т//д, л//н, р//л, г//ж//нуль звука.

В начале монгольских аффиксов функционируют следующие согласные морфонеми: д//т, р//л, ш//ж, ж//ч, б//в//ф.

В начале калмыцких аффиксов функционируют следующие согласные морфонеми: д//т, ш//ж, г//н//к//х.

Функционирование согласных морфонем мы проиллюстрируем на материале бурятского аффикса дательного падежа. Он имеет 6 вариантов: варианты -да (-до, -дэ) употребляются после гласных и сонантов (кроме р), варианты -та (-то, -тэ) употребляются после глухих согласных и р.

На конце аффиксальных морфем, так же как и на конце корневых морфем, допускаются чередования согласных фонем и чередования кратких (узких) гласных с нулем звука. Эти чередования происходят в слабой (зависимой) позиции, они менее заметны, поэтому мы пока не зафиксировали их в составе вариантов морфем. Тем не менее аффиксы имеют алломорфы по составу алломорфонов этих морфонем.

Е.К. СКРИБНИК

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье мне хотелось бы изложить наиболее общие представления о том, как должен строиться тот раздел синтаксического тома "Грамматики бурятского языка", планируемой на 90-е гг., который посвящен сложному предложению. При этом имеются в виду две цели: во-первых, вызвать по возможности более широкое обсуждение этого комплекса проблем с тем, чтобы учесть разные мнения при составлении плана-перспективы; во-вторых, кратко представить нынешнюю ситуацию в целом, т.е. показать, что уже проработано, где остались лакуны, в каких направлениях нужно сосредоточивать усилия.

Самый первый вопрос – о целях и предназначении этой "Грамматики" и соответственно о форме и языке описания, форме подачи материала. С одной стороны, хотелось бы ориентировать новую "Грамматику" на самый широкий круг национальной интеллигенции, а не только на узких специалистов-филологов. С другой стороны, в ней должны учитываться последние достижения языкознания, что подразумевает достаточно сложный понятийно-терминологический аппарат и формализованную строгую систему описания. Так, например,

в синтаксическом разделе должна решаться серия задач, связанных с инвентаризацией языковых единиц уровня сложного предложения, — следовательно, необходимо представление о модели сложного предложения (шире — полипредикативной конструкции) как языковой единицы в отличие от конкретных фраз как единиц речи, о дифференцирующих признаках модели, о критериях их выделения, о средствах формальной записи моделей (структурных схемах со специфическим набором условных обозначений) и т.д. Нужно найти способы совмещения строгого научного описания и "удобочитаемости", доступности для широкого читателя, включая и студентов, готовящихся по бурятской филологии, и преподавателей национальных школ.

Теперь хотелось бы остановиться на вопросе о структуре этого раздела "Грамматики". Прежде всего, как мне представляется, описание сложного (полипредикативного) предложения должно состоять из двух частей: в первой должны излагаться сведения о структуре, формальном устройстве бурятского сложного предложения, во второй — даваться функционально-семантическая классификация. Такая логика описания диктуется исходными теоретическими установками: действительно, если мы выделяем в качестве центральной единицы описания модель полипредикативной конструкции (ППК) как языковой знак, имеющий план выражения и план содержания, форму и значение, то должны быть описаны оба плана, применительно как к каждой выделяемой единице, так и ко всей системе единиц в целом.

От каких принятых ранее рубрик описания мы отказываемся? Прежде всего — от понятий "сочинение" и "подчинение". Как уже было показано, эти понятия базируются на традиционных списках "сочинительных" и "подчинительных" союзов, причем строгого семантического либо формального обоснования этому разбиению найти пока не удавалось (при применении строгих критериев получаемые списки союзов не совпадают с традиционным)¹. Действительно, почему русский союз хотя считается подчинительным, а но — сочинительным, если оба они передают оттенки одного и того же отношения несоответствия ожиданиям? Поскольку же эти понятия остаются неопределенными, приложение их к другим языкам, особенно к языкам агглютинативного строя, каким является бурятский, может только запутать и исследователя, и читателя.

Далее, в этом описании будет отсутствовать традиционное противопоставление "простого предложения с причастным или деепричастным оборотом" и "сложного предложения". Разумеется, различия между ними — как и между разными степенями "развернутости" зависимой части с инфинитным глагольным сказуемым — будут фиксироваться и описываться. Но мы исходим из положения, что оба эти вида конструкций являются полипредикативными, хотя предикативность зависимой части здесь "разного качества", что они равно выражают некоторые отношения между событиями действительности, названными их частями, поэтому из системных соображений их следует описывать вместе. Более того, конструкции с "оборотами" составляют центральную, наиболее значимую часть поли-

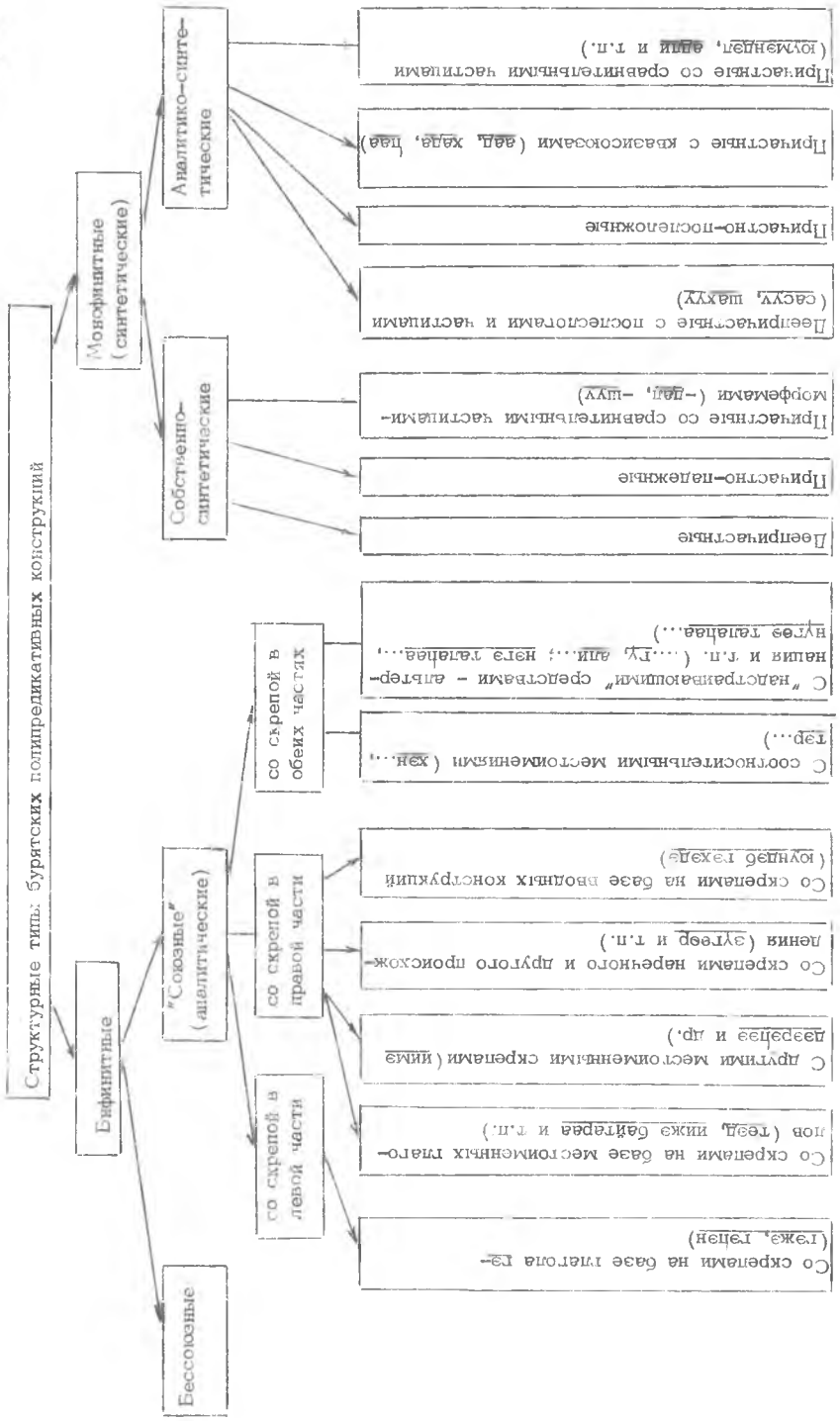
предикативного синтаксиса агглютинативных языков, тогда как "сложные предложения" европейского типа (т.е. с обеими частями, оформленными как независимое предложение, с финитными формами обоих сказуемых и аналитической связью между ними – связью через посредство служебного слова, союза) в этой системе достаточно периферийны². В традиционных описаниях предложения с "оборотами" относили к простым, хотя в синтаксисе простого предложения нет терминов для описания их самих и выражаемых ими отношений. В частности, поэтому им уделялось гораздо меньше внимания (и места), чем они того заслуживают, – тогда как про "сложные предложения" можно сказать как раз обратное³.

Хотелось бы, чтобы в новой "Грамматике" был представлен в единстве весь относящийся сюда языковой материал, все типы конструкций, выражающих отношение между двумя ситуациями действительности, – и с синтетическим способом связи (с инфинитным зависимым сказуемым – т.е. с "оборотами"), и с аналитическим (т.е. бифинитные конструкции со связью, выраженной отдельным служебным словом). Соответственно и в первой части, структурном описании, и во второй части, при описании семантических разрядов подпредикативных конструкций, давалась бы классификация всего материала в целом. Например, описание изъяснительных конструкций включало бы и модели с формой винительного падежа причастного зависимого сказуемого, управляемой со стороны главного сказуемого, и модели с делиберативными послелогом при причастных формах (тухай, тухайда, тушаа), и всю серию моделей со связующими средствами на базе служебного глагола говорения гэ- (гэжэ, гэһэн и др.)

Отметим еще, что в нашем описании все конструкции с наличием некоторого показателя связи (любого типа – и синтетического, и аналитического) будут противопоставлены предложениям без такого показателя, т.е. в традиционной терминологии – "бессоюзным". Еще не ясно, удастся ли описать их в терминах моделей и не относятся ли такие образования к уровню текста, а не собственно сложного предложения.

Итак, первая часть – структурное описание. Здесь имеется наибольший задел: составлена общая классификационная схема (схема 1), а также довольно детальная проработка левой ее ветви, синтетической⁴. Достаточно подробно описаны конструкции деепричастные, причастно-падежные, причастно-послеложные, причастные с "квазисоюзами" аад, хада и һаа, причастные определительные; менее подробно – причастные с частицами (в основном сравнительными).

Отметим, что все это сделано только для четырех основных причастий – на ха, һаан, аа и даг (и их отрицательных аналогов ха=гүй, аа=гүй, даг=гүй). Поскольку же, как известно, причастное предикативное склонение – система чрезвычайно идиоматизированная и наличие определенной причастно-падежной формы отнюдь не означает наличия формы этого же падежа у другого при-

частиа⁵, то здесь остается еще большое белое пятно, которое, конечно же, хотелось бы заполнить.

О правой, аналитической ветви представление менее четко. Лучше всего описаны конструкции с формой гэжэ⁶, но другие формы этого служебного глагола в связующей функции еще ждут изучения. Лишь в самом общем виде представляется вопрос о межфразовых скрепах на базе местоименных глаголов ии(гэ)= и тии(гэ)=⁷: уже ясно, что в основном они функционируют на уровне текста, открывая собой предложение или абзац (до 90% употреблений), однако условия их "проникновения" на уровень полипредикативного предложения и соотношение по семантике с синтетическими средствами связи требуют изучения. И разумеется, необходимо подключить сведения, накопленные по таким союзам различного происхождения, как зүгөөр, харин и т.п., а также по связующим средствам текстообразующего характера, организующим "сверхсложные" структуры: ...гү, али..., нэгэ талааа..., нүгөө талааа... и т.д.

Вторая часть должна содержать функционально-семантическое описание. Работа здесь только начата. Конечно, в процессе структурного описания отдельных моделей не могли не накапливаться сведения по их семантике. Выделялись и описывались также отдельные группы моделей, выделенные по семантическому признаку (временные, причинные и др.)⁸. Что же касается более крупных функционально-семантических типов, то, как это ни парадоксально, они наметились в ходе структурной классификации языкового материала.

При исследовании структурных типов и выявлении структурных характеристик моделей было установлено, что определенные формальные признаки моделей – характер использования в них временных форм, аффиксов отрицания и др. – объединяют между собой модели, относящиеся к разным структурным типам. Эти новые типы объединений – их оказалось три – удалось проинтерпретировать с функционально-семантической точки зрения, как три крупных смысловых класса моделей. Тем самым оказалось, что между структурными и функциональными классификациями моделей сложного предложения имеются определенные и очень значимые корреляции.

Из трех классов первый составляют конструкции с зависимой частью "обстоятельственной" семантики, выражающие разнообразные отношения между событиями действительности – временные, отношения обусловленности, сопоставительные и т.п. Их можно называть также диктум-диктумными (используя противопоставление терминов "модус" и "диктум" по Ш. Балли⁹) или конструкциями типа "действительность – действительность".

Второй класс – это конструкции типа "действительность – сознание", или модус-диктумные: они выражают различные виды отражения действительности в человеческом сознании. Зависимая часть здесь имеет присловный характер: она занимает обязательную, актантную позицию при сказуемом главной части – глаголе оперирования информацией ('знать', 'слышать' и т.д.), эмоции ('любить', 'сердиться' и др.), а также при именах и глаголах, называющих оценки, отношения и им подобные категории мыслительной деятель-

ности человека ('хорошо/плохо', 'улучшаться', 'одинаково', 'зависеть', 'зависимость' и т.п.).

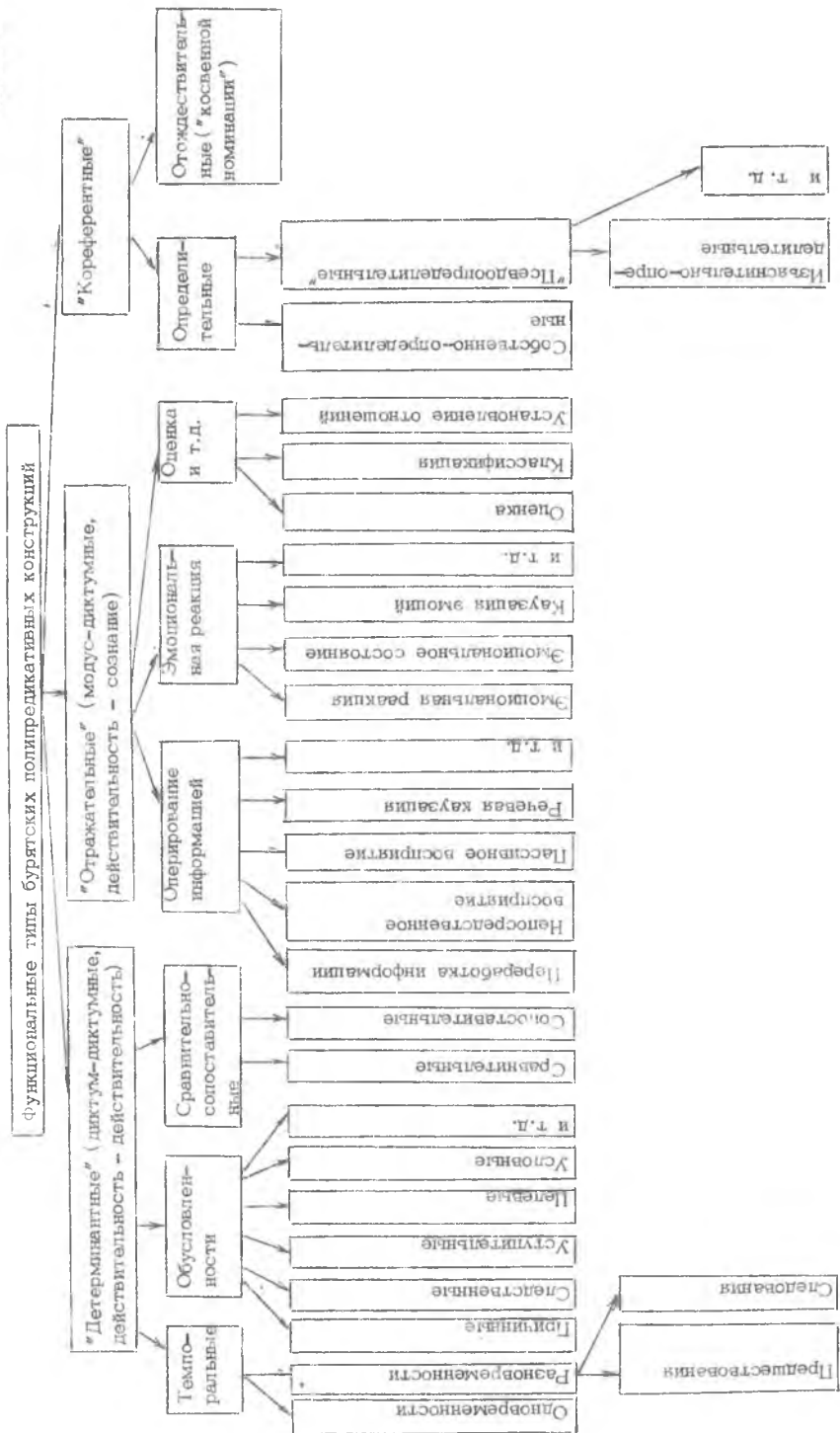
Третий класс – это конструкции, передающие отношения кореферентности, выражающие связь двух событий действительности через некоторый общий для них объект: сюда входят конструкции определительные и отождествительные (ср. рус. Книга, которую я принес, лежит на столе и То, что я принес, лежит на столе).

Приведенная классификация отражена в схеме 2.

Как уже говорилось, каждый из этих классов характеризуется спецификой использования временных форм, показателей отрицания и т.д. Наиболее ярко это можно продемонстрировать на примере причастия "настояще-прошедшего времени" на =aa (у остальных временных причастий сдвиги в семантике менее заметны). В полипредикативных конструкциях третьего типа, "кореферентных", причастие на =aa используется и в положительной, и в отрицательной формах в относительном временном значении (одновременность): энеэжэ бай=гаа басаган 'улыбающаяся девушка'; харгын хажуугаар һуу=гаа хуһад 'березы, растущие (букв.: сидящие) вдоль дороги'. В модус-диктумных причастно-падежных конструкциях форма на =aa не используется вообще, а форма =aa=гүй служит отрицательным эквивалентом причастия прошедшего времени на =һан: Мун нюур шарайгаа хубилг=aa=гүй=е=нь яжа мэдэбэт? (Б. Мунгонов) 'Откуда вы знаете, что он не изменил сейчас свою внешность (лицо)?'. В диктум-диктумном, "обстоятельственом", классе используются две идиоматизированные падежные формы этого причастия – =aa=гүй= =дэ 'пока не' и =aa=дуй=дэ 'пока еще не': Боро хараан бол=оо= =гүй=дэ, хото хорёгойнгоо сала хамыш! (Г.-Д. Дамбаев) 'Пока не настали сумерки, смети снег в ограде!'. Здесь передается относительное значение предшествования с ограничительным оттенком. Кроме того, в этом классе форма на =aa может использоваться с квазисоюзами хада и һаа в значении ирреальной модальности: Орхёод ябаш=оо һаа=тнай, балай дадажашье ядаха үгы һэн (Б. Юндунов) – 'Если бы (вы) уехали, (ее) оставив, (она) привыкла бы без особого труда'. Как видим, в каждом из трех классов полипредикативных конструкций характер употребления и семантика формы на =aa существенно различаются.

Нужно, однако, учесть, что функциональная классификация, отраженная в схеме 2, явилась результатом анализа лишь монофинитных, синтетических полипредикативных конструкций (хотя и с аналитическими уточнителями типа послелогов, частиц и др.). Нужно прежде всего проверить, обнаружатся ли аналогичные функциональные типы среди бифинитных, аналитических полипредикативных конструкций. Дальнейшая же задача – разработка более мелких функционально-семантических подтипов.

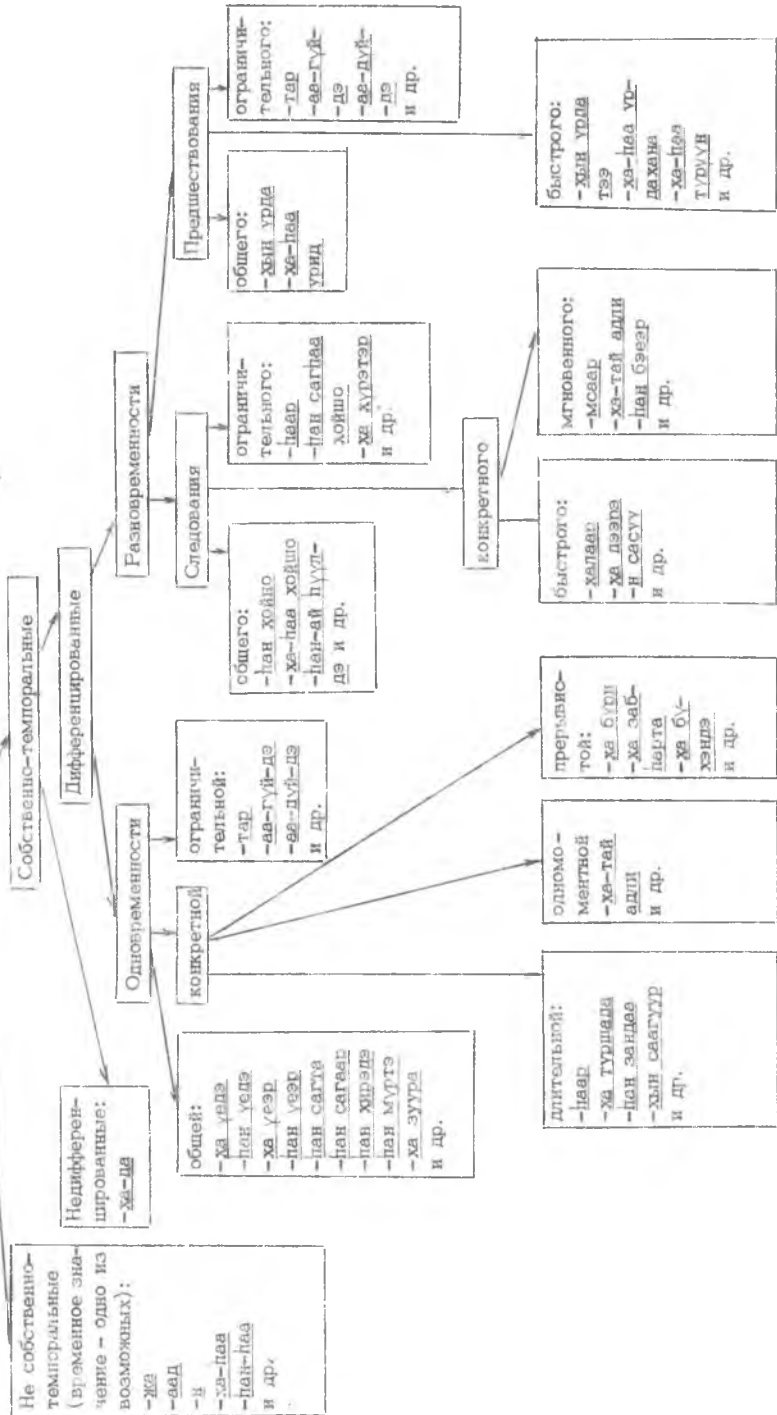
В этом направлении сделано довольно много в предшествующих описаниях, однако все же требуется серьезное дополнительное исследование. Например, рассмотрим, как обстоят дела с описанием модус-диктумного класса и входящих в него семантических групп моделей. Здесь выделены пока такие крупные группы: 1) опериро-

вание информацией, 2) эмоциональная реакция; 3) оценка; 4) установление отношений. Разумеется, входящие в них конструкции ранее уже изучались с разной степенью подробности и под разными углами зрения, но общей системной картины еще нет. Так, ясно, какие структурные типы конструкций войдут в группу оперирования информацией, – причастно-падежные, причастно-послесложные конструкции и конструкции с гэжэ; но каковы функционально-семантические отношения между ними? Сравним: Үсэгэлдэр кинодо ошо=фон=оо хэлээб – Үсэгэлдэр кинодо ошо=фон тухай=гаа хэлээб 'Я сказал, что вчера ходил в кино'; Тэрэнэй геолог бай=н=ые=нь мэдэнэб – Тэрэ геолог байһан гэжэ мэдэнэб – Тэрэниие геолог байһан гэжэ мэдэнэб '(Я) знаю, что он был геологом' и т.д. Каковы ограничения на строение зависимой части, связанные с лексико-семантическим типом глагола-сказуемого главной части? Какой может быть модальность зависимой части – и связано ли это опять же с семантикой главного сказуемого? И так далее... Аналогичные вопросы встают и по отношению к эмотивным, оценочным и другим подгруппам модус-диктумных конструкций, а ведь конструкции оперирования информацией по сравнению с ними описаны значительно лучше!

В диктум-диктумном классе, где конструкции передают отношения обстоятельственного характера, традиционно выделяются следующие подгруппы: темпоральная, сравнительно-сопоставительная и обусловленности. Для бурятского языка сравнительные конструкции остаются практически не описанными. В темпоральном блоке структура его и наполненность конкретными моделями более или менее ясны (схема 3), но необходима еще детальная проработка семантических отношений между моделями. Что касается блока обусловленности, то здесь многое неясно. Традиционно это понятие объединяет конструкции причинные, следственные, уступительные, условные и целевые. Однако непонятно, почему сюда входят только пять смысловых типов отношений? Принципиально ли это замкнутая система – или же просто другие подобные типы не попали в поле зрения исследователей? Каковы интегральные признаки этих пяти типов, т.е. каким набором сем должна обладать некоторая конструкция, чтобы ее можно было ввести в этот список под номером шестым? Можем ли мы отнести сюда конструкции предпочтения – 'чем', 'вместо того чтобы' с зависимым сказуемым в форме на =нхаар или =х=ын орондо: Юумэ хэнгүй нуу=х=ын орондо магазинда ошоод ерэ 'Чем сидеть без дела, сходи в магазин!'. Конструкции исключения – 'кроме того, что' с зависимым сказуемым в форме =ха=паа гадна: Үдэр соогоо ном унша=ха=паа гадна юушье хээгүй байхаш! 'Кроме того чтобы книги читать, (ты) весь день ничего не делал!'. Конструкции с послесловом талаанда 'лишь бы': Ульгам шударгуу морёор хатар таби=х=ын талаанда хаанашье ошохо (Ц. Номтоев) 'Может куда угодно поехать, лишь бы быстрого коня пустить рысью'. Если эти конструкции не входят в блок обусловленности, то где их место? Все эти и многие другие вопросы при функционально-семантическом описании обойти невозможно.

Бурятские полипредикативные конструкции темпоральной семантики:

Из третьего функционального класса, включающего определительные, определительно-отождествительные и отождествительные конструкции разных структурных типов, описаны в основном причастные определительные конструкции. В гораздо меньшей мере затронуты конструкции с грамматикализовавшимися словами (номинаторами) хүн ('человек'), юмэн ('венз'), газар ('место'), а также их причастно-падежными и союзными аналогами; сравним: Бидэнэй шанааг-тэ-ые тэрэ эдихээшье һанаагүй 'То, что мы сварили, он даже не подумал есть'; Хэн ажалда дуратайб, тэрэ баян һайн һуудаг /Ажалда дуратай хүн баян һайн һуудаг 'Тот, кто любит работу, живет зажиточно'. Общее системное описание также пока отсутствует.

Таким образом, как представляется, для полного системного описания синтаксиса бурятского полипредикативного предложения в ближайшем будущем необходимо сосредоточить усилия прежде всего на функционально-семантическом описании моделей, их семантических группировок, отношений между группами и единицами внутри группы. Для студенческих дипломных работ, диссертационных и других исследований в сфере сложного (полипредикативного) предложения сейчас актуальны такие темы: система конструкций обусловленности (или более подробно: причинные, целевые, уступительные и другие конструкции); сравнительные конструкции; система темпоральных конструкций; средства выражения оперирования информацией, эмоциональной реакции, оценки в бурятском полипредикативном предложении; определительные и отождествительные конструкции.

Представим теперь примерный план предполагаемого синтаксического раздела.

Введение: обоснование структуры предлагаемого описания; история вопроса и теоретическая концепция исследования. Модель как языковая единица синтаксического уровня и принципы ее выделения. Варьирование модели.

Часть 1: Структурное описание.

1.1. Общее представление о формальной устроенности бурятских полипредикативных конструкций. Понятия сичтеза и анализа при связи предикативных единиц; понятия зависимой предикативной единицы и скрепы. Морфологическая база бурятских полипредикативных конструкций: типы зависимых сказуемых (финитные и инфинитивные), типы скреп (синтетические – падежный аффикс, деепричастный аффикс и т.п.; аналитические – послелог, частицы, союзы разных видов).

1.2. Синтетическая подсистема. Формальная специфика зависимой части в конструкциях синтетического типа; понятие зависимой предикации (формы выражения грамматического субъекта, относительные категории зависимого сказуемого). Конкретные структурные типы конструкций: а) деепричастные; б) причастные беспаддежные (определяющие); в) причастно-падежные; г) причастно-послеложные; д) причастные со служебными словами другого типа.

1.3. Аналитическая подсистема. Формальная устроенность зависимой части – близость к независимому простому предложению. Особенности строения некоторых конструкций со скрепой гэжэ; средства выражения в них моносубъектности. Конкретные структурные типы аналитических полипредикативных конструкций: 1) со скрепой в линейно левой части – скрепы на базе служебного глагола гэ= (гэжэ, гэһэн и др.); 2) со скрепой в линейно правой, финальной части – скрепы на базе местоименных глаголов тии(гэ)= и ии(гэ)=, на базе других местоименных форм, наречного и другого происхождения; 3) со скрепами в обеих частях – соотносительные местоимения в связующей функции (хэн..., тэр... и т.п.).

1.4. Конструкции, пограничные с собственно-полипредикативными. Средства усложнения полипредикативных биномов – скрепы типа ...гу, али...; средства организации текста – скрепы типа нэгэ талаһаа..., нүгөө талаһаа...; конструкции прямой речи.

1.5. "Бессоюзные" предложения.

Часть 2. Функционально-семантическое описание бурятских полипредикативных конструкций.

2.1. Общее представление о функциональных типах конструкций и параметры их выделения.

2.2. Диктум-диктумный функциональный класс (конструкции с зависимой частью обстоятельственной семантики). Общие характеристики; дальнейшая классификация. Система темпоральных конструкций. Система конструкций обусловленности: причинно-следственные, условные, уступительные, целевые и др. Система сравнительных и сопоставительных конструкций. Системные отношения внутри класса.

2.3. Модус-диктумный функциональный класс (конструкции, передающие отражение действительности в человеческом сознании). Общие характеристики: обязательное присутствие в главной части сильноуправляющего предиката, обуславливающего определенную форму сказуемого зависимой части. Основные семантические классы. Система конструкций, передающих оперирование информацией; их соотношение с конструкциями прямой речи. Лексико-семантические группы организующих эти конструкции глаголов, их влияние на параметры зависимой части (модальность/время, моносубъектность/разносубъектность и др.), Система конструкций эмоциональной реакции, их соотношение с причинными, типы главных сказуемых, характеристики зависимой части. Оценочные конструкции. Конструкции с именами отношений. Другие виды модус-диктумных конструкций. Системные отношения внутри класса.

2.4. Кореферентный функциональный класс (определительные и отождествительные конструкции). Сущность определительных отношений (снятая предикация) и отождествительных отношений (косвенное именование, знаковая эквивалентность). Типы определительных конструкций: собственно-определительные, определительно-исяснительные и др. Типы отождествительных конструкций.

Заключение: общая характеристика бурятского полипредикативного предложения. Тенденции развития системы, средства ее пополнения – источники возникновения новых моделей.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что одна из основных целей этой статьи – предложить материал для обсуждения, с тем, чтобы намеченный комплекс задач мог быть решен коллективными усилиями.

Примечания

¹ См.: Колосова Т.А., Черемисина М.И. О принципах классификации сложных предложений // *Вопр. языкознания.* – 1984. – № 6. – С. 69–80.

² Подробнее см.: Скрибник Е.К. О синтаксическом статусе конструкций с инфинитивными формами глагола в бурятском языке // *Проблемы монгольского языкознания.* – Новосибирск, 1988. – С. 85–93.

³ Ср., например: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка: Синтаксис.* – М., 1962: “обороты” занимают 60 страниц (с. 117–177), “сложное предложение” – 133 (с. 178–311). Аналогичное соотношение и в других синтаксических работах: Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. *Буряад хэлэнэй синтаксис.* – Улан-Удэ, 1985: обороты – с. 64–71, сложное предложение – с. 89–128; Шагдаров Л.Д. *Буряад хэлэн. Хоёрдохи хуби.* Синтаксис. – Улан-Удэ, 1986: “обородууд” – с. 53–70; “сложно мэдүүлэл” – с. 105–161.

⁴ См.: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций. – Новосибирск, 1986; Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке (структурно-семантическое описание). – Новосибирск, 1988.

⁵ Убрятова Е.И. *Исследования по синтаксису якутского языка.* II. Сложное предложение. – Кн. 1. – Новосибирск, 1976. – С. 102–142.

⁶ Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 233–231, 241, 243–244 и др.; Пюрбеев Г.Ц. *Типы сложных предложений в монгольских языках.* – М., 1979; см. также: Скрибник Е.К. *Модели бурятских полипредикативных конструкций с показателем гэжэ* // *Показатели связи в сложном предложении.* – Новосибирск, 1987.

⁷ Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 211–220 и др.; Пюрбеев Г.Ц. *Типы сложных предложений...*; Скрибник Е.К. *О синтаксическом статусе...* – С. 89. Отметим, что Т.А. Бертагаев при объяснении использования местоименных союзов в начале предложения или абзаца придерживался той точки зрения, что здесь налицо “дезинтеграция, или распад, предложений” (Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 293). Если так, то бурятское

сложное предложение "распалось" довольно основательно, — как уже говорилось, около 90% употребления этих скреп приходится именно на межфразовую функцию.

⁸ См., например, классификацию сложных предложений и "предложений с оборотами" в уже названных синтаксических описаниях бурятского языка.

⁹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955. — С. 43-45; см. также: Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. — Новосибирск, 1987.

Э.У. ОМАКАЕВА

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Основное понятие в системном описании простого предложения — это модель предложения. Предложение традиционно считается основной единицей синтаксиса. Следовательно, семантика (план содержания предложения) включается в синтаксис. Этим объясняется появление таких терминов, как "семантический синтаксис", "синтаксическая семантика". Представляется плодотворным представление о синтаксисе как сфере односторонних единиц¹. Синтаксическая модель предложения формируется глаголом и его актантами, т.е. основной единицей синтаксического уровня выступает глагольно-актантная конструкция. Актантный каркас предложения может распространяться за счет сирконстантов, отражающих факультативные валентности глагола.

Актантная модель и модель членов предложения не эквивалентны друг другу. Принципиальное отличие актантов от членов предложения заключается в том, что актанты — это односторонние единицы синтаксиса, а не знаки (семантико-синтаксические единицы), как члены предложения.

Применение актантной теории позволяет по-новому поставить вопрос о типах простого предложения в монгольском языке. Существующие в монголоведной литературе классификации простого предложения в основном опираются на традиционное представление о субъектно-предикатной (подлежащно-сказуемостной) природе предложения. Так, Т.А. Бертагаев подразделяет все простые предложения на две группы: двусоставные и односоставные (одночленовые). "Двусоставные предложения однотипны", а "односоставные распадаются на ряд подтипов: безличные, обобщенно-личные, определенно-личные и назывные"².

Монгольские ученые также выделяют двусоставные и односоставные предложения. Односоставными именуются предложения с од-

ним главным членом. По своей структуре он бывает трех типов³. Первый тип – совмещение в одном слове подлежащего и сказуемого: Гандав (Ган болов); Зуншлаа (Зун бол-лоо). Второй тип представлен сказуемым, третий – подлежащим. Соответственно выделяют безличные и номинативные предложения. В безличных предложениях подлежащего нет и не может быть: Зундаа их бороошив 'Летом сильно дождило', Хуний гараар могой бариулах 'Чужими руками жар загребать'. Общепринятое деление предложений на односоставные и двусоставные ведет к объединению различных в структурном отношении конструкций.

Г.Ц. Пюрбеев определяет простое предложение, исходя из понятия "элементарное, или ядерное, предложение". По его мнению, в современном монгольском языке существуют следующие типы элементарных предложений: 1) назывные: Өвөл 'Зима', Хавар 'Весна'; 2) подлежащно-субъектные: Нар гарав 'Солнце взошло'; 3) бесподлежащные: а) безличные: Дулаарав 'Потептело'; б) обобщенно-личные: Явцгаая 'Пойдемте'; 4) бесподлежащно-субъектные: Багшаас уг хэлэв 'Учитель произнес речь'⁴.

Другое направление в монголоведении представляет работа Е.А. Кузьменкова⁵, в которой дана валентностная классификация синтаксических конструкций. Мы также придерживаемся вербоцентрической концепции и считаем, что именно понятие валентности должно лечь в основу классификации простого предложения. Под синтаксической валентностью понимается способность глагола-сказуемого (как структурного центра предложения) открывать определенное число мест, которые должны или могут занимать обязательными или факультативными актантами.

Понятие валентности применимо и к семантическому уровню, основной единицей которого является предикатно-аргументная конструкция. Аргументы – участники ситуации, которую обычно называет глагол; они определяются лексикографическим толкованием глагольной лексемы. Типы предложений, выделенные по их семантической структуре, называют семантическими моделями предложения. Семантические модели, в отличие от синтаксических, имеют универсальный характер. Традиционное монголоведение ограничивалось лишь выделением структурных (синтаксических) типов предложения, семантические модели практически не выявлены. Между тем исследование соотношения семантической модели и ее синтаксических реализаций может пролить свет на решение ряда проблем.

Выявление синтаксических и семантических моделей монгольского простого предложения проводится на основе семантико-синтаксической классификации глаголов, предложенной Е.А. Кузьменковым⁶.

Одновалентные глаголы

Эти глаголы образуют одноактантные конструкции П – С, где П – подлежащее, С – сказуемое. Е.А. Кузьменков считает одновалентные глаголы состояния глаголами минимальной валентности в

монгольском языке. На наш взгляд, в монгольском языке существуют нуль-актантные конструкции, образуемые нуль-валентными глаголами типа борооших 'дождить', хүйтрэх 'холодать' и т.д. С помощью нуль-актантной структуры выражается бессубъектный процесс – это состояние окружающей среды, атмосферные явления и т.п. С точки зрения актуального членения глагол-сказуемое является ремой. Что касается темы, то она опущена, но может быть восстановлена из контекста. Функцию темы в этих конструкциях выполняют либо локализатор, либо темпоральный элемент. Они являются сирконстантами, так как не отражают семантические валентности глагольной лексемы, ср.: Гадаа хүйтрэв 'На улице похолодало'; Зундаа их бороошив 'Летом сильно дождало'. Нуль-актантные конструкции эквивалентны одноактантным конструкциям с предикатным актантом: Бороо орж байна 'Идет дождь'; Хүйтэн болов 'Стало холодно'. Под предикатным актантом понимается актант, выражающий ситуацию.

К одновалентным глаголам можно отнести следующие группы глаголов.

1. Глаголы переменной валентности типа хүйтрэх 'холодать'. Одноактантная структура, образуемая этими глаголами, семантически эквивалентна двухактантной структуре с глаголом-связкой: Тэнгэр хүйтрэв 'Погода похолодала' – Тэнгэр хүйтэн болов 'Погода стала холодной'. Обе модели имеют общее значение – квалификация (характеристика) субъекта. Отличие одновалентного глагола хүйтрэх от нуль-валентного заключается в том, что он соответствует одностороннему квалификативному предикату, а нуль-валентный – нуль-местному процессному предикату. Первый актант не имеет морфологического маркера. Семантический тип лексемы – неодушевленное имя. Семантическая роль – субъект. Соответствует теме.

2. Экзистенциальные, или бытийные, глаголы типа байх 'быть, существовать'. Глагол байх представляет большой интерес для лингвистов. Хотя появились отдельные статьи по данному вопросу, семантико-синтаксическая характеристика этого глагола остается не совсем ясной и полной. Е.А. Кузьменков считает глагол байх во всех его функциях знаменательным глаголом. На наш взгляд, следует различать знаменательный глагол байх и служебный глагол байх. Но эта оппозиция нерелевантна для характеристики синтаксического статуса глаголов: и в том, и в другом случае эти глаголы являются вершиной конструкции. Различие заключается в том, что служебный глагол байх образует копулятивные (связочные) конструкции.

Бытийный глагол байх имеет одну синтаксическую валентность на подлежащее и одну семантическую валентность на субъект бытия. Модель, образуемая одновалентным глаголом байх, предназначена для выражения факта существования предмета (лица, явления): Туулай гэж нэг аюултай амьтан бий 'Есть одно опасное живое существо под названием заяц'. Первый актант может быть выражен конкретным или абстрактным именем, одушевленным и неодушевленным именем. Не имеет морфологического маркера, соответствует теме.

3. Статальные глаголы типа унтах 'спать', зовоx 'мучиться' выражают состояние субъекта. Это состояние может быть внешним, физическим, или касаться чувств и переживаний субъекта. Конструкции, образованные глаголами, производными от прилагательных, эквивалентны связочным конструкциям. Одни глаголы типа унтах употребляются только с одушевленным подлежащим, другие - с неодушевленным. Единственный актанта - подлежащее - выражает субъект, не маркирован падежным аффиксом и совпадает с темой.

4. Функциональные глаголы "неполной предикации" ирэх, орох, гарах, хүрэх (омонимы глаголов движения), болох (омоним связочного глагола), обозначающие возникновение или появление: цас оров 'выпал снег', ус ирэв 'появилась вода', нар гарав 'появилось солнце', айдас хүрэв 'появился страх', зун болов 'наступило лето'. Единственный актанта этих глаголов имеет предикатное значение, выполняет функцию темы.

5. Пассивные дериваты с результативным значением типа нээ-гдэх 'быть открытым' образуют конструкции, в которых нарушено соответствие субъект - подлежащее: үүд нээгдэв 'Дверь открылась'; Цагийн хуваарь өөрчлөгдөв 'Расписание изменилось'; Хоёр цэрэг маань алагдав 'Два наших солдата убиты'; Бид бүслэгджээ 'Мы окружены'. Исходной конструкцией является Аав үүд нээв 'Отец открыл дверь', Багш цагийн хуваарь өөрчлөв 'Учитель изменил расписание', Энэ хүмүүс манай хоёр цэргийг алав 'Эти люди убили двух наших солдат', Дайсан биднийг бүслэв 'Враг окружил нас'. В двучленном пассиве позицию подлежащего занимает объект, который в исходной активной структуре выражен прямым дополнением. Субъект не получает выражения на синтаксическом уровне. Первый актанта может быть одушевленным (цэрэг, бид) и неодушевленным (үүд, цагийн хуваарь), именным и предикатным. Возможна парцелляция - вынос актанта за сказуемое: Яг тэр өдөр ойлгогдоно доо. Миний санаж явсан юм 'Именно в этот день станет понятным то, о чем я думал'. В приведенном примере парцеллятом является предикатный актанта, выраженный номинализованной конструкцией. В монголоведной литературе подобный факт интерпретируется как инверсия. На наш взгляд, это все-таки парцелляция, ибо монгольское сказуемое всегда находится в абсолютном конце предложения, а инверсия происходит только в пределах предложения. При парцелляции отдельные члены предложения выделяются из состава предложения и отделяются от него паузой, отмечаемой на письме точкой, как в нашем примере, или запятой (иногда пауза на письме не обозначается). Явление парцелляции подтверждает нетождественность терминов "предложение" и "высказывание". Парцеллят вместе с базовым предложением (т.е. два предложения) образуют единое дробленое высказывание. Парцелляция - характерная особенность разговорной речи, наблюдающаяся в различных типах конструкций. Парцеллятами могут быть и актанта, и сирконстанты: Эрүүл агаар нь л хэрэгтэй юм биз дээ бидэнд 'Свежий воздух ведь нужен нам'; Манайдаа л зохиолч юм байна шүү дээ Очир нь 'У нас писатель Очир твой'; Ямар сайхан үнэртэй юм энэ цай чинь 'Какой хороший запах

у этого чая'; Зөв дөө тэр чинь 'Правильно это'; Хөний хүүхдүүд вэ, та нар? 'Чи вы дети (букв.: Чи дети - вы?)'; Төмрөөр хийсэн хүн биш шүү би 'Я ведь не из железа (букв.: Не человек, сделанный из железа, - я)'; Та хараач, Тэр өнчин охиныг 'Вы посмотрите, На эту сиротку'; Залуу хүн шүү дээ, Чи 'Молодой человек, Ты'; Их гайхуулж дээ чи 'Очень удивил ты'; Ор л доо манайд 'Входи же к нам'; Ингэж асуудаг юм уу? Холгоос яваа хүнийг 'Разве так спрашивают? Человека, идущего издалека'; Чи нээрээ шал өөр болчихож. Ганцхан жилд шүү 'Ты действительно стал совсем другим. Всего за один год'; Гэрээ л их саналаа. Бас чамайг 'Очень скучал по дому. По тебе тоже'. Парцелляция является характерной особенностью разговорной экспрессивной речи и заслуживает специального исследования.

6. Глагол төрөх 'рождаться': Зургаа дахь хүүхэд минь төрлөө 'Мой шестой ребенок родился'; Хаврын дунд сарын нэг их шуурга-тай өдөр тэр охин төржээ 'Та девочка родилась апрельским вьюжным днем'. Данный глагол сочетается только с одушевленным подлежащим, которое выражает субъект состояния и тему. Подлежащее может быть парцеллировано: Хэцүүхэн ч цагт төржээ бид 'В трудное же время родились мы'. Глагол төрөх 'рождаться' обладает, по-видимому, переменной валентностью, образуя двухтактную структуру: П - Д_{абл} - С, где второй актанта (аблативное дополнение) маркирован исходным падежом -аас и выражает источник: үдэш нь эгчээс тас хар үстэй жижигхэн хүү төрөөд... 'Вечером у сестры родился маленький сын с совершенно черными волосиками...' Глагол төрөх в этой конструкции может быть заменен на гарах: Төрөх тасагт хэвтсэн Туяагаас охин гарлаа 'У Туи, находившейся в роддоме, родилась девочка'.

Двухвалентные непереходные знаменательные глаголы

Эти глаголы образуют модель П - КД - С, где КД - косвенное дополнение. Можно выделить несколько подклассов в зависимости от маркировки и семантики второго актанта (косвенного дополнения).

1. Глаголы типа баярлах 'радоваться' со значением "каузированного состояния одушевленного субъекта" образуют конструкцию П - Д_{адр} - С. Второй актанта (Д_{адр}) маркирован дательно-местным падежом: Аюур нүдэндээ ч итгэсэнгүй 'Аюур даже своим глазам не поверил'; Бумаа... найз нартаа их итгэдэг 'Бума очень верит своим друзьям'; Чи надад гомдсондол 'Ты на меня обиделся'. Первый актанта (подлежащее) является одушевленным (лицом) и выражен именем существительным и местоимением. Глагол итгэх 'верить' в отличие от других глаголов этого подкласса образует и другую конструкцию: П - Д_{пр} - С, если второй актанта неодушевленный: Цэмаагийн үгийг Бумаа мөн итгэж байв 'Словам Цэмы Бума верила'; Энэ домгийг хавь ойрын хүмүүс итгэдэг 'Этой легенде

местные люди верят'. В приведенных примерах наблюдается инверсия второго актанта (Д₂) в целях его тематизации. Происходит изменение актуального членения предложения – нарушение соответствия "первый актант (подлежащее)=тема".

Глаголы данного подкласса могут образовывать конструкцию с предикатным актантом, который обозначается зависимыми конструкциями – глагольными оборотами и предложениями: Бид шинэ байдлаар харилцаа тогтооно гэдэгт итгэж байна 'Мы верим в то, что установим связи новым способом'; Тэрээр ийм үг сонсоно гэдэгт итгэж байсан 'Он верил в то, что услышит такие слова'; Үнэхээр ч тийм хүн гэж би итгэдэг 'Я верю, что он действительно такой человек'; Аюур ч бас ач хүүтэй болсондоо баярлаж байлаа 'Аюур тоже радовался тому, что у него появился внук'; Намайг они авахад ээж их баярладаг 'Мама очень радуется, когда я получаю пятерки'; Би чамтай ах дүү болж төрсөндөө ичиж байна 'Я стыжусь того, что являюсь братом тебе'; Ганбат ирээгүйд Дэнсмаа баахан гомдох болсон юм 'Дэнсма сильно обиделась на то, что Ганбат не пришел'; Аавыгаа баазын манаач болсонд том хүү нь ихэд дургүйцэн... 'Старший сын был очень недоволен тем, что отец стал сторожем базы'.

Предикатный актант маркирован дательно-местным падежом (-д, -т) или служебным словом гэж, ведущим свое происхождение от деепричастной формы глагола гэх 'говорить'.

2. Глаголы типа дадах 'привыкать', бэлдэх 'готовиться' тоже образуют конструкцию П – Д_{адр} – С, но в отличие от эмотивных

глаголов не могут иметь предикатный актант с маркером гэж: Хуяг шинэ ажилдаа түргэн дадлаа 'Хуяг быстро привык к новой работе'. Первый немаркированный актант (подлежащее) является одушевленным, а второй актант – неодушевленным.

3. Пассивные глаголы типа идэгдэх 'быть съеденным' образуют конструкцию П – Д_{адр} – С, где подлежащее выражает объект, а второй актант (Д_{адр}) – субъект. Например: (1) Даримаа Дор-мэдэд орхигдоод... 'Дарима была брошена Дормэдом'; (2) Чи надад их таалагддаг 'Ты мне очень нравишься'; (3) Тэр орой Мандах бидэндээ үзэгдэсэнгүй 'В тот вечер Мандах нам не попадался на глаза'; (4) Надад таних хүн ч харагдахгүй юм 'Мне даже знакомый не попадает на глаза'; (5) Танил дотно нүүр Паламд харагдлаа 'Знакомое близкое лицо глянуло на Палам'; (6) Бүхээгний хаалга салхинд савагджээ 'Дверь кабины распахнулась на ветру'; (7) Энэ золигийг энд орж ирээгүй байсан бол би юунд та нарт баригдаж үйлээ үзэх билээ 'Если бы этот не пришел сюда, разве бы я вам попался и страдал'.

К пассивным глаголам относятся дериваты на -гд (-д, -т) и некоторые непроизводные глаголы. В последнем случае речь идет о так называемом "лексическом пассиве"¹. Пассивные дериваты образуются от большинства переходных глаголов. Возникает вопрос: пассивный глагол обозначает ту же ситуацию, что и активный,

или нет? По мнению Е.А. Кузьменкова, актив отражает одну ситуацию, а пассив - другую⁸. На наш взгляд, одна семантическая модель - предикат и два его аргумента (субъект и объект) - имеет две синтаксические реализации: П - Д_{пр} - С и П - Д_{адр} - С. При

трансформации актива в пассив происходит изменение синтаксического статуса аргументов. Но необходимо иметь в виду следующее:

1) не все пассивные конструкции имеют активный коррелят:

Сурэн бодолдоо автаж... 'Сурэн был охвачен мыслями';

2) способность конструкции к пассивной трансформации зависит от семантики исходного глагола и дополнения;

3) В тех случаях, когда возможен и актив, и пассив, выбор определяется семантическими и стилистическими факторами.

В пассивных конструкциях первый актанта, выражающий объект, является одушевленным (см. примеры 1-4, 7) и неодушевленным (см. примеры 5, 6), выполняет функцию темы, поскольку располагается в препозиции ко второму актанта, выражающему субъект и входящему в ремю. Пассивные конструкции допускают инверсию - вынесение второго актанта в начало предложения - с целью изменения актуального членения предложения (тематизации субъекта - см. пример 4).

4. Двухвалентные глаголы чувства и состояния типа айх 'бояться' образуют модель П - Д_{абл} - С:

(1) Бид түүнээс заримдаа айдаг юм 'Мы его иногда боимся';

(2) Надаас бол бүр ч айхгүй 'Меня же совсем не боится'; (3)

Хулгайчаас би айхгүй 'Воров я не боюсь'.

Первый актанта (подлежащее) выражает одушевленный субъект, в нейтральном высказывании (пример 1) предшествует аблативному дополнению и совпадает с темой. В экспрессивном высказывании путем инверсии тематизируется второй актанта (Д_{абл}) - примеры

2, 3. Глаголы данного подкласса образуют конструкцию с предикатным актанта: (4) Та нарыг чий ирэхгүй гэж айлаа шүү 'Боялась, что вы не придете'.

Второй актанта выражен зависимой конструкцией с показателем гэж, первый актанта чаще всего выражается личными местоимениями. Если первый актанта заранее известен, то он может быть эллиптирован (см. примеры 2, 4).

5. Глаголы с семантикой "процесса отделения, отстранения от чего-, кого-либо" образуют конструкцию П - Д_{абл} - С, как и глаголы предыдущего подкласса. Это глаголы типа хожимдох 'опасды-

вать', мултрах 'избегать' и т.д.: Та хоёр ажлаасаа хожимдоо гуй 'Вы оба не опоздали на работу'; Тэр аюулаас мултрав 'Он избежал опасности'.

Первый актанта выражает одушевленный субъект, второй - чаще неодушевленный. Позиция первого актанта зависит от его функции в актуальном членении предложения. Глагол салах в значении 'расходиться' образует две синтаксические конструкции: П - Д_{абл} - С

(Тэр эхнэрээсээ салав 'Он развелся со своей женой') и П - С (Хоёр дарга ийг ярилцаад салав 'Оба начальника, так поговорив, разошлись'). В первом случае один из субъектов выражен аблативным дополнением, во втором случае оба субъекта выражены в подлежащем - коллективном актанте. Преобразование двухактантной структуры в одноактантную возможно лишь в том случае, если второй актант выражает одушевленный субъект.

6. Глаголы типа шалтгаалах 'зависеть' образуют конструкцию П - Д_{абл} - С: Гэсэн ч тэр хүний цаашдын хувь заяа танаас л шалтгаална 'Дальнейшая судьба этого человека зависит только от вас'. Первый актант, как и второй, может быть и одушевленным, и неодушевленным.

7. Глаголы взаимного действия образуют конструкцию П - Д_{ком} - С. Это первичные глаголы типа мэндлэх 'здороваться' и дериваты на -лд (реципроки) типа барилдах 'бороться':

(1) Чулуунтай бүгд мэндлэв 'С Чулуном все поздоровались'; (2) Тэр хүн бидэнтэй мэндлээд... 'Тот человек с нами поздоровался'; (3) Та ямар өөдгүй амьтантай нөхөрлөдөг юм бэ? 'С каким противным существом вы дружите?'; (4) Би Намсрайтай уулзав 'Я встретился с Намсраем'.

Глаголы взаимного действия обозначают сложную симметричную ситуацию с двумя равноправными субъектами. Первый актант (подлежащее) не имеет морфологического маркера и выражает один из субъектов. Обязательное условие образования реципрока - оба субъекта должны быть лицами. Место первого актанта относительного второго (Д_{ком}) определяется актуальным членением предложения.

Например, первый актант соответствует теме в примерах 2-4, а в примере 1 темой является второй актант.

Глаголы взаимного действия обладают переменной валентностью. Та же ситуация может быть выражена с помощью одноактантной структуры П - С, где оба участника действия выражены в подлежащем:

(1) Сандаг Очир хоёр хэрэлдэж... 'Сандаг и Очир поссорились'; (2) Манай хоёр хэрэлджээ 'Наши двое поссорились'; (3) Энэ хэд маань тун их шуугилдаж байна 'Эти очень шумят'; (4) Цөм инээлдэн... 'Все засмеялись...'.

В приведенных предложениях единственный актант является коллективным, или сложным.

8. Глаголы совместного действия на -лд образуют социативную конструкцию П - Д_{ком} - С или П - С. Например: Нэг удаа би Чимиддоржтой ярилцаж байгаад... 'Однажды я разговаривал с Чимиддоржем...'; Би танай багш нартай ярилцана 'Я поговорю с вашими учителями'; Ухаантай хүүхэн гэж бүгд ярилцдаг юм 'Все говорят, что умная девушка'; Цэцэгмаа бид хоёр танилцаад хэдэн жил болдоо 'Прошло несколько лет, как я и Цэцэгмаа познакомились'; Ингээд л хоёр өвгөн үзэлцэж гарлаа 'Так два старика, увидевшись, вышли'.

Первый актант в социативных конструкциях имеет те же характеристики, что и в реципрокных.

9. Глаголы типа таарах 'годиться, подходить, соответствовать' образуют два вида конструкций, различающихся оформлением второго актанта: П - Д_{ком} - С и П - Д_{адр} - С: Тантай бол буур ч таарна 'А вам тем более подойдет'.

Е.А. Кузьменков пишет: "Конструкция с Д_{ком} на базе этих глаголов образуется значительно реже, при этом требуется, чтобы второй актант (Д_{ком} - Э.О.) выражал ситуацию"⁹. Приведенный нами пример свидетельствует о том, что второй актант может выражать не только ситуацию, но и лицо:

(1) Энэ түлхүүр хаалганд таарахгүй байна 'Этот ключ не подходит к двери'.

(2) Энэ хувцас чамд таарна 'Эта одежда тебе идет'.

Первый актант (подлежащее) является неодушевленным, второй актант может быть как одушевленным (см. пример 2), так и неодушевленным (см. пример 1).

От глагола таарах может быть образован реципрок тааралдах 'встречаться, попадаться'. Как и исходный глагол, он двухвалентен, но один из актантов всегда факультативен:

(1) Харьж явсан чинь Цагаандай инженер тааралдаад... 'Когда возвращался, встретился инженер Цагандай'; (2) Аз болоход хоссон такси тааралдаж... 'К счастью, попалось пустое такси'; (3) Хөдөө чоно дайралдвал буудахгүй юу? 'Если в степи встретится волк, не будешь стрелять?'; (4) Аз болж хүнтэй тааралдаагүй бол амь алдах л байсан битээ 'Если бы, к счастью, не встретился с людьми, потерял бы жизнь'.

Обязательный актант глагола тааралдах и его синонима дайралдах может выражать лицо (примеры 1, 4), может быть одушевленным (6) и неодушевленным (2).

10. Глаголы движения делятся на глаголы ориентации и глаголы способа движения. В первую группу входят глаголы типа ирэх 'приходить', во вторую - глаголы типа гүйх 'бежать'. Глаголы движения обладают различной валентностью.

10.1. Глагол гарах 'выходить' является двухвалентным: одна валентность - на имя субъекта движения, вторая - на локативное или исходное дополнение:

(1) Би тэр оргилд гарах ёстой 'Я должен взойти на ту вершину'; (2) Ээлжийн ажил дуусч бид уурхайгаас гарлаа 'Смена закончилась, и мы вышли из шахты'; (3) Бутнаас нэг нохой гарч зугтаав 'Из куста выскочила собака и побежала'.

Первый актант выражает прежде всего лицо; второй - Д_{лок}, оформленный показателем дательного-местного падежа, - конечную точку движения (см. пример 1) или Д_{исх}, оформленный показателем исходного падежа, - исходный пункт движения. Первый актант предшествует второму и выражает тему. Не начальная позиция пер-

вого актанта в примере (3) объясняется тем, что тему обозначает второй актант.

10.2. Глагол ирэх 'приходить' образует прежде всего конструкцию П - Д_{лок} - С: Тэр хүн ажилдаа ирсэнгүй 'Тот человек не пришел на работу'. Второй актант часто опускается: Аав ирэв 'Отец пришел'.

10.3. Глагол орох 'входить' также образует двухактантную конструкцию П - Д_{лок} - С: Баяржаргал шуудангийн тасалгаанд орлоо 'Баяржаргал вошел в почтовое помещение'.

10.4. Глагол очих 'пойти, отправиться' является двухвалентным: Орой бид хоёр тэднийд очлоо 'Вечером мы пошли к ним'; ...цонх өөд очлоо '...пошел к окну'. Второй актант оформляется показателем дательного-местного падежа или послесловием өөд.

10.5. Глагол явах 'ходить' образует четыре вида конструкций: 1) П - Д_{исх} - С (Тэр хүн эндээс гэнэт явав 'Тот человек неожиданно ушел отсюда'); 2) П - Д_{ок} - С (Багш хэдөө явсан 'Учитель уехал в худон'); 3) П - Д_{дир} - С (Би гол руу явна 'Я пойду к реке'); 4) П - Д_{простр} - С (Нэгэн залуу гудамжаар яаралгүй явж байв 'По улице не спеша шел молодой человек').

10.6. Глагол хүрэх 'дойти, достигнуть' образует конструкцию П - Д_{лок} - С, где второй актант выражает предел движения: Тэр хоёр хаалга хүрэв 'Те двое дошли до двери'.

10.7. Глагол хөдлөх 'двигаться, трогаться' образует конструкцию П - Д_{исх} - С: Машины цуваа аж ахуйн төвөөс алгуурхан хөдлөж... 'Колонна машин тихонько тронулась от центра хозяйства'.

11. Глаголы типа зүүгдэх 'цепляться' (от зүүх 'цеплять') образуют рефлексивную модель, в которой и субъект, и объект выражены в подлежащем. Рефлексивная модель имеет два варианта: П - Д_{абл} - С и П - Д_{адр} - С. Например: Хоёр хүүхэд нь... хормойноос зүүгдэн... 'Двое ребят повисли на подоле...'; Модны мөчирт хувцасаараа зүүгдэнэ 'Зацепишься одеждой за ветви дерева'.

12. Глаголы местонахождения типа байх, суух 'жить, находиться где-либо, имеют две валентности: одну на имя субъекта и вторую на локатив. Приведем примеры:

(1) Би Улаанбаатарт байдаг 'Я живу в Улан-Баторе'; (2) Манайх энд байдаг юм 'Наши живут здесь'; (3) Зүүн байшинд бол манай эгч нар суудаг юм 'В доме с левой стороны живут наши сестры'; (4) Жаахан дөрвөн ханатай гэрт нэг хижээл хүүхэн сууж байна 'В маленькой четырехстенной юрте живет одна пожилая женщина'; (5) Энд аав ээж маань байдаг 'Здесь живут наши родители'.

Первый актант, как правило, выражен лицом, не имеет морфологического маркера. Обычная позиция первого актанта (подлежащего) - начальная (см. примеры 1, 2), т.е. он выражает тему. Если тематизируется второй актант (локатив), то происходит инверсия: примеры 3-5.

Если тема известна заранее, то она может быть опущена. В случае совпадения первого актанта и темы актант эллиптируется: (Тэр хүн чинь одоо хаана байдаг юм бэ?) – Энэ хотод л байдаг байх '(Тот человек где сейчас?) – В этом городе живет, по-видимому.

Конструкции местонахождения могут быть распространены за счет указания на способ местонахождения, на отрезок времени: Тэр хүн ганцаараа, хувийн жижиг модон байшинд суудаг юм билээ 'Тот человек живет один в частном маленьком деревянном доме'. Слово ганцаараа 'один' имеет сирконстантный статус и входит в рему. В предложении Өдөр бол их төлөв гэрт байна 'Днем же большей частью сидит дома' слово өдөр тоже является сирконстантом, но выражает тему, что маркируется начальной позицией и темовыделителем бол.

13. Глагол локативного наличия байх 'есть, имеется' тоже образует модель Д_{лок} – П – С, но семантическая модель здесь иная:

Манай ангид нэг том охин бий 'В нашем классе есть одна взрослая девушка'; Цэцэрлэгийн дунд жижигхэн нуур ус байх юм 'Посреди сада есть маленькое озеро'; Түүнээс цааш намаг бий 'Дальше – болото'; Дэлгүүрийн барааны хажууд нэг хасаг тэрэг байна 'Рядом с магазином стоит арба'; Замд нь нарийхан гол бий 'По дороге есть узенькая речка'; Халуун саванд цай бий шүү 'В термосе есть чай'.

В конструкциях локативного наличия первый актант (подлежащее) может быть одушевленным и неодушевленным. Отличительной особенностью данных конструкций является то, что второй актант, обозначающий локализатор, – неодушевленный; он оформляется показателем дательно-местного падежа или послелогом. В нейтральном высказывании тему выражает локализатор, а первый актант – субъект и рему.

В зависимости от лексического и грамматического выражения локализатора синтаксическая модель Д_{лок} – П – С может иметь

значение посессивного наличия / обладания (наличия предмета или лица относительно другого лица). Поскольку лексема 'иметь' в монгольском языке отсутствует, в конструкциях обладания используется все тот же двухвалентный полнозначный бытийный глагол байх:

(1) Надад нэг ажил байна 'У меня есть одна работа'; (2) Та нарт шүдэнз бий юу? 'У вас есть спички?'; (3) Хүнд зөн совин гэж бий 'У человека есть интуиция'; (4) Жаргалтай хүнд зовлон гэж бас бий шүү дээ 'У счастливого человека тоже есть страдания'; (5) Надад ингэх боломж байлаа 'У меня была возможность так поступить'; (6) Надад нөхдөөсөө арай дотно байдаг нэг бүсгүй бий 'У меня есть одна девушка, которая ближе друзей'; (7) Бадрахад бас сургуулийн найз бий 'У Бадраха тоже есть школьный друг'; (8) Чимгээд бас нэг шүүгээ байх юм 'У Чимгэ тоже есть один шкаф'; (9) Надад мөнгө байна 'У меня есть деньги'; (10) Надад бээлий бий л дээ 'Да есть же у меня варежки'; (11) Надад ч нэг хүүхэн бий 'И у меня есть девушка'.

Имя, выражающее объект обладания (субъект посессивного на- личия), является первым актантом (подлежащим). Он может быть одушевленным (выражать лицо - см. примеры 6, 7, 11) и неоду- шевленным, выражаться именем с конкретным значением (примеры 1, 3-5). Предложения данной конструкции не допускают инверсий: первый актант всегда следует за вторым, что объясняется, по-ви- димому, тем, что тема, тяготеющая к началу предложения, подра- зумевает определенность, а подлежащее в конструкциях обладания является неопределенным.

Ситуация обладания может быть выражена с помощью связоч- ной конструкции П - Д_{КОМ} - С, где С - служебный глагол-связка

байх. Ему можно приписать две основные функции: 1) связь пре- дикативного присвязочного члена (первого актанта) с подлежащим (вторым актантом) и 2) передача глагольных грамматических зна- чений. Мы приписываем связочному глаголу статус сказуемого, а присвязочному предикативному члену - статус первого актанта. Это расходится с традиционной трактовкой сочетания связки и присвя- зочной части как "составного именного сказуемого".

Глагол байх является наиболее отвлеченной по значению основ- ной связкой. К связкам относятся и такие слова, как ажээ 'ока- заться', хийх 'делать', болох 'становиться', харагдах, санагдах 'показаться'. В конструкциях обладания употребляются связки байх, болох, ажээ:

- (1) Би нэг муу буутай байсан 'Я имел одно плохое ружье';
 (2) Манай ах машинтай 'Наш брат имеет машину' (букв.: 'Наш брат с машиной'); (3) Та их номтой юм аа 'У Вас много книг';
 (4) Би нөхөртэй л дээ 'Я ведь замужем'; (5) Чи бол автай юм шүү 'Ты же имеешь отца'; (6) Нэг эхнэртэй байсан 'Был женат';
 (7) Хүн бүр өөрийн гэсэн амьдрал, зорилготой 'У каждого челове- ка своя жизнь и своя цель'; (8) Би хуралтай байлаа 'У меня было собрание'; (9) Би энэ клубт ажилтай байдаг юм 'Я имею работу в этом клубе'; (10) Тэр цагт Цагаанхүү гэдэг нэг найзтай байлаа 'В то время (я) имел друга по имени Цаганхүү'; (11) Монгол ч боксчинтой болох нь дээ 'И Монголия будет иметь боксеров'; (12) Хоёулаа будгийн тавдугаар зэргийн мэргэжилтэй 'Обе имеют спе- циальность маляра пятого разряда'; (13) Бадарч халамжит сайн хань, хоёр сайхан хүү, нэг охинтой ажээ 'Бадарч, оказывается, имеет заботливую, хорошую жену, двух прекрасных сыновей и одну дочь'; (14) Чи яасан урвагар царайтай байх юм 'Какое у тебя хму- рое лицо'; (15) Нуур нь их загастай ажээ 'В озере оказалось много рыбы'; (16) Нэгдэлд трактортой нь ганц би юу? 'В объедине- нии трактор имеется только у меня?'

В рассматриваемых предложениях предикату соответствует со- четание связки и присвязочной части, являющейся первым предикат- ным актантом связочного глагола и выражающей семантику обла- дания. Связка байх в настоящем времени может быть опущена. Вряд ли оправдано постулировать в этом случае нулевую связку, посколь- ку связка может быть восстановлена; скорее, мы имеем дело с эл-

липсом. Первый актант может быть одушевленным (см. примеры - 4-6, 10, 11, 13) и неодушевленным (все остальные примеры), занимает фиксированную позицию перед сказуемым и выражает рему. В случае эмфазы первый актант выносится в начало и тематизируется (пример 15). Но такая перестановка может привести к изменению семантического типа предложения: конструкция обладания становится конструкцией идентификации.

В конструкциях обладания тот элемент, который считается подлежащим и выражает субъект, получает статус второго актанта; как правило, он обозначает лицо и выражается местоимением. Неодушевленный второй актант встретился нам только в примерах 11, 15. Конструкция обладания имеет фиксированное актуальное членение: второй актант всегда выражает тему.

Итак, мы рассмотрели основные модели предложений, образуемых нуль-, одно- и двухвалентными (непереходными) глаголами. Исследование трехактантных конструкций монгольского языка - задача дальнейшей работы.

Примечания

¹Касевич В.Б. О соотношении семантики и синтаксиса // Функционально-типологические проблемы грамматики: Тезисы научно-практической конференции "Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе". - Вологда, 1986. - Ч. I.

²Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. - М., 1964. - С. 40.

³Орчин цагийн монгол хэлний зүй (Грамматика современного монгольского языка). - Улаанбаатар, 1966. - С. 245.

⁴Пюрбеев Г.Ц. Типы предложений монгольского языка в аспекте структурно-грамматических связей // Актуальные проблемы современного монголоведения. - Улан-Батор, 1987. - С. 149.

⁵Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. - Л., 1984.

⁶Там же.

⁷Кузьменков Е.А. Лексический пассив и категория одушевленности в монгольском языке // Вестн. Ленингр. ун-та. - 1980. - № 8. - С. 117-119.

⁸Кузьменков Е.А. Пассив в монгольском языке // *Mongolica*. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. - М., 1986. - С. 52-61.

⁹Кузьменков Е.А. Глагол... - С. 93.

СОДЕРЖАНИЕ

Черемисина М.И. Принципы составления научной грамматики бурятского языка	3
Шагдаров Л.Д. Проблемы учебной грамматики бурятского языка	28
Кузьменков Е.А. Именные классы слов в монгольских языках	48
Цыдыпов Ц.Ц. Еще раз об аспектуальности	63
Дугарова Г.С. Проблема глагольного вида в бурятском языке	78
Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках	89
Золхоев В.И. Морфология бурятского языка	99
Скрибник Е.К. Проблемы описания синтаксиса сложного предложения бурятского языка	103
Омакаева Э.У. К проблеме системного описания простого предложения в монгольском языке	115

Научное издание

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Редакторы издательства Е.К. Скрибник, В.И. Смирнова. Художник А.И. Смирнов. Технический редактор Н.М. Остроумова. Корректоры Т.Ф. Погиблова, И.А. Абрамова

ИБ № 42503

Сдано в набор 02.07.90. Подписано к печати 17.12.90.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8.
Усл. кр.-отт. 8,3. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 750 экз.
Заказ № 279. Цена 1 р. 90к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "наука", Сибирское отделение. 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука". 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

